

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 2(24)
2022**

АПРЕЛЬ–ИЮНЬ
APRIL–JUNE

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации, член-
корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор
Института Европы РАН, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор
политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, доктор
политологии Оксфордского университета,
управляющий директор Оксфордского
международного центра (Великобритания)

ПРОРОК Владимир, проректор Института
международных и общественных отношений,
доктор философии (Чехия)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2022

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Director
of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian
Federation, Associate Member of RAS,
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian
Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich, Director
of the Institute of Europe of RAS, Associate
Member of RAS, Doctor of Political Sciences,
Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, PhD (Pol.Sci.)
of the Oxford University, Managing Director
of the Oxford International Centre
(United Kingdom)

PROROK Vladimir, Vice-Rector of the College
of International and Public Relations
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue «Russian Press» 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:

Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (заместитель председателя)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правопедения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского Общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ), профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, доцент

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

VEDENEEV Yuri Alekseevich, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Deputy Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIIP), Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Head of the Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Professor of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Head of the Department of Constitutional and International Law, Ural Institute of Administration — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Law, Professor

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

КОМАРОВА Валентина Викторовна, ведущий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, доцент кафедры административного, финансового и корпоративного права Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЩЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, ведущий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, ведущий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

СМИРНОВ Вильям Викторович, ведущий сектором теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, ведущий кафедрой политологии и международных отношений, директор департамента социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока Астраханского государственного университета, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal «Citizen. Elections. Authority», Candidate of Political Sciences

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Associate Professor of the Department of Administrative, Financial and Corporate Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (MNEPU), Candidate of Political Sciences

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

SMIRNOV William Viktorovich, Head of the Sector of Theory of Law and State, Institute of State and Law of RAS, Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Head of the Department of Political Science and International Relations, Director of the Department of Socio-Political and Economic Studies of Eurasia and East, Astrakhan State University, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Professor of the Department «State and Municipal Law», Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки),

12.00.02 — Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки),

23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира — Российская Федерация

Конституционное право

11 С.Н. Хорунжий

Конституционная идеология российской идентичности:
самобытный баланс конституционно защищаемых ценностей

Избирательная практика

26 И.Б. Борисов

Трансформация избирательных систем под воздействием
неблагоприятных факторов

47 М.М. Кудрявцев, А.С. Новиков

Феномен электорального абсентеизма в прикладной социологии
политики

Партийная жизнь

57 П.В. Данилин, В.Н. Данилов

Партийно-политическая система России 2016–2021: время
трансформаций

77 В.А. Аватков, А.И. Сбитнева

Партийная система и политические партии Турецкой Республики

Электоральные технологии

91 О.В. Цветкова, Ю.А. Романова

Цифровая трансформация в России: от рейтинга регионов
к дистанционному электронному голосованию

98 К.С. Стригунов, А.В. Манойло, Го Фэнли

Фейковые новости и технология превентивной делегитимизации
выборов

Актуальная трибуна

110 М.А. Аствацатурова

Проблематизация государственно-гражданского диалога
в условиях геополитического поворота

122 И.А. Хабаров

Сообщество как политическое пространство гражданского
вовлечения и исключения: ресурсы, интересы, связи

Мировая практика

- 134 В.И. Лысенко**
Гендерные проблемы электоральной сферы в государствах региона ОБСЕ
- 163 А.И. Петренко**
Технологии отражения информационных атак
- 172 А.Р. Гончаренко**
Западная «гибридная война» и китайская «неограниченная война»: появление, содержание и соотношение понятий

Зарубежный опыт

- 182 Д.А. Авакян**
Избирательные реформы в Англии XIX века как фактор развития парламентаризма

Пространство молодого ученого

- 190 А.К. Бодров**
Теоретические основания концепции баланса отношений «центр-периферия» в политической науке
- 203** Сведения об авторах

Constitutional Law

- 11 S.N. Khorunzhiy**
The Constitutional Ideology of the Russian Identical: an Original Balance of Constitutionally Protected Values

Electoral practice

- 26 I.B. Borisov**
Transformation of Electoral Systems Under the Influence of Unfavorable Factors
- 47 M.M. Kudryavtsev, A.S. Novikov**
The Phenomenon of Electoral Absenteeism in the Applied Sociology of Politics

Party life

- 57 P.V. Danilin, V.N. Danilov**
Russian Party System 2016–2021: Time to Transform
- 77 V.A. Avatkov, A.I. Sbitneva**
Party System and Political Parties of the Republic of Türkiye

Electoral technologies

- 91 O.V. Tsvetkova, Y.A. Romanova**
Digital Transformation of Russia: From the Rating of Regions to Remote Electronic Voting
- 98 K.S. Strigunov, A.V. Manoilo, Go Fanli**
Fake News and Technology of Preventive Delegitimization of Elections

Actual Tribune

- 110 M.A. Astvatsaturova**
Problematization of State-civil Dialogue in the Context of a Geopolitical Turn
- 122 I.A. Khabarov**
Community as a Political Space of Civic Engagement and Exclusion: Resources, Interests, Connections

World Practice

- 134 V.I. Lysenko**
Gender Problems of the Electoral Sphere in the States of the Osce Region

- 163 A.I. Petrenko**
Technologies to Repel Information Attacks
- 172 A.R. Goncharenko**
Western «Hybrid Warfare» and Chinese «Unrestricted Warfare»:
the Emergence, the Content and the Correlation of the Concepts
- Foreign experience**
- 182 D.A. Avakyan**
Electoral Reforms in England of 19th-century as a Factor
in the Development of Parliamentarism
- Young Scientist's Space**
- 190 A.K. Bodrov**
Theoretical Foundations of the Concept of the Balance of «Center-
periphery» Relations in Political Science
- 203 Our authors**

КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: САМОБЫТНЫЙ БАЛАНС КОНСТИТУЦИОННО ЗАЩИЩАЕМЫХ ЦЕННОСТЕЙ

***Аннотация.** В настоящей статье предпринята попытка на доктринально-юридическом уровне рассмотреть базовые элементы российской конституционной идентичности, ядром которой, по мнению автора, выступает государственная (конституционная) идеология, являющаяся матрицей российской идентичности. Содержание последней обусловлено конституционной идеологией социальных (внекорпоративных) ценностей.*

Анализ поправок, внесенных в текст Основного закона в 2020 году, позволяет утверждать, что обеспечение баланса конституционно защищаемых ценностей, в основе которого лежит используемый на практике принцип конституционной пропорциональности, возможен и достижим только при учете следующих конституционно значимых аспектов его реализации: 1) телеологического (правовой баланс является самостоятельной конституционно защищаемой целью правового регулирования, средством и способом достижения которой выступает соотносительное применение частноправовых и публично-правовых начал, правовых ценностей и принципов при соблюдении соразмерной допустимости их различий); 2) идеологического (в его основе лежит интерпретационная модель с ярко выраженной социальной направленностью защищаемых ценностей; компенсируется ошибочное понимание исключительности приоритета частных, субъективистских прав и свобод человека и гражданина); 3) социального (конституционная социализация, закрепленных в Основном законе прав и свобод, позволяет преодолевать проблемы правового регулирования, обеспечивая обоснованный баланс конституционно защищаемых ценностей).

Идентичность является основой (фундаментом) правосубъектности, поэтому идеология идентичности — это идеология правосубъектности, самостоятельности и независимости в решении суверенных вопросов.

В завершении работы формулируется вывод о том, что конституционная идеология российской идентичности представляет собой многонационально, исторически, этически и религиозно обусловленный социально ориентированный (внекорпоративный) баланс самобытных конституционно защищаемых ценностей, обеспеченный правовыми, а также институциональными механизмами их суверенной реализации.

Ключевые слова: конституционная идеология, российская идентичность, баланс конституционно защищаемых ценностей, социальное (внекорпоративное) государство, принцип пропорциональности.

ХОРУНЖИЙ Сергей Николаевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Воронежского государственного университета, доцент кафедры Воронежского филиала РАНХиГС, секретарь Избирательной комиссии Воронежской области, г. Воронеж

THE CONSTITUTIONAL IDEOLOGY OF THE RUSSIAN IDENTICAL: AN ORIGINAL BALANCE OF CONSTITUTIONALLY PROTECTED VALUES

Abstract. *In this article, an attempt is made at the doctrinal and legal level to consider the basic elements of the Russian constitutional identity, the core of which, in the author's opinion, is the state (constitutional) ideology, which is the matrix of Russian identity. The content of the latter is due to the constitutional ideology of social (non-corporate) values. An analysis of the amendments made to the text of the Basic Law in 2020 allows us to assert that ensuring a balance of constitutionally protected values, which is based on the principle of constitutional proportionality used in practice, is possible and achievable only if the following constitutionally significant aspects of its implementation are taken into account: 1) teleological (legal balance is an independent constitutionally protected goal of legal regulation, the means and method of achieving which the relative application of private law and public law principles, legal values and principles while respecting the commensurate permissibility of their differences); 2) ideological (it is based on an interpretive model with a pronounced social orientation of the protected values; it compensates for the erroneous understanding of the exclusivity of the priority of private, subjectivist, human and civil rights and freedoms; 3) social (constitutional socialization of the rights and freedoms enshrined in the Basic Law makes it possible to overcome the problems of legal regulation, ensuring a reasonable balance of constitutionally protected values).*

Identity is the basis (foundation) of legal personality, so the ideology of identity is the ideology of legal personality, independence and independence in resolving sovereign issues. At the end of the work, the conclusion is formulated that the constitutional ideology of the Russian identity is a multinational, historically, ethically and religiously conditioned socially oriented (non-corporate) balance of original constitutionally protected values, provided by legal and institutional mechanisms for their sovereign implementation.

Keywords: *constitutional ideology, Russian identity, balance of constitutionally protected values, social (non-corporate) state, the principle of proportionality.*

Современные вызовы, стоящие перед Российской Федерацией, лишний раз подтверждают актуальность ранее неоднократно озвученных в среде российских конституционалистов и требующих своего доктринального, аксиологического и праксеологического решения вопросов государственной идеологии и конституционной идентичности.

Несмотря на то, что конституционно-правовое осмысление допустимости, возможности или, напротив, неприемлемости «конституционной идеологии» (ч. 1 и 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации – далее Конституция) дано в многочисленных работах современных ученых-конституционалистов, конвенционального единства пока не достигнуто [1, с. 86–116]. Основная трудность, как видится, обусловлена не только особенностью доктринального толкования текста Основного закона с узких позиций юридического

позитивизма, но и гораздо более сложными вопросами, находящимися отчасти в сфере юридической онтологии, первопричины, источника обоснования правомерности либо непозволительности идеологии в государстве, претендующем на статус демократического.

Представляется, что именно идея российской идентичности позволяет связать баланс конституционно защищаемых ценностей в качестве конституционной идеологии современной России в их самобытности, а порой суверенной исключительности по отношению к наднациональным правовым системам и международным притязаниям со стороны других государств и организаций.

Обратим внимание, что в настоящее время наибольшую актуальность приобретают не традиционные дискуссии о верховенстве национального законодательства перед наднациональным и/или международным, а внутренняя, аутентичная российская (конституционная) идентичность¹, предполагающая в современных реалиях многочисленные, порой весьма существенные, изменения норм действующего законодательства, а также сопутствующие им механизмы собственного правового развития России.

Вместе с тем в большинстве работ, посвященных государственной идентичности, основное внимание уделяется размежеванию национального и наднационального, исключению приоритета второго над первым, что, заметим, совершенно справедливо, но при этом остаются вопросы, связанные собственно с определением «ядра» указанной отечественной идентичности в рамках собственного правового регулирования [2]. Здесь сразу скажем, что речь не идет о принятии почвеннической изоляционистской позиции — правовой системы, отделенной, противопоставляющей конституционные ценности иных стран и обществ. Напротив, осознать свою собственную идентичность можно только через соотношение и противопоставление другим. В связи с этим представляется крайне важным, используя, в том числе, компаративистские подходы, найти собственное правовое ядро российской идентичности.

Как справедливо в свое время отметил Г.А. Гаджиев, сегодня крайне необходима «методология распознавания “ядерных” правовых традиций, разрушение которых означает утрату идентичности» и, напротив, определения правовых традиций, стереотипов, а также предрассудков, которые «инаковость» доводят до степени архаизма и правовой инерции [3].

В качестве одной из попыток ответить на витающий в правовой среде вопрос сошлемся на позицию В.Д. Зорькина, который к базовым элементам конституционной идентичности отнес внутригосударственные нормы о фундаментальных правах, а также основы конституционного строя [4, с. 4]. Соглашаясь с председателем Конституционного суда, позволим заметить, что, по нашему мнению, конституционная идентичность в этом смысле выступает

¹ Здесь и далее «российская» и «конституционная» идентичности используются как синонимы.

своеобразной правовой проекцией разнообразных элементов собственной правовой, социальной, политической, религиозной, нравственной культуры многонационального народа Российской Федерации.

Исключая полярные точки зрения почвеннического изоляционизма и либерального универсализма, а также идеи ризомного (децентрализованного) права [5, с. 15–28; 6], экономической юриспруденции [7] и тому подобного, обратимся к следующим юридическим конструкциям и элементам, которые, думается, могут стать базовыми в определении существа российской правовой конституционной идентичности.

Государственная (конституционная) идеология. Очевидно, что идеология (политическая, философская, религиозная) не должна становиться государственно обязательной. Однако не менее ясно и то, что любая система (права, государства) образует свою собственную правовую среду с присущими ей специфическими чертами, которые, по сути, и являются идеологическими скрепами. В рамках такого «нормативно-территориального» пространства формируются сопутствующие общественные отношения, юридические связи, правоприменительная практика, правовые доктрины и идеи, соответствующие конкретному историческому периоду развития государства. Для юридического сознания очевидно, что кумулятивную роль в этом процессе играют обобщенные в доктрине права аксиологические закономерности, отраженные в соответствующих нормативно-позитивистских принципах, юридических формулах и концептах, нашедших отражение в Основном законе государства. В этом смысле всякая конституция содержит определенные идеологические начала. Исходя из текста и смысла норм Конституции Российской Федерации, можно говорить как минимум о патриотических, социальных, демократических и иных идеологемах Основного закона.

Идеологические ценности могут быть верифицированы по отношению к иным — национальным, моральным, религиозным, этическим — ценностям. Истинность их нормативного содержания определяется конкретными правоположениями, которые находят свое дальнейшее раскрытие в соответствующих нормах и статьях, правовых актах. Закрепление государством идеологических ценностей предполагает соблюдение установленных демократических процедур участия населения. Кроме того, даже принятые идеологические «стандарты» не означают вечного аксиоматического отношения к ним со стороны граждан: они также могут быть изменены в соответствии с установленными процедурами.

Таким образом, с юридической точки зрения верификация идеологических ценностей (например, социального государства либо индивидуальных прав и свобод) осуществляется посредством инструментов и способов их достижения, а именно, через действия государственно-правовых механизмов,

реализацию конкретных юридических предписаний и, в конечном счете, степени их исполнения.

Базовые ценности, составляющие идеологическое ядро современной России, содержатся, по нашему глубокому убеждению, в самой Конституции и, прежде всего, в ее преамбуле, которая имеет особое аксиологическое значение, устанавливающее одновременно статус (ядра конституционно защищаемых ценностей) и вектор их развития. Кроме того, конституционные правовоположения идеологического порядка получили свое отражение и в других основополагающих актах — различных концепциях и программах.

Последовательная реализация заложенных в Основном законе концептуальных основ позволяет не только раскрыть нормативный позитивизм стратегических целей, но и правильно воспринимать не всегда очевидные преимущества тактических шагов по их реализации. Добавим, что в тексте Конституции содержится достаточное количество государственных политико-социальных концептов, которые в полной мере можно считать идеологическими: государственный суверенитет, федерализм, верховенство права, приоритет прав и свобод человека и гражданина, гарантии социального государства и другие.

Представляется, что на идеологию, равно как и на одноименную функцию государства, распространяются требования о соблюдении баланса, обеспечение которого необходимо в том числе в определении конкретных сфер идеологизации («реидеологизации») и соотношения с иными функциями государства. В противном случае задача обеспечения равной защиты частных и публичных интересов вряд ли достижима.

Конституционная идеология баланса защищаемых Основным законом ценностей обеспечивает не только гармонизацию собственно конституционных ценностей и равновесие способов их защиты, но идет значительно дальше, — она позволяет выйти за узконормативные рамки юридического позитивизма, объяснить и обеспечить действенность постоянно меняющегося соотношения указанных выше ценностей, реконструируя существующую правовую реальность. С одной стороны, это гарантирует преемственность правовых ценностей, с другой, — позволяет уйти от избыточного консерватизма и рисков развития системы государства и права в реакционном направлении.

Как известно, общероссийское голосование 2020 года своими поправками напрямую не затронуло главы 1 и 2 Конституции, в том числе указанную выше статью 13 Основного закона. Вместе с этим нельзя также отрицать, что вступившие в силу 4 июля 2020 года новые конституционные правовоположения не повлияли на существующую правовую материю как в ее практическом смысле (последующее принятие новых федеральных законов), так и в доктринальном осмыслении новых конституционно-правовых конструкций и категорий.

Напротив, произошла не только формально-юридическая коррекция редакционного характера ряда конституционных норм (например, введение понятия «сенатор»), но также изменения в фиксации, содержании и раскрытии целого ряда конституционных ценностей, которые в своей системной связи влекут общую идеологическую трансформацию фундаментальных положений Основного закона. В качестве примера приведем лишь некоторые, зафиксированные в обновленном тексте Конституции, конституционные ценности:

признание исторически сложившегося государственного единства, в основе которого тысячелетняя история и память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога (ч. 2 ст. 67.1);

защита исторической правды, недопустимость умаления значения подвига народа при защите Отечества (ч. 3 ст. 67.1);

воспитание патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, обеспечение приоритета семейного воспитания (ч. 4 ст. 67.1);

культура как уникальное наследие ее многонационального народа (ч. 4 ст. 68);

культурная самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации; гарантия сохранения этнокультурного и языкового многообразия (ч. 2 ст. 69);

институт брака как союза мужчины и женщины (п. «ж. 1» ч. 1 ст. 72);

принцип всеобщности, справедливости и солидарности поколений (ч. 6 ст. 75);

взаимное доверие государства и общества, гарантированная защита достоинства граждан и уважение человека труда (ст. 75.1);

сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность (ст. 75.1);

социально ориентированная государственная политика в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения (п. «в» ч. 1 ст. 114);

сохранение традиционных семейных ценностей (п. «в» ч. 1 ст. 114);

поддержка добровольческой (волонтерской) деятельности (п. «е. 2» ч. 1 ст. 114);

реализация принципов социального партнерства (п. «е. 4» ч. 1 ст. 114).

Очевидно, что необходимость принятия поправок в текст Конституции была вызвана объективными процессами развития российского общества и государства, их роли и места в ближайшем будущем. Внесение указанных изменений несомненным образом повлияло на содержание прежних конституционно защищаемых ценностей, ряд из которых в их системной взаимосвязи усилили свое звучание, уточнили доктринальные и правоприменительные акценты, расширили свою аксиологическую силу и конституционное правопонимание.

Неслучайно Конституционный Суд, оценивая поправки, подготовленные для рассмотрения на общероссийском голосовании, указал, что Основной закон закрепляет конституционную идентичность России во внутригосударственном и международном пространстве, напрямую касается вопросов «общероссийской государственной идентичности, а также гарантий ее сохранения и защиты»².

Юридическая формализация включенных в текст конституционных новаций в профессиональной среде была подвергнута определенной критике. Представляется, что косвенное и прямое конституционное действие новых правоположений с учетом имеющих место событий государственной и общественной жизни подчеркивают уместность и своевременность проведенной (и, вероятно, незавершенной) конституционно-правовой реформы прежде всего с точки зрения уточнения и фиксации собственных аутентичных конституционно-правовых ценностей России, уходящих корнями в историю нашего государства, обеспечивающих самостоятельность и суверенитет как в территориально-государственном, так и в духовно-общественном уникальном сочетании баланса конституционно защищаемых ценностей.

Фундаментальные правовые положения, закрепленные в тексте Конституции, формируют особую, индивидуальную, а также в целом ряде аспектов исключительную для России идеологию конституционного баланса правовых ценностей, основанного на положениях российской правовой доктрины, нормах действующего законодательства, определяющих человека, его права и свободы в качестве высшей ценности, и обеспечивающих их реализацию с учетом решения разнонаправленных, но взаимозависимых целей и задач развития общества и государства.

Таким образом, *конституционная идеология в рассматриваемом здесь аспекте представляет собой самобытную, исторически обусловленную систему конституционно защищаемых ценностей Российской Федерации.*

Конституционная идеология как матрица русской идентичности

Западно ориентированное общество пытается универсализировать свою аксиологическую систему, распространяя и насаждая ее в качестве безальтернативной в правовой среде других стран. Однако в силу того, что такой посыл лишен первоначальной основы ввиду наличия собственных норм морали, нравственности, правил этики и понимания границ справед-

² Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации».

ливости, единственно возможным вариантом внедрения указанных правил является использование принудительной силы государства и (или) международного влияния в самых разных формах. В этих случаях навязывание чуждых нормативных регуляторов проходит под лозунгом имплементации (инкорпорации и проч.) «общепризнанных международных норм и стандартов поведения», подменяя и замещая тем самым российскую, в данном случае, — правовую — идентичность³.

Отметим, что в научной литературе и правоприменительной практике идентичность рассматривается, например, по отношению к праву, нации, культуре, этносу («правовая идентичность» [8, с. 38; 3, с. 56; 9, с. 39–62], «конституционная идентичность» [10, с. 52–54; 11, с. 7–10]⁴, «национальная конституционная идентичность»⁵ и т. п.).

В конституционных правоотношениях понятие «идентичность» также предлагается рассматривать как «совокупность ценностей, защита которых составляет главный смысл существования государства и важнейших институтов, эти ценности гарантирующих».

Полагаем, что, раскрывая содержание российской идентичности, следует рассматривать ее не только в узконормативистском аспекте (как нормы права или морали), но также в качестве системно связанных и взаимодействующих между собой разнообразных институциональных механизмов, обеспечивающих уникальность национальной, культурной, этической, а также религиозной самоидентификации человека и гражданина, общества и государства.

В.Д. Зорькин справедливо полагает, что конституционная идентичность, являясь квинтэссенцией уникального индивидуального опыта каждого государства, внутренне обусловлена историческими, культурными и социальными факторами в их совокупности, преломленной в праве, поэтому не может быть навязана или придумана, но является системой идей и убеждений исторического прошлого страны, переосмысленных в новой, текущей эпохе [5, с. 12].

Конституционно-правовая реформа 2020 года стала важной, хотя во многом весьма запоздалой реакцией, направленной на закрепление незыблемости российской идентичности, уточнение некоторых конституционно защищаемых ценностей, а также реформирование ряда публично-правовых институтов.

В частности, конституционные поправки вновь и вновь обращаются к ценностям многонационального народа, его культуры и русского языка

³ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) / КонсультантПлюс.

⁴ Постановления Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П и от 19.01.2017 № 1-П.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П.

как языка государствообразующего народа (ч. 1 и 4 ст. 68), признавая самобытность всех народов и этнических общностей (ч. 2 ст. 69). Указанные дополнения и уточнения дополнительно раскрывают конституционные правоположения преамбулы Основного закона о «многонациональном народе Российской Федерации», формируя тем самым особую отечественную, неповторимую российскую идентичность.

Отметим сразу, что конституции иных государств могут содержать схожие положения, однако это никоим образом не умаляет индивидуальную самобытность отечественных конституционных правоположений, ибо их доктринальное понимание формируется в системной взаимосвязи со всеми другими конституционно защищаемыми ценностями, а также правовыми и организационными механизмами реализации в практической жизни граждан страны.

В научной литературе неоднократно и абсолютно верно указывалось на невозможность единых «универсальных рецептов», «одинаковых конституционных идентичностей»; даже якобы одинаковые конституционные ценности правовых систем иных государств в своем содержании также не являются тождественными между собой, поскольку их толкование предопределяется национальными правовыми традициями и конституцией [5, с. 13].

К примеру, обеспечение конституционной защиты частной жизни (ч. 1 ст. 23) из пропозиции приоритета защиты индивидуальных прав и свобод, имевшей место в свое время в результате ошибочной интерпретации статьи 2 Конституции о высшей ценности прав и свобод «человека», сформировало в конечном счете ортогональный вектор, исключающий защиту прав и интересов групп, сообществ, народа в целом. В последующем это было скорректировано конституционными правоположениями о социальном партнерстве, экономической, политической, а также социальной солидарности, сбалансированности (персоналистских) прав и обязанностей, в том числе, перед обществом и государством (ст. 75.1).

Приведенные положения восстанавливают забытый, но по-прежнему существующий исторически и юридически обусловленный отечественными традициями баланс общекультурных, общенародных и многонациональных конституционно защищаемых ценностей России (п. «в» ч. 1 ст. 114).

В качестве институциональных основ ренессанса российской идентичности следует также рассматривать восстановление суверенитета российского судопроизводства по отношению к наднациональным судебным инстанциям, исключение предпринимавшихся ранее попыток обеспечить субординацию российского конституционного правопорядка перед европейским, что исключало какое-либо взаимодействие или хотя бы «надлежащее равновесие»⁶.

⁶ Постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П, от 19.01.2017 № 1-П.

Полагаем, что внутренним механизмом возрождения исторической справедливости самобытности отечественных конституционно защищаемых ценностей выступает *конституционная идеология, которая создает уникальную матрицу общегосударственной российской идентичности.*

В основе идеологии российской идентичности лежат исторически, этически и религиозно обусловленные суверенные правовые механизмы реализации самобытности конституционно защищаемых ценностей многонационального народа Российской Федерации.

Конституционная идеология социальных (внекорпоративных) ценностей. Изменения целого ряда конституционных положений в результате общероссийского голосования привели к тому, что текст Основного закона приобрел еще более социально ориентированную, солидаризированную направленность единства многонационального народа.

Напомним, что европоцентристская идея защиты прав и свобод человека носит преимущественно индивидуалистическую формально-юридическую логику с преобладанием интересов личности перед социумом, где в основе поиска баланса ценностей положена идея пропорциональности, удовлетворяющая трем секуляризованным этапам: 1) установление степени нарушения прав человека; 2) установление важности исполнения конкурирующих принципов; 3) ответ на вопрос, оправдывает ли нарушение прав человека исполнение конкурирующего принципа.

Такое алгоритмизированное выполнение лишь позволяет понять структуру действий, сводимых к поиску баланса конституционно защищаемых ценностей, но ничего не говорит нам о самой природе ценностей, лежащих в его основе.

Недостаток такой модели определения баланса заключается именно в том, что ее сторонники принципиально исключают использование категорий морали и нравственности, поскольку последние носят весьма оценочный (а значит — негативный, по их мнению) характер [12, р. 64], в итоге сводя все к весьма утилитарной концепции — достижению индивидуалистской пользы или экономической выгоды.

Для обоснования находящегося сейчас в тренде европейского внерелигиозного — «морально нейтрального» [12, р. 65. Справедливости ради все же отметим достаточно спутанные попытки частичного признания авторами идей пропорциональности необходимости моральных обоснований: «Что касается отношения между поиском баланса и его моральной аргументацией, — пишут М. Klatt, М. Meister — мы доказали ... что последнее действительно является необходимой ... Установление баланса не претендует на моральную нейтральность. <...> Мы также подчеркнули, что модель уравнивания, хотя и устанавливает связь между правовым и моральным рассуждением, морально нейтральна в том смысле, что не опирается на какую-либо кон-

кретную моральную теорию. Скорее, он открыт для различных моральных теорий. Там же. М. Klatt, M. Meister, p. 72–73] — баланса его сторонники утверждают, что принцип пропорциональности открыт для любых вне- и антиморальных аргументов и поэтому не зависит от конкретной этической или морально-нравственной системы.

Полагаем, что адепты подобных убеждений глубоко ошибаются. Подобный юридический экуменизм, позволяющий принять, а значит исключить признание индивидуального предназначения каждой ценности, ее тесной связи и взаимообусловленности принятой системы ценностей в конкретно взятом историческом отрезке развития этого общества и данного государства, не допустим.

В этом смысле сопоставимость ценностей между собой не может быть нейтральна по отношению друг к другу и, тем более, к иным системам ценностей. Это прямой путь к отказу от моральной, нормативной, юридической и государственной идентичности собственных конституционно защищаемых ценностей.

Определяя баланс и решая проблему выбора между конфликтующими принципами и ценностями, выявление степени нарушения одного из принципов, определение юридических и фактических прогнозируемых последствий — предпочтение одной ценности другой, объективно невозможно освободиться от идеологических скреп, которыми выкованы и сцеплены все закрепленные в Основном законе общественно полезные, и потому, конституционно защищаемые ценности.

Исключение абсолютности каких-либо прав (что является одним из принципиальных аспектов модели пропорциональности) — основа потери собственной идентичности.

Обеспечение подлинного баланса конституционно защищаемых ценностей возможно в случае включения конституционной идеологии в качестве самостоятельного элемента структуры пропорциональности.

Как было показано ранее, конституционная идеология выступает правовым, морально-нравственным концептом, агрегирующим в себе юридические, политические, а также этические конституционные ценности, права и притязания, которым придана высшая юридическая сила.

В этом смысле согласимся с позицией Ю. Хабермаса, критиковавшего идею пропорциональности именно за лишение права его нормативно определяемой силы, что низводит право до уровня квазиправовых целей и государственной политики, следствием чего является утрата «строгого приоритета» [13] абсолютного над относительным.

Корень отличия здесь сокрыт не в количестве или объеме ценностей, но в их обосновывающем конституционном фундаменте. Таковым по отношению к тексту Основного закона любой страны является заложенное в него ядро — конституционная идеология.

В зарубежных исследованиях в таких ситуациях апеллируют к возможности использовать свободу судейского усмотрения в самом прямом смысле этого слова и отдать предпочтение любому из принципов [14]. Последнее мы не можем разделять, поскольку ничем не ограниченное судейское усмотрение становится судебным произволом.

Идеологическим конституционным ядром современной Конституции Российской Федерации выступают социальные в самом широком смысле слова конституционно защищаемые ценности. В частности, в научной литературе это находит отражение в таких социально-релевантных юридических конструкциях и категориях, как, например, социально-экономический принцип ответственности органов государственной власти за экономическое развитие российского государства [15, с. 36–40]; публичные финансы в доктрине социального инвестирования как аксиологической сущности финансового права и принципа финансово-правового регулирования [16, с. 76–85]; а также в особой «социоэкономической парадигме (модели) Конституции России» [17, с. 27–32].

Верховный Суд Российской Федерации, давая оценку таким вопросам местного значения городского, сельского поселения, как организация электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, указал, что соответствующие полномочия «обеспечивают реализацию провозглашенных в Конституции целей социальной политики, предопределяющих обязанность государства заботиться о благополучии своих граждан, их социальной защищенности и об обеспечении нормальных условий существования, уважения чести и достоинства человека как важнейших социально-правовых ценностей».

Отметим, что социализация права имеет место не только в традиционных патерналистически обеспечительных отраслях российского законодательства (например, право социального обеспечения), но, как совершенно справедливо указывается в специальной литературе, и в сфере цивилистических отношений, когда ядром всякого института *ius civile* должна выступать соответствующая «социальная функция» [18]. Зачастую, казалось бы классические цивилистические институты, заимствованные из римского частного права как узуфрукт и сервитуты, также относят к социальным правам [19].

Собственно в подобном понимании нет ничего удивительного, если само право изначально рассматривать в качестве самостоятельной социальной ценности [20], равно как и лежащую в обосновании идеи права — категорию справедливости — в качестве «социально-правовой ценности» [21, с. 27–30].

Указанные нормы лишь многогранно усиливают свое конституционно-правовое содержание социальных конструктов Основного закона [22, с. 16–28]. В актах Конституционного суда социальное содержание конституционно защищаемых ценностей также находит свое отражение в качестве, например квалификации трудовой и иной общественно полезной деятельности как

социальной ценности⁷, развитых норм социального обеспечения и в целом «социально-ориентированной государственности»⁸.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что использование идеологических основ Конституции исключает неуместную ссылку на «нейтральный характер» конституционных ценностей. В этой связи полагаем, что при определении баланса конституционно защищаемых ценностей необходимо использовать самостоятельный критерий — соответствие базовым, конституционно идеологическим аспектам развития социального государства.

Таким образом, рассмотренные нами выше условия реализации конституционной пропорциональности в Российской Федерации для обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей позволяют выделить следующие конституционно значимые аспекты:

1) телеологический аспект: правовой баланс, являющийся самостоятельной конституционно защищаемой целью правового регулирования, средством и способом достижения которой выступают соотносительное применение частноправовых и публично-правовых начал, правовых ценностей и принципов при соблюдении соразмерной допустимости их различий;

2) идеологический аспект: в его основе лежит интерпретационная модель с ярко выраженной социальной направленностью защищаемых ценностей; компенсируется ошибочное понимание исключительности приоритета частных, субъективистских прав и свобод человека и гражданина;

3) социальный аспект: конституционная социализация закрепленных в Основном законе прав и свобод позволяет преодолевать проблемы правового регулирования, обеспечивая обоснованный баланс конституционно защищаемых ценностей.

С учетом рассмотренных выше аспектов, основой российской конституционной идентичности должно стать социально ориентированное ядро государственной (конституционной) идеологии. Идентичность является основой (фундаментом) правосубъектности, поэтому идеология идентичности — это идеология правосубъектности, самостоятельности и независимости в решении суверенных вопросов.

В этом смысле конституционная идеология российской идентичности представляет собой многонационально, исторически, этически и религиозно обусловленный социально ориентированный (внекорпоративный) баланс самобытных конституционно защищаемых ценностей, обеспеченный правовыми, а также институциональными механизмами их суверенной реализации.

⁷ Постановления Конституционного Суда РФ от 14.01.2016 № 1-П и от 28.01.2020 № 5-П.

⁸ Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) / КонсультантПлюс.

Список литературы

1. Хорунжий С.Н. Конституционная идеология баланса правовых ценностей / Хорунжий С.Н. Правовой баланс как самостоятельная юридическая ценность: механизмы его обеспечения и регулирования: монография; Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019.
2. Исаева Н.В. Правовая идентичность как категория права и теоретико-правового анализа: Монография / Н.В. Исаева. М.: Юрлитинформ, 2014. 358 с.
3. Гаджиев Г.А. Конституционная идентичность и права человека в России. URL: http://www.ksrf.ru/ru/news/Documents/report_Гаджиев%20_2016.pdf.
4. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4.
5. Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8.
6. Пути развития философии права в России: Круглый стол Междисциплинарного центра философии права Института философии РАН, 7 декабря 2016 г., Москва. URL: https://journals.eco-vector.com/2410-7522/article/view/18236/ru_RU.
7. Позрен Р. Рубежи теории права [Текст] / пер. с англ. И.В. Кушнаревой; под ред. М.И. Одинцовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 480 с.
8. Резников Е.В. Правовая идентичность и правовой менталитет: Монография. М.: Юрлитинформ, 2017.
9. Белослудцев О.С. Теоретико-правовая природа концепции конституционной идентичности // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 3.
10. Грачева С.А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. 2018. № 9.
11. Корякин К.Д. Формирование доктрины правовой идентичности в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9.
12. Klatt M., Meister M. The Constitutional Structure of Proportionality. Oxford, 2012.
13. J. Habermas, Between Facts and norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy, 256, 258 f.
14. R. Alexy, A Theory of Constitutional Rights. 410.
15. Чупилкина А.Ф. Трансформация мировой конституционной мысли: к вопросу об обязательных социально-экономических частях системы новой российской Конституции // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 12.
16. Омелехина Н.В. Обеспечительная функция публичных финансов в контексте конституционных принципов социального государства // Журнал российского права. 2021. № 8.
17. Чиркин В.Е. О социоэкономической парадигме (модели) Конституции России 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12.
18. Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др.; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020. 480 с.

19. Емелькина И.А. Узуфрукт и личные сервитуты как социальные права на жилые помещения / Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др.; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020.
20. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе / С.С. Алексеев; предисловие С.А. Степанова; вступительная статья А.П. Семитко. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. LXXX. 223 с.
21. Киричек Е.В. Некоторые размышления о справедливости, правовом законе и правах человека в условиях модернизационных процессов в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5.
22. Гаджиев Г.А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал российского права. 2022. № 1.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ФАКТОРОВ

Аннотация. Вызовы современности, связанные с природными катаклизмами, эпидемиями, попытками переоценки фундаментального права народов на самоопределение, вмешательством извне в национальные политические процессы, ведением многоуровневых гибридных войн, санкционным и информационным нажимом требуют от государств соответствующих мер реагирования, направленных на сохранение демократии, обеспечения суверенитета и целостности государства. Необходимость решения этих задач в полной мере относится и к организации электоральных процедур, которые должны обеспечивать свободное, без давления и вмешательства, волеизъявление своего народа и одновременно решить вопросы дальнейшего безопасного и устойчивого развития нации. Один из путей достижения указанной цели проходит через непривлекательную, но необходимую в таких случаях процедуру — ограничение политических и избирательных прав на период выхода из кризиса или неблагоприятной ситуации. Пределы усмотрения законодателей и правоприменителей в подобных ситуациях выступили объектом исследования в настоящем материале.

Ключевые слова: избирательная система, участие населения в управлении делами государства, выборы, референдумы, избирательные права, чрезвычайные ситуации, ограничение избирательных прав, перенос выборов, избирательные цензы, электоральный суверенитет.

TRANSFORMATION OF ELECTORAL SYSTEMS UNDER THE INFLUENCE OF UNFAVORABLE FACTORS

Abstract. The challenges of our time associated with natural disasters, epidemics, attempts to reevaluate the fundamental right of nations to self-determination, external interference in national political processes, multi-level hybrid wars, sanctions and information pressure demand from states to respond appropriately to preserve democracy, ensuring sovereignty and integrity of a state. The need to solve these problems fully applies to the organization of electoral procedures, which should ensure people's free will, without pressure and interference. At the same time it should solve issues of further safe and sustainable development of a nation. One of the ways to achieve this goal goes through an unattractive, but necessary procedure in such cases — the restriction of political and electoral rights for the period of

overcoming a crisis or an unfavorable situation. The limits of the discretion of legislators and law enforcers were the object of the study.

Keywords: *electoral system, participation of population in the management of state affairs, elections, referendums, voting rights, emergency situations, restriction of voting rights, postponement of elections, electoral qualifications, electoral sovereignty.*

Введенный обрушившейся на мир пандемией COVID-19 общественный и научно-прикладной дискурс о возможности и допустимости трансформации избирательных систем под воздействием внешних неблагоприятных факторов в последующем был еще более усилен специальной военной операцией, направленной на демилитаризацию и денацификацию Украины.

Далеко не всегда преобразование избирательных систем под влиянием внешних негативных явлений расширяло избирательные права и свободы. Зачастую наоборот. Проходящие изменения были связаны с определенным ограничением избирательных, как составной части политических, прав и свобод в сложных условиях обрушившихся на народы внешних угроз, — будь то пандемия или неизбежность противостояния возрастающему фашизму и необходимость защиты от потери государственного суверенитета.

Проблематике ограничений избирательных прав посвящено немало работ отечественных исследователей [см., например: 1, с. 63–69; 2, с. 130–131; 3, с. 11–14; 4, с. 34–41; 5, с. 50–56; 6, с. 11–14; 7, с. 25–28; 8, с. 49–52], но проблема воздействия на эти процессы внешних негативных факторов сохраняет высокую научную и практическую актуальность.

Несомненно, что избирательные права составляют важный элемент правового статуса личности в государствах современного мира [9, с. 7]. Однако при выполнении сложных задач, требующих приложения дополнительных сил и даже определенной жертвенности ради коллективных интересов, люди, участвующие в подобных мероприятиях, попадают в строгие рамки ограничений своих прав и свобод, что является допустимым и обоснованным не только и не столько с точки зрения норм права, но и с морально-этической точки зрения; оно оправдано интересами общества, нации и своего народа, как одна из форм демократии, определяющей государственное устройство и форму правления в государстве [10, с. 322]. Именно так демократию закрепляет Конституция Российской Федерации, — «не в смысле господства народа, основой которого могла бы быть его единодушная воля, речь идет о рациональной организации политического процесса и обеспечении политического единства народа в условиях многопартийности и ее институтов» [11, с. 363].

В качестве ответа на информационное и санкционное давление со стороны западных государств в обществе актуализировался дискурс о возможных корректировках в избирательном законодательстве и назревших изменениях в нем с учетом текущей ситуации, возрождающейся политики нетерпимости и русофобии.

Спектр предлагаемых идей и точек зрения в интересах оптимизации избирательной системы достаточно широк, — от отмены и переноса выборов, до изменения порядка наделения полномочиями выборных лиц и сокращения электоральных процедур. Практически все предложения в той или иной степени затрагивают избирательные права и свободы.

Ограничение политических и избирательных прав в интересах легитимности избранной власти и дальнейшей стабильности в развитии демократии даже при незначительных временных интервалах сужения политических свобод требует взвешенного и сбалансированного подхода, учитывающего международную практику и зарубежный опыт, связанный с ограничением избирательных прав и отступлением от международных обязательств.

Зачастую объективная потребность общества и государства в ограничении прав и свобод человека и гражданина вступает в противоречие с необходимостью их соблюдения согласно международным актам и обязательствам, которые в действительности не склонны к абсолютизации и предоставляют достаточно широкую свободу усмотрения национальным законодателям в соответствии с основным законом страны.

Но если принимаемые в подобных ситуациях меры нормативного регулирования электорального процесса, направленные на расширение избирательных прав, не должны вызывать вопросы, то определенные ограничения в правах и изъятия из устоявшейся практики вызывают не только политический, но и научный дискурс, связанный с поиском путей укрепления и совершенствования всеобъемлющей системы обеспечения и защиты прав личности.

Международные подходы в вопросах ограничения прав граждан

Б.С. Эбзеев в свое время отмечал, что уже в начале текущего столетия применительно к правам и свободам личности «сложились международные гуманитарные стандарты..., международный гуманитарный консенсус, предусматривающий единство в понимании прав и свобод человека и гражданина и обязательств государств по их защите...» [12, с. 28]. Международно закрепленные права и свободы личности, их перечень, словесное выражение, содержание, значение должны служить обязательным ориентиром для национальных законодателей.

Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Протоколы к ней, Документ Копенгагенского совещания СБСЕ по человеческому измерению 1990 года, — это далеко не полный перечень международных актов,

в которых на межгосударственном уровне закреплены общепризнанные права и свободы человека и гражданина. Государства-участники международных соглашений взяли обязательства по обеспечению закрепленного общеобязательного минимального набора прав и свобод индивида, которыми он должен обладать в частной, политической, экономической, культурной и иных сферах жизнедеятельности.

При этом все международные акты о правах человека допускают ограничение прав и свобод как в условиях ординарного (нормального) правопорядка, так и при введении какого-либо чрезвычайного режима (чрезвычайное положение, военное положение, осадное положение и др.) [13, с. 338–342].

Нормы статьи 29 Всеобщей декларации прав человека допускают ограничение прав и свобод личности: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Возможность ограничения прав и свобод индивида предусмотрена практически во всех профильных международных актах: Всеобщей декларации прав человека, Пакте о гражданских и политических правах, Пакте об экономических, социальных и культурных правах, Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и других¹.

Международные акты подразделяют права человека на абсолютные и неабсолютные, имеющие определенные ограничения. Соответственно, эти группы прав имеют разный уровень защиты. Абсолютный характер прав предусматривает, что при обеспечении баланса между их осуществлением и достижением какой-либо законной цели ограничение этих прав не допускается.

К абсолютным правам относятся право на жизнь, запрет пыток, рабства, «обратная сила» при применении уголовного законодательства. Большинство прав, включая политические и избирательные права, не являются абсолютными по характеру.

Государства могут ограничивать реализацию прав по объективным причинам при условии, что принятые меры со стороны государства отвечают ряду условий. В качестве примера можно привести право на свободу выражения, свободу собраний, свободу ассоциаций и свободу передвижения, а также требование публичности судебных разбирательств. При ограничении этих

¹ См., например, ст. 2, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 29 Всеобщей декларации прав человека, ст. 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 25 Пакта о гражданских и политических правах, ст. 2, 4, 5, 8 Пакта об экономических, социальных и культурных правах, ст. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 17 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

прав применимы различные обоснования, такие, как национальная безопасность или общественный порядок, а также условия, которые должны быть удовлетворены для их ограничения на законных основаниях.

Некоторые ограничения, предусмотренные Международным пактом о гражданских и политических правах {например, ст. 18 (3) и 19 (3)}, могут быть применены независимо от объявления чрезвычайного положения. Так, даже в период чрезвычайного положения, как это предусмотрено в статье 4 Международного пакта, государства могут принять решение о применении таких ограничений вместо использования права отступления от предусмотренных положений². В исключительных случаях «во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой»³, государства могут принимать меры по отступлению от обязательств, то есть временно приостановить или изменить свои обязательства по договору при условии выполнения ряда условий.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в рамках Совета Европы 4 ноября 1950 года и являющаяся с учетом дополняющих ее протоколов основополагающим международным правовым актом Совета Европы в сфере прав человека, допускает отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях. Она прямо предусматривает возможность отступления от обязательств в условиях войны или чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации, в той мере, в которой это определено чрезвычайными обстоятельствами, ограничивая на этот период права и свободы человека, за исключением прямо перечисленных в Конвенции. При этом к правам, не подлежащим ограничению, не отнесены избирательное право, равно как и иные политические права граждан. Ограничения должны быть обусловлены обстоятельствами, являющимися их причиной, и не должны применяться для целей, не связанных с провозглашенными при установлении ограничений.

Аналогичные положения содержатся в Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках СНГ от 7 октября 2002 года, являющейся единственным юридически обязывающим международно-правовым актом, детально устанавливающим содержание избирательных прав и свобод. Согласно части 2 статьи 18 Конвенции ограничения для выдвижения кандидатов, списков кандидатов, касающиеся создания и деятельности политических партий (коалиций), избирательных прав и свобод граждан, могут применяться в интересах защиты конституционного строя, национальной безопасности, поддержания общественного порядка, защиты общественного благосостояния и морали,

² Электронный ресурс: <https://www.unodc.org/e4j/ru/terrorism/module-7/key-issues/limitations-permitted-by-human-rights-law.html>.

³ Статья 4 (1) Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП).

прав и свобод граждан и должны соответствовать международным обязательствам государства.

Международная практика введения ограничений исходит из того, что для принятия соответствующих ограничительных мер необходимы конкретные условия: объективно должна существовать кризисная или чрезвычайная ситуация; охват проблемой должен касаться всего населения территории; должна существовать действительная (не мнимая) угроза для организации жизни сообщества; государство обязано довести до сведения населения информацию о введении ограничительных мер. Именно эти условия считаются необходимыми и достаточными для применения отступлений от международных обязательств по соблюдению прав человека.

При определении необходимого порогового уровня применения ограничений Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) установил, что *необходимо выполнение трех условий для принятия соответствующего решения: должна существовать кризисная или чрезвычайная ситуация исключительного характера; которая затрагивает все население; и которая представляет угрозу для организованной жизни сообщества*⁴. При этом ЕСПЧ разрешает государствам некоторую свободу усмотрения, — так называемый «предел свободы оценки» при определении предполагаемых угроз безопасности и ответных мер на них⁵.

Международные суды также требуют официального объявления о чрезвычайном положении до осуществления любого отступления от обязательств. А органы власти должны информировать о положениях, применение которых было приостановлено в связи с таким объявлением⁶. Особое место в международном праве, связанном с ограничением прав и свобод (отступлением от международных обязательств государств), занимают условия и принципы этих отступлений в целях предотвращения злоупотребления ими.

Как отмечает Комитет по правам человека ООН в Замечании общего порядка № 29 в отношении статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах, данная статья, с одной стороны, позволяет государству-участнику в одностороннем порядке временно отступать от части его обязательств по Пакту; с другой стороны, она предусматривает особый режим гарантий как в отношении самого отступления, так и его материальных последствий. *Восстановление нормальных условий, когда может быть вновь обеспечено всестороннее соблюдение положений Пакта, должно быть главной целью государства-участника, отступающего от своих обязательств по Пакту.*

⁴ Решение ЕСПЧ по делу Лолесс против Ирландии (№ 3), 1961, п. 28.

⁵ Решение ЕСПЧ по делу А и другие против Соединенного Королевства, 2009, пп. 171 и 173.

⁶ Решения ЕСПЧ по делам Лолесс против Ирландии (№ 3), 1961, п. 28 и Замбрано Велес против Эквадора, 2007, п. 45–47.

Важно отметить, что «не все беспорядки или бедствия можно квалифицировать как чрезвычайное положение, при котором жизнь нации находится под угрозой», что тем самым предусматривает возможность отступлений. Европейский суд по правам человека в 2017 году определил требования в отношении допустимых отступлений от обязательств в рамках Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁷: должно иметь место «чрезвычайное положение, при котором жизнь нации находится под угрозой» (*наличие войны или другого чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации*); меры по отступлению не могут быть несовместимыми с другими обязательствами государства по международному праву (*принцип соответствия международным обязательствам*); отступление от обязательств по Конвенции допустимо «только в той степени, в какой это требуется остротой положения» (*принцип соразмерности*); *определенные права, обеспечиваемые Конвенцией, не допускают никаких отступлений.*

Ограничение избирательных прав нельзя отождествлять с их умалением⁸, то есть нарушением. Ограничение можно признать умалением, а значит, и нарушением избирательных прав, только при несоблюдении одного из трех условий: ограничение устанавливается федеральным законом; ограничение имеет целью защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства; ограничение должно быть необходимым, то есть соразмерным вышеуказанным целям.

Указанные международные подходы к ограничениям прав и свобод, несомненно, требуют реализации принципа подконтрольности за отступлением от соответствующих обязательств для исключения возможности злоупотребления полномочиями. Важно обеспечить контроль за ограничительными действиями на регулярной основе с целью убедиться, что основные критерии соблюдаются. Ведение мониторинга мер по отступлению от обязательств необходимо для поддержания верховенства права, защиты прав, отступление от которых не допускается, а также предупреждения злоупотреблений. Как отмечал бывший Комиссар Совета Европы по правам человека, *национальные власти пользуются значительными пределами свободы усмотрения в отношении отступлений*, именно потому Европейская Конвенция предполагает установление системы национального контроля. Это представляет суть принципа субсидиарности при защите прав, предусмотренных Конвенцией.

⁷ Электронный ресурс: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_15_ENG.pdf.

⁸ Умаление избирательных прав — это не соответствующее нормам международного права, конституции, федеральным законам ограничение объема правомочий лица избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвовать в иных избирательных действиях, а также создание неправомерных препятствий реализации избирательных прав.

Все права человека, в том числе те, отступления от которых допустимы, могут быть защищены в судах. Таким образом, любое лицо, считающее, что его права нарушаются, сохраняет право на внутренние средства правовой защиты согласно статье 13 Европейской конвенции о правах человека.

Подходы Российской Федерации, связанные с ограничением избирательных прав

Российская Федерация в полном объеме продолжает соблюдать взятые на себя международные обязательства по обеспечению прав и законных интересов, которые не только имплементированы в национальное право, но и эффективно применяются на практике⁹.

Конституция Российской Федерации, провозглашая свободные выборы высшим непосредственным выражением власти народа (ч. 3 ст. 3), устанавливает право граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 32) и запрещает издание законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55). При этом предусматривается возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55), возможность ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения (ч. 1 ст. 56). Основной закон содержит перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению, в том числе в условиях чрезвычайного положения (ч. 3 ст. 56). Избирательные права к этому перечню граждан не относятся.

Закрепленная в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации принципиальная возможность допустимости ограничения государством прав и свобод личности предопределяет, что ни один человек, живущий в обществе, не может претендовать на неограниченную свободу, а его желания и устремления в определенных законодательством случаях должны быть соизмеримы с интересами других лиц и государства в целом, что требует от индивидуума совершать свои действия в определенных юридических границах и рамках в соответствии с текущей ситуацией.

⁹ На необходимость использования норм международного права при разрешении вопроса о законности или незаконности ограничений прав и свобод индивида направлены постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31.10.1995 г. № 8, «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10.10.2003 г. № 5, «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» от 27.06.2013 г. № 21 и некоторые другие.

Часть 3 статьи 55 является самой важной в регулировании ограничений прав и свобод, поскольку перечисляет исчерпывающим образом цели ограничений: защита основ конституционного строя, защита нравственности, защита здоровья, защита прав и законных интересов человека, обеспечение обороны страны и безопасности государства.

* * *

Поправки последних лет в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях) предусматривают положения о возможности отложения голосования на выборах при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации решением избирательной комиссии на определенной ей территории в каждом конкретном случае исходя из особенностей установленного режима на соответствующей местности, с сохранением полномочий действующих на момент принятия такого решения органов и депутатов до отмены специального режима и избрания нового состава органов. При этом порядок реализации отдельных избирательных прав регулируется с учетом не только избирательного законодательства, но и иных правовых актов в соответствующей сфере, например, установленные в связи с режимом повышенной готовности правовыми актами высших должностных лиц субъектов Российской Федерации ограничения на проведение публичных мероприятий на территории соответствующего субъекта Российской Федерации распространяются и на предвыборные агитационные мероприятия, проводимые на такой территории в ходе избирательной кампании.

В период распространения пандемии COVID-19 для законодателей и правоприменителей в электоральной сфере стояла задача не только обеспечить безопасность и здоровье граждан, но и минимизировать в этот период ограничения в избирательных правах и свободах, что, на наш взгляд, было успешно реализовано. С одной стороны для безопасности избирателей были приняты процедурные меры, — перед входом на избирательный участок измерялась температура тела (граждане с повышенной температурой в общее помещение для голосования не допускались), участки были обеспечены одноразовыми масками и перчатками, санитайзерами, одноразовыми ручками, дезинфицирующими ковриками, а также разметками социального дистанцирования [14, с. 89–106].

Данные меры для склонных к «электоральному пацифизму» лиц уже становились определенной преградой на пути к реализации права голоса. Но эти меры, пожалуй, стали единственными, которые каким-то образом негативно влияли на реализацию избирательных прав. Все остальные решения по оптимизации электоральных процедур только расширяли возможности для участия в голосовании.

23 мая 2020 года вступили в силу поправки в Закон об основных гарантиях, согласно которым ЦИК России «в целях создания условий для защиты здоровья избирателей» получила возможность самостоятельно определять порядок и сроки голосования граждан, в том числе по количеству дней голосования. Кроме того, закон ввел возможность дистанционного электронного голосования граждан, — без использования бумажного бюллетеня. В условиях пандемии эти меры должны были минимизировать случаи передачи инфекции в ходе голосования.

В качестве правовой дефиниции понятие «многодневное голосование» было введено в избирательное законодательство чуть позже, — 21 июля 2020 года были внесены поправки в Федеральные законы № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». При этом право принятия решения о проведении голосования на выборах или референдумах в течение нескольких дней подряд, но не более трех, сохранилось за избирательной комиссией, организующей данные выборы или референдумы.

Решение о проведении многодневного голосования, возникшее в ходе пандемии, не только решило проблему, связанную с минимизацией контактов населения в период эпидемии, но и фактически расширило временные рамки реализации избирательных прав, что в целом было позитивно воспринято населением. Так, по данным опроса ВЦИОМ, проведенного 15 июня 2021 года, 56 процентов респондентов из тех, кто собирался принять участие в выборах, заявили, что «скорее положительно» относятся к предложению голосовать в течение трех дней; 21 процент — дали ответ «скорее отрицательно»; 61 процент опрошенных заявили, что им была бы удобна возможность голосования в один из трех дней; 34 процента участников опроса предпочли бы однодневное голосование.

* * *

Пандемия придала толчок развитию дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Впервые онлайн-голосование состоялось в 2019 году в качестве эксперимента на выборах в Мосгордуму в двух округах. Если бы не пандемия, то этот эксперимент, наверное, и остался бы экспериментом или, по крайней мере, не получил бы такого стремительного развития, порой опережающего свое нормативное регулирование. Уже в 2020 году ДЭГ применялось дважды: на голосовании по поправкам в Конституцию (в Москве и Нижегородской области) и осенью 2020 года на муниципальных выборах в Москве и на дополнительных выборах в Государственную Думу в Курской и Ярославской областях.

В ходе выборов Государственной Думы в сентябре 2021 года к практике дистанционного электронного голосования присоединились еще несколько регионов. Потенциальная возможность принять участие в электронном голосовании была уже более чем у 10 миллионов человек. Это — жители Москвы, Севастополя, Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской и Ярославской областей. Кроме того этой возможностью могли воспользоваться граждане, не имеющие регистрации по месту жительства на территории страны и получившие гражданство в упрощенном порядке, в частности граждане России, проживающие на территории ЛНР и ДНР.

Тем не менее ЦИК России в 2020 году все-таки пришлось пойти на временные ограничения избирательных прав: было принято решение отложить 102 избирательные кампании, запланированные на период с 5 апреля по 21 июня 2020 года, а общероссийское голосование по поправкам в Конституцию было перенесено с 22 апреля 2020 года. В последствии оно состоялось только в середине лета (25 июня — 1 июля 2020 г.).

Мировой опыт, связанный с ограничением избирательных прав

В зарубежном нормотворческом процессе в последнее время наблюдаются противоречивые тенденции, выражающиеся в дуалистических подходах к реализации демократических принципов организации и проведения демократических выборов. Так, с одной стороны, отмечается поступательное движение по пути расширения принципа всеобщности избирательного права (снижение возрастных цензов, нивелирование ценза гражданства на отдельных уровнях публичной власти, квотирование для меньшинств и т.д.), а с другой, — сохранение даже в некоторых государствах с «устоявшимися демократическими традициями» заведомо атавистических ограничений активного и пассивного избирательного права (например, ценза оседлости, религиозного ценза и др.), более того — констатация «реакционных явлений» в сфере установления изъятий из принципа всеобщности избирательного права [9, с. 9]. Яркий пример — Закон Украины от 16 сентября 2014 года № 1682-VII «Про очищение власти»¹⁰, вводящий ограничения пассивного избирательного права, в частности, в зависимости от предыдущего места работы.

Мировая практика ограничений избирательных прав и свобод, связанных с неблагоприятными и чрезвычайными ситуациями, достаточно широка и многообразна. Неблагоприятные ситуации могут возникать в результате кризисов в области общественного здравоохранения, наводнений, ураганов,

¹⁰ Так называемый закон о лustrации. См.: Официальный сайт Верховной Рады Украины [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1682-18>.

землетрясений, пожаров, отключений электроэнергии, активных перестрелок, кибератак, внешних угроз и множества других событий. Они могут затрагивать не одну административно-территориальную единицу¹¹. Государства не могут быть готовы абсолютно ко всем обстоятельствам, но они могут и должны предпринимать шаги для того, чтобы быть готовыми правильно отреагировать на внешние вызовы [см., например, 15, с. 96–122].

Только в первой половине 2020 года в 18 государствах в условиях пандемии COVID-19 были приняты решения о переносе выборов и референдумов в целом, либо вторых туров голосования, либо введен ряд ограничительных мер, которые фактически не позволяют провести соответствующие выборы, референдумы в ранее установленные календарные сроки. В их числе — Австралия, Армения, Боливия, Великобритания, Иран, Италия, Канада, Кипр, Киргизия, Северная Македония, Сербия, Сирия, США, Франция, Чили, Швейцария, Шри-Ланка, ЮАР. В Армении, Италии, Чили были перенесены голосования на референдумах. 24 американских штата и столица США Вашингтон объявили о чрезвычайном положении. А глава государства Дональд Трамп заявил, что федеральное правительство США оставляет на усмотрение властей штатов вопрос о возможном переносе на их территориях праймериз из-за коронавируса. При этом ряд стран, среди которых Южная Корея, Белоруссия, не стали менять запланированные сроки организации электоральных процедур, приняв дополнительные меры обеспечения безопасности своих граждан.

По данным Российского общественного института избирательного права (РОИИП¹²) в США в большинстве штатах существуют правовые нормы, регулирующие проведение выборов в чрезвычайных ситуациях, при этом исследователи отмечают отсутствие единообразия в таком регулировании. В качестве основных инструментов при возникновении чрезвычайных ситуаций в день выборов используются перенос (отложение) выборов (применяется в штатах: Айдахо, Кентукки, Нью-Йорк, Орегон, Южная Дакота, Юта) и перенос (изменение места нахождения) избирательных участков или помещений для голосования (Аляска, Арканзас, Калифорния, Колорадо, Джорджия, Иллинойс, Канзас, Мэн, Миннесота, Миссури, Монтана, Невада, Нью-Джерси, Огайо, Пенсильвания, Теннесси, Вермонт, Западная Вирджиния). При этом в ряде штатов допускаются оба варианта действий в случае возникновения чрезвычайных ситуаций (Флорида, Гавайи, Луизиана, Мэриленд, Южная Каролина, Вирджиния).

Ряд штатов законодательно установил достаточно широкий набор возможных мер в случае проведения выборов в чрезвычайных ситуациях.

¹¹ Электронный ресурс: <https://www.ncsl.org/research/elections-and-campaigns/election-emergencies.aspx>.

¹² Электронный ресурс: www.roiip.ru.

В Калифорнии допускается изменение местоположения избирательных участков и установление дополнительных мест для голосования, а государственный секретарь наделен правом устанавливать правила и процедуры в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Во Флориде предусмотрена возможность отмены и переноса выборов, а избирательные комиссии вправе устанавливать экстренные правила. В Виргинии предусмотрена возможность изменения мест голосования, а также возможность устанавливать альтернативные методы и процедуры обработки заявок на открепительные удостоверения.

В штате Нью-Йорк после терактов 11 сентября 2001 года законодательным собранием был принят закон о переносе сроков проведения выборов. Здесь также действует закон, согласно которому если в результате чрезвычайной ситуации для голосования явилось менее 25 процентов зарегистрированных избирателей, то может быть назначен еще один день голосования не позднее, чем через 20 дней после первоначальной даты выборов.

В чрезвычайных обстоятельствах, связанных с выборами, могут сыграть роль все три ветви власти. Как правило, в чрезвычайном положении губернатору предоставляется максимальная исполнительная власть: возможность приостанавливать действие законодательных актов и постановлений; возможность приостанавливать действие нормативных актов, предписывающих ведение государственных дел; возможность приостанавливать действие постановлений; возможность напрямую изменять выборы. Как минимум в 14 штатах (Алабама, Калифорния, Коннектикут, Гавайи, Мэн, Мэриленд, Массачусетс, Невада, Нью-Мексико, Нью-Йорк, Теннесси, Юта, Вашингтон, Висконсин) законодательные органы предоставили губернаторам право приостанавливать действие законов. Еще в 22 штатах (Аляска, Аризона, Арканзас, Колорадо, Делавэр, Флорида, Джорджия, Иллинойс, Индиана, Айова, Канзас, Луизиана, Мичиган, Миссисипи, Монтана, Небраска, Северная Дакота, Оклахома, Пенсильвания, Род-Айленд, Техас, Западная Вирджиния) губернатор может приостановить действие нормативных актов, которые могут включать законы, касающиеся выборов. В 12 штатах (Айдахо, Миннесота, Миссури, Нью-Гемпшир, Нью-Джерси, Северная Каролина, Орегон, Южная Каролина, Южная Дакота, Вермонт, Вирджиния, Вайоминг) губернатор может приостанавливать действие нормативных актов, принятых административными органами. Кентукки наделил своего губернатора чрезвычайными полномочиями в отношении некоторых аспектов выборов. Семь других штатов (Флорида, Иллинойс, Луизиана, Орегон, Южная Каролина, Техас, Вирджиния) предоставили губернаторам чрезвычайные полномочия в отношении некоторых аспектов выборов. Перенос выборов был весьма распространенной практикой в ходе пандемии COVID-19: 20 штатов приняли решение о переносе праймериз

(предварительных выборов) законодательных органов, чтобы учесть опасность общественного здравоохранения по поводу распространения вируса на многолюдных избирательных участках.

В октябре 2012 года ураган «Сэнди» сорвал выборы по всему восточному побережью США. Штаты Мэриленд, Северная Каролина и Вирджиния были вынуждены отменить дни досрочного голосования, а Нью-Джерси использовал предварительные бюллетени, продленные часы голосования и мобильные избирательные участки для размещения перемещенных избирателей. Во время урагана «Майкл» во Флориде в октябре 2018 года избирательные комиссии использовали «мегацентры для голосования», расширили досрочное голосование и разрешили избирателям получать бюллетени по почте по разным адресам. Некоторые избиратели в округе Бэй — одном из районов, наиболее пострадавших от урагана, — использовали факс и электронную почту, чтобы проголосовать. В августе 2010 года пожар на складе за несколько месяцев до дня голосования уничтожил почти все электронные машины для голосования в округе Харрис, штат Техас, которые нельзя было заменить. В такой ситуации сотрудники избирательных комиссий призывали людей голосовать досрочно и по почте, чтобы ограничить давку на избирательных участках.

Выборы в Афганистане 9 октября 2004 года также проводились в условиях чрезвычайной ситуации, вызванной операцией присутствовавшего в стране международного военного контингента, и недостаточным обеспечением безопасности избирательного процесса. В Афганистан как в государство-партнер ОБСЕ впервые была направлена группа поддержки выборов. В ходе организации выборов наблюдались запугивание участников избирательного процесса и угроза нарушения тайны голосования. В результате было принято решение о проведении подсчета голосов не на избирательных участках, а в 8 счетных центрах страны. В качестве меры противодействия многократному голосованию, предпосылкой к которому являлось отсутствие списков избирателей и наличие нескольких удостоверений личности у граждан, было внедрено использование несмываемых чернил.

В Великобритании во время обеих мировых войн выборы не проводились. Так, выборы в Парламент, которые должны были проводиться в 1916 году, не были проведены, его состав, избранный в 1910 году, продолжал осуществление полномочий до избрания нового состава в 1918 году, — то есть уже после завершения войны. Аналогичным образом выборы в английский Парламент, которые должны были пройти в 1940 году, не состоялись, а депутаты, избранные в 1935 году, осуществляли свои полномочия до избрания нового Парламента в 1945 году, — также после окончания войны.

Во Франции выборы, которые должны были состояться во время Первой и Второй мировых войн, были перенесены до их окончания. Так, выборы,

намеченные на 1918 год, прошли в 1919 году, а выборы, которые должны были пройти в 1940 и 1944 годах, — в 1945 году.

В Боснии и Герцеговине в рамках политического решения кризиса Дейтонскими соглашениями предусмотрены, в том числе, национальные цензы, ограничивающие право граждан быть избранными в Президиум Боснии и Герцеговины, являющийся коллективным главой государства, и в Палату народов — верхнюю палату парламента: в указанные органы могут избираться только представители государствообразующих наций в соответствующем энтитете — субъекте федерации.

Задекларированные в различных международных актах и в основных законах государств основополагающие принципы и стандарты организации и проведения выборов в действительности имеют достаточно много изъятий и отступлений, обусловленных необходимостью защиты или обеспечения жизни и здоровья человека либо факторами, «угрожающими жизни нации»¹³. Избирательные права не отнесены к правам, не подлежащим ограничению.

История развития демократии знает множество примеров поражения и ограничения в избирательных правах в особых ситуациях. Такие случаи встречались в США, Франции, Великобритании и других государствах так называемой «развитой демократии». Также в мировой истории отмечались случаи, когда возможность ограничения избирательных прав передавалась от законодательного органа правоприменителям.

Некоторые особенности развития избирательных систем на современном этапе

Избирательный процесс лишь частично направлен на реализацию прав человека. В изначальном качестве данный процесс определяет форму и способы обеспечения управления государством, а в отдельных государствах является составной частью общего процесса демократизации. Многие нормы и институты избирательного права направлены на защиту прав и интересов государства, а не отдельно взятого человека — коллективных, а не индивидуальных прав. И здесь нет противоречия: баланс интересов личности, общества и государства обеспечивается всей совокупностью правовых норм, содержащихся в различных источниках права [16, с. 67].

Эффективность избирательной системы с ее институтами, системой законодательства, организаторами и участниками выборов, инфраструктурой во многом зависит от того, насколько она является отражением правовой культуры электората и соответствует состоянию развития общества. Она, словно зеркало, должна отражать в себе электорально-правовую культуру, правосознание граждан, развитие социально-экономических отношений

¹³ Статья 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

и соответствовать им. Если становление избирательных институтов не имеет политико-культурных корней в обществе или, напротив, правовой формат организации выборов отстает от требований времени, неизбежен конфликт между правовыми регуляторами, определяющими основания и порядок передачи власти, и социальными регуляторами общественных отношений.

Современные избирательные системы — достаточно сложный механизм, в идеале позволяющий учесть при формировании представительных (законодательных) органов власти любое, даже незначительное, изменение настроения и ожидания избирателей. Задача государства и его политических институтов, политических партий (если это не маргинальные партии и не партии-однодневки) и организаторов выборов — предложить избирателям прозрачную и доступную модель механизма реализации их активных избирательных прав. Модель, которая полностью отражает потребности и ожидания избирателей на текущем этапе развития государства и соответствует новым вызовам времени, в том числе связанным с глобальным переделом сфер международного влияния.

Порядок и способы реализации избирательных прав должны идеально соответствовать текущему состоянию общества, отвечать ожиданиям и потребностям населения. Пренебрежение этим условием приводит к необратимым последствиям, откату общества назад, приходу к власти антинародного правительства и, как следствие, ослаблению государства и его деградации.

В современном обществе прямая демократия — не самоцель, ведь законодатель в своей практической деятельности руководствуется не отвлеченными идеалами, а рациональным расчетом. В условиях развитой системы представительства и структурированной партийной системы более рациональное использование механизмов пропорционального представительства открывает большие возможности.

Опираясь на международные нормы и обязательства, каждая нация, реализуя свой суверенитет, может и имеет право создавать свою национальную избирательную систему. Главная задача при выборе избирательной системы состоит в том, чтобы создать саморегулирующийся механизм, способный стать средством удержания демократических основ в стабильном (или достаточно стабильном) состоянии, что можно обеспечить только при устойчивости государства на конкретном текущем этапе развития.

Установленная национальным законодателем избирательная система (в узком смысле этого слова) должна оптимально соответствовать реалиям времени, учитывать все нюансы историко-политического развития государства и задавать направления его дальнейшему совершенствованию с учетом текущей ситуации. В основу надежности политической структуры общества должна быть заложена модель избирательной системы, позволяющая за счет постоянно и динамически меняющегося политического вектора сохранять

баланс между электоральным настроением (ожиданиями) и проводимым политическим (реальным) курсом, не давая в период турбулентности потерять устойчивость государственности.

В качестве примера можно привести рамочную норму российского избирательного права, позволяющую гибко реагировать на текущие вызовы времени и возникающие негативные факторы. Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предусмотрено избрание высшего должностного лица субъекта Федерации гражданами, проживающими на ее территории, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании в качестве общего порядка наделения полномочиями такого лица.

Вместе с тем, указанным законом предусмотрен альтернативный способ избрания: избрание депутатами законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, которое может быть предусмотрено конституцией (уставом) или законом. При этом Федеральный закон не ограничивает законодателя субъекта Федерации какими-либо условиями выбора такого способа наделения полномочиями, как и необходимостью мотивировать такой выбор, предоставляя законодателю возможность самостоятельного принятия политического решения по данному вопросу. Единственным ограничением по сроку является принятие и вступление в силу изменений в конституцию (устав), закон субъекта Федерации до наступления периода, в течение которого должны быть назначены выборы.

Новейшая история нашей страны знает разные модели наделения полномочиями глав субъектов Российской Федерации. Первые выборы руководителей субъектов были проведены в 1991 году в Москве, Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) и Татарстане. При этом до 1996 года в ряде регионов главы назначались Президентом России. С принятием в конце 1994 года Федерального закона № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» выборы глав исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации стали повсеместными. Но после трагедии в Беслане 1 сентября 2004 года с 2005 года наделение полномочиями региональных руководителей происходило посредством косвенных выборов в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Федерации. Прямые выборы были возвращены в 2012 году. Одним из мотивов этого возвращения послужили протестные акции на «Болотной площади».

Таким образом, в случае выявления обстоятельств, ставящих под угрозу проведение прямых выборов высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, в том числе в сфере безопасности, здоровья граждан,

обеспечения реализации прав и свобод человека (в том числе с учетом необходимости реализации прав военнослужащих и иных лиц, принимающих участие в специальной военной операции и находящихся за пределами России) законодательным (представительным) органов государственной власти субъекта Федерации может быть принято решение о внесении соответствующих изменений в конституцию (устав) или закон, предусматривающий изменение порядка избрания высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Некоторые выводы

Правила и процедуры проведения выборов в каждой стране вырабатываются под влиянием совокупности специфических факторов, влияющих на национальное развитие. В результате такого влияния в современном мире существуют проявления *электорального суверенитета*, выражающегося в существенном разнообразии национальных моделей построения избирательной системы и организации избирательного процесса.

Вызовы современности, связанные с природными катаклизмами, эпидемиями, попытками переоценки фундаментального права народов на самоопределение, вмешательством извне в национальные политические процессы, ведением многоуровневых гибридных войн, санкционным и информационным давлением, требуют от государств соответствующих мер реагирования, направленных на сохранение народной демократии, электорального суверенитета и целостности государства.

Один из путей достижения этой цели проходит через непривлекательную, но необходимую в таких случаях процедуру — ограничение политических и избирательных прав на период выхода из кризиса или неблагоприятного положения. И в этом смысле вопрос о пределах ограничения прав и свобод человека и гражданина в особых ситуациях является одним из самых острых не только для законодателей, но и для правоприменителей.

С правовой точки зрения подобные процедуры не только необходимы, но зачастую даже обязательны с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе, а также «в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹⁴.

Мировой опыт насчитывает множество примеров изменения процедур голосования под воздействием неблагоприятных факторов. Только за последние два года из-за разгула пандемии COVID-19 изменения в той или

¹⁴ Часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации.

иной степени претерпели практически все национальные избирательные системы. В период военных действий выборы не проводились, а голосования переносились на неопределенные сроки, в том числе в новейшей истории становления современных границ Евросоюза.

В США штаты самостоятельно устанавливают конкретные процедуры реагирования избирательных систем на возникающие чрезвычайные ситуации. В некоторых штатах единоличным правом изменять избирательное законодательство, как ответной меры на воздействие неблагоприятных факторов, наделены губернаторы и секретари штатов, организующие выборы. В большинстве штатов предусмотрен перенос или отложение выборов, изменение места голосования, установка альтернативных методов и процедур голосования уже в ходе назначенных выборов.

Право государств по вопросам выбора модели избирательной системы и процедур волеизъявления только формально имеют ограничения в рамках «международных избирательных стандартов», — в действительности национальные власти пользуются значительными пределами свободы усмотрения в отношении отступлений. Однако, эти отступления для их легитимации должны соответствовать «цивилизованным процедурам».

Высшие судебные инстанции, включая Европейский Суд по правам человека и Конституционный Суд Российской Федерации, допускают ограничения избирательного права в случае, если они установлены конституцией или на ее основе законом, не носят дискриминационного характера, не ограничивают права до степени утраты реального содержания, а преследуют правомерную цель и являются соразмерным средством ее достижения.

Конституционный суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание на возможность ограничения права на свободные выборы «в целях защиты конституционных ценностей при соблюдении принципа юридического равенства и вытекающих из него критериев разумности, соразмерности (пропорциональности) и необходимости в правовом демократическом государстве; такие ограничения не должны исказить основное содержание данного конституционного права и посягать на само его существо, — иное ведет к его умалению и отмене; при этом любая дифференциация, приводящая к различиям в правах и обязанностях субъектов избирательных правоотношений, допустима, лишь если она объективно оправданна, обоснована и преследует конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им»¹⁵.

Таким образом, можно достаточно уверенно говорить, что сегодня национальному законодателю предоставляются весьма широкие пределы усмотрения относительно закрепления тех либо иных ограничений актив-

¹⁵ См., например, Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 30.10.2003 г. № 15-П, от 16.06.2002 г. № 7-П, от 22.06.2010 г. № 14-П, от 10.10.2013 г. № 20-П и др.

ного и пассивного избирательного права и соответствующей трансформации избирательного законодательства, как ответа на вызовы неблагоприятных внешних факторов. Но эти изменения должны быть соразмерными, осуществляться в общепризнанных пределах, закрепленных в различных международных актах как универсального, так и регионального характера, и быть направлены на обеспечение стабильного демократического развития современного социума с учетом его национального многообразия.

В этом контексте возможны (и даже необходимы) соответствующие изменения в российской избирательной системе, но эти изменения не должны базироваться на «политической целесообразности», а должны отвечать запросам общества и интересам его развития при поддержании на соответствующем уровне его благополучия и обеспечения фундаментальных прав и свобод.

Решения по конкретному изменению процедур, связанных с изменениями избирательной системы под воздействием негативных факторов, по аналогии с некоторыми мировыми державами, могут принимать региональные власти в рамках, установленных федеральными законами, обеспечивающими и гарантирующими основополагающие принципы реализации избирательных прав и свобод в период временного ограничения.

Список литературы

1. Бажуков С.А. Соотношение понятий «естественные пределы права» и «ограничение права» на примере избирательных прав граждан // Юридические записки. № 2. 2014.
2. Заславский С.Е. Избирательные цензы и проблема политического представительства // ПОЛИС (Политические исследования). 1998. № 4.
3. Игнатенко В.В. Избирательные цензы на выборах в Государственную думу России: история и современность // Избирательное право. 2006. № 2.
4. Красинский В.В. О правовых позициях Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам ограничения избирательных прав в связи с наличием судимости // Современное право. 2014. № 2.
5. Оленников С.М. Ограничение избирательных прав граждан в связи с осуществлением экстремистской деятельности // Адвокат. 2013. № 3.
6. Сергеев А. Право быть избранным: об ограничении пассивного избирательного права в законодательстве Российской Федерации // Выборы. Законодательство и технологии. 2001. № 3.
7. Стародубцева И.А. Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4.
8. Черепанов В.А. К вопросу об ограничении избирательных прав граждан // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 9.
9. Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В., Комиссаров Ю.Ю. Выборы в мире: избирательные цензы / под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: РОИИП, 2015.

10. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России: монография / М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
11. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013.
12. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007. 384 с.
13. Подмарев А.А. Международные стандарты ограничения прав и свобод человека и гражданина и их значение для правотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. № 3.
14. Данилин П.В., Данилов В.Н. Многодневное голосование: международная практика и российский опыт // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 3(21).
15. Чистобородов И.Г. Государственное управление избирательным процессом: концептуальные и доктринальные основания // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 1(11).
16. Борисов И.Б. Электоральный суверенитет. М.: РОИИП, 2010.

М.М. КУДРЯВЦЕВ
А.С. НОВИКОВ

ФЕНОМЕН ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО АБСЕНТЕИЗМА В ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИКИ

***Аннотация.** В статье рассматривается явление электорального абсентеизма с точки зрения трех сценариев: неявки на выборы, конформного голосования и протестного голосования. В статье сформулировано различие электорального абсентеизма как феномена и низкой явки избирателей. Рассматриваются возможности работы с явлением электорального абсентеизма, а также проводится сравнительный анализ эффективности данных методов.*

***Ключевые слова:** абсентеизм, выборы, социология политики, конформное голосование, протестное голосование.*

THE PHENOMENON OF ELECTORAL ABSENTEEISM IN THE APPLIED SOCIOLOGY OF POLITICS

***Abstract.** The article deals with the phenomenon of electoral absenteeism from the point of view of three scenarios: non-attendance at elections, conformal voting and protest voting. The article formulates a distinction between electoral absenteeism as a phenomenon and low voter turnout. The possibilities of working with the phenomenon of electoral absenteeism are considered, and a comparative analysis of the effectiveness of these methods is carried out.*

***Keywords:** absenteeism, elections, sociology of politics, conformal voting, protest voting.*

Цель данной работы — описать феномен электорального абсентеизма и прикладные подходы к нему с точки зрения прикладной политической социологии, под которой мы здесь понимаем комплекс задач, которые решаются в менеджменте избирательных кампаний при помощи социологических инструментов. Можно выделить основные задачи: оценка рейтингов кандидатов и партий; формирование ключевых сообщений и управление ими.

Под абсентеизмом в современной социальной философии и социологии принято понимать уклонение от обязанностей. В частности ряд исследователей [1, 2] выделяют абсентеизм на рабочем месте, абсентеизм при получении образования и политический (электоральный) абсентеизм.

КУДРЯВЦЕВ Максим Михайлович — директор направления ОП АО «Русский алюминий менеджмент», г. Красноярск
НОВИКОВ Алексей Сергеевич — кандидат философских наук, магистр психологии, г. Красноярск

Понятие электорального абсентеизма

Под политическим или электоральным абсентеизмом понимается уклонение от участия в политических процессах. Точная интерпретация содержания понятия в существенной степени зависит от актуальной политической системы, поскольку разные политические системы предусматривают различные способы участия граждан в политических процессах. Это может быть участие в деятельности партий, участие в разнообразных политических объединениях и профессиональных союзах, оформляющих и реализующих политические требования. Поскольку существующие политические системы, как правило, подразумевают большее или меньшее участие граждан в выборах, то достаточно распространенной является и более узкая трактовка политического или электорального абсентеизма, как неготовности принимать участие в выборах и отдавать голос за того или иного кандидата.

Электоральный абсентеизм

В прикладной политической социологии под абсентеизмом принято понимать прежде всего низкую явку избирателей. Несмотря на то, что низкая явка определенно является одним из признаков, квалифицирующих абсентеизм, на наш взгляд, полное отождествление сложного феномена политического абсентеизма и низкой явки на выборы нецелесообразно по ряду причин.

Во-первых, доля избирателей, принимающих участие в голосовании, в существенной степени зависит от уровня выборов (она достигает минимума на местных выборах и максимума — на выборах Президента Российской Федерации). То есть, электоральный абсентеизм как минимум не проявляется в равной степени на выборах различных уровней.

Во-вторых, на долю жителей, участвующих в выборных процедурах, в существенной степени влияют и другие факторы, например, проблемное поле региона; перечень кандидатов и партий, участвующих в выборах; а также сам ход избирательной кампании.

Явка сама по себе не является эквивалентом или мерой абсентеизма, но выступает одним из его признаков, который целесообразно фиксировать и интерпретировать специальным образом: «Тем не менее, абсентеистское поведение не ограничено лишь неучастием или уклонением от участия в избирательном процессе, оно глубже, чем может показаться на первый взгляд. Сторонами абсентеизма выступают также конформный и протестный типы голосования» [3].

Из приведенной цитаты следует, что электоральный абсентеизм связан с низкой явкой, но не сводим к ней. Можно предположить сценарий, в котором явка избирателей высока, но реализуется сценарий конформного или протестного голосования, и этот сценарий с содержательной точки зрения также является абсентеистским сценарием.

Итак, под абсентеизмом понимается не только формальное уклонение от участия в выборных процедурах, но и голосование, скрывающее действительные предпочтения. Общей чертой этих типов поведения избирателя является то, что человек в них не реализует свои личные предпочтения и, следовательно, не участвует в политическом процессе.

С прикладной точки зрения это может означать три сценария.

1. Гражданин фактически не имеет сложившихся электоральных предпочтений, откладывая принятие решения о голосовании и о своем выборе в его рамках до дня голосования.

2. Гражданин имеет сложившиеся электоральные предпочтения, но по каким-то причинам скрывает принятое решение.

3. Гражданин действует конформно, рассчитывая адаптировать свой выбор к реальному или воображаемому им поведению окружающих.

Проблема электорального абсентеизма представляет содержательный и методический интерес с точки зрения прикладной политической социологии. Прикладную политическую социологию в рамках этого исследования мы будем понимать предельно узко, — как отрасль знания и практики, базирующуюся на социологической науке, но ориентированную только и исключительно на прогнозирование результатов выборов.

Ключевым методом, на котором основывается прогноз результатов электоральных процедур, является анкетный опрос. Детальное рассмотрение возражений в адрес данного метода выходит далеко за пределы нашего текста. Но для решения задач настоящего исследования значимо, что именно анкетный опрос является методом, при помощи которого фиксируются феномены электорального абсентеизма.

В рамках анкетных опросов респондентам, как правило, задаются два типа вопросов: о намерении участвовать в выборах и предпочтениях в отношении кандидатов и партий. Ответы на эти вопросы могут служить индикаторами, указывающими на склонность граждан избегать участия в политических процессах. Еще один индикатор — процент отказов от участия в опросе, но он крайне редко фиксируется и систематически интерпретируется.

С эмпирической точки зрения, проблема электорального абсентеизма может быть зафиксирована в двух типах явлений: значимая доля отказов при ответе на вопрос о намерении голосовать; значимая доля неопределившихся при ответе на вопрос о голосовании за кандидата или партию.

Следует сказать, что эти феномены могут быть связаны не только с абсентеизмом как таковым, но и с дефектами организации и проведения опроса. Часто при проведении полевых работ исследователи делают попытки компенсировать такие феномены при помощи инструктажа интервьюеров либо специальных процедур обработки и анализа данных.

Систематическая обработка отказов изучается в отечественной социологии. Подробно этой проблеме посвящены работы Н.А. Романович [4, с. 42–45]; И.В. Богдана, М.В. Гурылиной, Д.П. Чистяковой [5, с. 240–247]

и Д.М. Рогозина [6, с. 77–89]. Несмотря на внимание исследователей к данной проблеме, в рамках социологической практики анализ отказов встречается крайне редко и развернутых интерпретаций не получает.

Электоральный абсентеизм в прикладных исследованиях

В эмпирических исследованиях, посвященных политическим процедурам, обычно анализируется поведение доли респондентов, которые в явном виде не заявили своих предпочтений. Отметим, что эта доля постепенно растет от года к году, и потому необходимость компенсировать это как методически, так и аналитически, соответственным образом возрастает. Существенной проблемой, которая каждый раз решается в эмпирическом исследовании, является прогнозирование электоральной ситуации с учетом значимой доли респондентов, фактически скрывающих от исследователя информацию о своих намерениях.

Постоянство возникновения этой проблемы и отсутствие методологически корректного и, что более важно, конвенционального решения позволяет говорить о кризисе прикладных социологических исследований общественного мнения. Этой проблеме посвящен ряд работ как отечественных, так и западных социологов. Актуальный взгляд на данную проблему представлен американскими исследователями [7], которые указывают на три вопроса, которые необходимо разрешить при руководстве исследовательским проектом: валидизация шкал, использование стандартизированных шкал и операциональная связь между методикой и ключевыми концептами. Несмотря на то, что работа данных исследователей посвящена изучению общественного мнения в период пандемии и аналогичных кризисов, они утверждают, что эти же вопросы постоянно нуждаются в разрешении, то есть — при планировании любого исследования.

В полевых электоральных исследованиях, обсуждаемых в рамках данной статьи, мы фокусируемся преимущественно на методическом и интерпретационном аспекте, оставляя за пределами рассмотрения методологические и теоретические вопросы. В нашу задачу входит описание тех сценариев, которые мы можем зафиксировать в рамках прикладных исследований и предложить возможности для работы с ними.

Гипотетически можно обсуждать несколько сценариев, которые могут быть учтены при анализе результатов электоральных исследований. Эти сценарии предлагаются нами на основании работы Л.В. Русских и А.А. Суминой. Исходная ситуация описывается нами следующим образом: в рамках исследования накануне выборов фиксируется значимая доля неопределившихся респондентов. Этой доли неопределившихся статистически достаточно для того, чтобы кардинально изменить позиции кандидатов или партий при голосовании. Если буквально, то доля неопределившихся выше, чем доля респондентов, готовых голосовать за лидера рейтинга (кандидата или партию). Рассмотрим предлагаемые нами сценарии подробнее:

1. Неопределившиеся — абсентеисты в чистом смысле этого слова. Они не намерены участвовать в выборах и потому могут быть исключены из подсчета, так как не являются ресурсом для партий/кандидатов.

2. Неопределившиеся будут строить свое поведение на основании конформности. То есть, они поступят так же, как поступит большинство или большинство в их представлении. Например, если они будут думать, что большинство голосует за определенную партию/кандидата, то они сами поступят так же.

3. Неопределившиеся на самом деле склонны реализовать протестный сценарий, в действительности они скрывают информацию о своих истинных намерениях в части голосования за ту или иную партию/кандидата.

Существует методическая проблема. В рамках опроса эти сценарии в отдельности можно свести к одному и тому же набору индикаторов. То есть, каждый из приведенных сценариев выглядит в результатах исследования так: значимая доля респондентов заявляет либо о неготовности голосовать вообще, либо затрудняется ответить при вопросе о политических предпочтениях и готовности отдать свой голос за того или иного кандидата или партию. В рамках полученных сведений мы не обладаем данными для того, чтобы сказать, какой сценарий необходимо выбрать, и как именно поведут себя респонденты.

Традиционно эта проблема решается введением большего числа индикаторов при проведении исследования. Однако, рост числа вопросов не компенсирует складывающуюся ситуацию, а напротив, лишь повысит число отказов. То есть, точность данных не повысится, а снизится.

Также респонденты во всех исследованиях становятся все менее доступными. То есть заметная часть избирателей оказывается вне опросной процедуры, избегая участия в анкетировании. Следовательно, часть абсентеизма как явления остается за пределами опросов, не поддается фиксации и, следовательно, не может быть дешифрована в терминологии социологии и политологии.

Следует учитывать и аспект принятия решений избирателями. Любые исследования мнений избирателей проводятся до выборов для того, чтобы менеджмент кампании смог предпринять действия по коррекции позиции кандидатов или партий. И некоторая доля избирателей, заявляющих о том, что они не определились, могут и в действительности являться таковыми.

Эта проблема рассматривается в работах целого ряда авторов. Так, например, работа Б. Брокса и Дж. Джаиммо [8] посвящена поведению «поздно определяющихся» избирателей на президентских выборах в США. Внимания заслуживает само обоснование проблематики: исследователи рассматривают феномен неопределившихся с иной стороны. Если в российской науке речь идет о больших и увеличивающихся долях неопределившихся или

затруднившихся с решением избирателей, то американские исследователи описывают как проблему максимальное сближение позиций кандидатов, при котором даже малая доля неопределившихся может оказать решающее влияние на исход выборов, что также затрудняет прогнозирование результатов.

Для решения задач настоящего исследования важно, что помимо «классического» абсентеизма, описывающегося тремя сценариями, существует еще одна переменная — время принятия решения. Это не вполне абсентеистский сценарий, поскольку избиратель не отказывается ни от процедуры голосования, ни от своего более или менее ответственного участия в ней. Однако, для совершения электорального выбора ему нужно время, и до реализации этой возможности любой социологический инструмент показывает его как уклоняющегося от участия в политическом процессе.

По данным, которые приводят Брокс и Джааммо, доля таких избирателей колебалась от нескольких процентов до трети в зависимости от выборов. Они опираются на факторы, влияющие на замедленное принятие решения в большей или меньшей степени, в том числе социальные и демографические данные. В частности, максимальное влияние на время принятия решения оказывал год, в который проходили выборы.

Это говорит еще об одном важном следствии. Очевидно, что переменной, оказывающей влияние на скорость принятия решения о голосовании, является не год как таковой, а баллотирующиеся на выборные должности кандидаты. То есть, определенная конфигурация кандидатов увеличивает время принятия решения, и опросы, проведенные в ходе кампании, покажут большое число неопределившихся избирателей, которые, однако, не склонны к абсентеизму. Они примут участие в выборах и отдадут свой голос за кандидата или партию, но в рамках исследования мы не сможем этого зафиксировать, поскольку они определятся тогда, когда исследования не проводятся по организационным и техническим причинам.

Другая конфигурация кандидатов приведет к возникновению заметной доли «абсентеистов», которые на выборы не явятся. Но и первая, и вторая ситуации с точки зрения опроса, проведенного в рамках кампании, выглядят одинаково. И в рамках опроса невозможно определить, как именно влияет на скорость принятия решения та или иная конфигурация кандидатов. В первом сценарии избиратели говорят, что не знают, за кого проголосуют, но они определятся позже, а во втором — они вообще не придут на выборы.

Американские исследователи предлагают использовать партийную принадлежность как переменную, позволяющую корректировать данные. Но это оправдано в случае двухпартийной системы. Перенос такой прогностической модели на российскую почву представляется невозможным. Кроме того, как отмечают сами авторы, партийная идентификация таких

избирателей слабее, чем у прочих, следовательно, и прогностическая сила партийной принадлежности будет ниже ожидаемой.

Последний значимый для данной статьи тезис из работы Б. Брокса и Дж. Джиаммо состоит в том, что деполитизация увеличивает время принятия решения и, соответственно, затрудняет ход исследования, управление информационной кампанией партии или кандидата и прогнозирование итогов выборов. Чем меньшее участие избиратели принимают в работе политической системы вне выборов, тем больше времени у них уходит на то, чтобы сформулировать собственные предпочтения и тем больше сложности, возникающие при реализации информационной кампании.

Способы работы с электоральным абсентеизмом

Вторая позиция, с которой целесообразно описывать явление электорального абсентеизма — информационное сопровождение избирательной кампании. С практической точки зрения эта позиция превращается в поиск или формирование сообщений, вовлекающих избирателей в политический процесс и снижающих вероятность абсентеистских сценариев поведения.

Опрос, результатом которого являются количественные показатели, очевидным образом обладает крайне ограниченной полезностью для решения этой проблемы. Он позволяет лишь зафиксировать долю неопределившихся избирателей, но не отвечает на вопрос о возможных способах действий. Следовательно, в такой ситуации целесообразно обратиться к инструментарию качественной социологии: интервью и фокус-группам, используемым в практике политических исследований.

Как указывают М. Карпини и Б. Уильямс [9], традиция использования фокус-групп в политических исследованиях достаточно объемна. Традиционная задача, которая ставится перед методом фокус-групп, — это тестирование содержания и ключевых сообщений избирательной кампании. Однако, фокус-группы используются и для изучения мотивации избирателей, которое позволяет сформулировать несколько тезисов. Участие в выборах описывается гражданами как «долг», но в мотивационном плане ему противостоит фиксируемое жителями отсутствие изменений. Именно последнее и можно рассматривать как содержательное основание абсентеизма. Следует подчеркнуть, что подобные данные многократно фиксировались в ходе различных избирательных кампаний не только в России, но и на Западе.

Одним из позитивных мотиваторов для участия в голосовании являются действия сообщества, в которое включен гражданин. Роль этого фактора достаточно детально рассмотрена в работе А. Гербера и Т. Роджерса [10]. Однако, несмотря на важность этого фактора, сохраняется вопрос о том, как само сообщество становится более или менее включенным в политический процесс и выборные процедуры.

Соответственно, с точки зрения менеджмента и проектной логики кампании, такие способы крайне сложно реализуемы. Организация включенности локального сообщества в политический процесс, разработка средств и способов такой включенности требует времени. Именно поэтому часто предпочтение отдается ситуативным способам повышения явки, — индивидуальной работе с избирателями и организации мероприятий, целью которых является повышение явки.

К традиционным способам подобного рода можно отнести телефонный опрос, не содержащий призывов голосовать за конкретного кандидата, но приглашающий принять участие в выборах. Эффективность такого способа рассмотрена в работе А. Гербера и Д. Грина [12]. Для мобилизации избирателей часто используются и несколько других способов, включающих в себя организацию различных событий, сопутствующих выборам.

Одним из событийных способов увеличения явки выступает проведение розыгрыша лотерей, который демонстрирует умеренную эффективность, причем эффективность привлечения избирателей не жестко связана с размером стимула [13]. К. Панагопулос, в частности, утверждает, что большие вознаграждения (от 100 долларов США) могут увеличить явку примерно на 15 процентов, но вопрос издержек на проведение такой кампании остается открытым. В российской практике крайне мало исследований о сравнительной эффективности различных стимулирующих мероприятий, но по разрозненным данным можно предполагать, что эффективность проведения розыгрыша лотерей как метода, способствующего снижению абсентеизма в целом, сопоставима с вариантом стимуляции явки избирателей, обсуждаемым Панагопулосом.

В то же время нельзя забывать, что вознаграждение и аналогичные мобилизационные мероприятия увеличивают явку, но никак не влияют на другие аспекты абсентеизма. В частности, они не снижают вероятности конформного голосования. Следовательно, организация специальных событий на выборах не снижает уровень электорального абсентеизма, а скорее, переводит его в другие формы. Абсентеизм трансформируется из пассивного неучастия в конформное голосование.

Можно утверждать, что остальные способы мобилизации избирателей работают сравнимым образом. Они действительно эффективны с точки зрения повышения явки, но с их помощью невозможно бороться с существенными характеристиками электорального абсентеизма, особенно с его альтернативными сценариями. При этом сценарий конформного голосования может быть реализован с большей или меньшей предсказуемостью, но итоги сценария протестного голосования при мероприятиях, стимулирующих явку, могут быть непрогнозируемыми.

Заключение

Таким образом, электоральный абсентеизм существует и реализуется в виде ряда независимых сценариев: от неучастия в выборах до конформного или протестного голосования. Значимая методическая проблема заключается в том, что в прикладных исследованиях любой из этих сценариев не фиксируется с точностью. Опросы не позволяют достоверно установить долю избирателей, намеренных игнорировать выборы, значит, их прогностический потенциал ограничен. Выходом из этой ситуации могло бы стать расширение репертуара методов, используемых в рамках избирательных кампаний, но все дело в том, что применение других методов исследований также не снимает проблему абсентеизма в прикладном смысле.

Традиционный способ работы с явлением электорального абсентеизма ориентирован на повышение явки избирателей. Это предпринимается как при помощи ситуативных действий (например, посредством телефонных звонков), так и при помощи организации специальных мероприятий. Ряд способов повышения явки на выборы может быть эффективен, но эти способы влияют на базовый сценарий электорального абсентеизма не снижая рисков конформного или протестного голосования.

Вероятность реализации конкретного сценария электорального абсентеизма может быть прояснена при помощи качественных исследований — глубинных интервью и фокус-групп. С эмпирической точки зрения эти методы могут дополнить широко применяемые электоральные опросы и увеличить прогностическую силу исследовательских программ.

Список литературы

1. Kocakulah, Mehmet & Kelley, Ann & Mitchell, Krystal & Ruggieri, Margaret. (2016). Absenteeism Problems and Costs: Causes, Effects and Cures. *International Business & Economics Research Journal (IBER)*. 15.89.10.19030/iber.v15i3.9673.
2. Fiorini, Luke. (2019). Understanding and managing absenteeism: A practical approach, *Centre for Labour Studies Biennial Report 2017–2018* (pp. 29–35), Centre for Labour Studies, University of Malta, Malta.
3. Русских Л.В., Сумина А.А. Абсентеизм как модель политического поведения. *Вестник Южно-Уральского государственного университета, серия «Социальные и гуманитарные науки»*, т. 18, № 4.
4. Романович Н.А. Отказы респондентов в зависимости от восприятия ими опроса и его методов // *Мониторинг*. 1996. № 4.
5. Богдан И.В., Гурылина М.В., Чистякова Д.П. Отказы от участия в опросах: общеметодологические проблемы и специфика медико-социологических исследований // *Вестник НГУЭУ*. 2019. № 3.
6. Рогозин Д.М. Влияние пола респондента на результативность телефонного опроса // *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М)*. 2006. № 22.
7. Kennedy, Eric & Jensen, Eric & Jensen, Aaron. (2022). *Methodological Considerations for Survey-Based Research During Emergencies and Public*

- Health Crises: Improving the Quality of Evidence and Communication. *Frontiers in Communication*. 6.10.3389/fcomm.2021.736195.
8. Brox B., Jiammo J. Late deciders in U.S. Presidential elections, *The American Review of Politics*, Vol. 30, Winter, 2009–2010: 333–355.
 9. Carpini M., Williams B., (1994). *The Method Is the Message: Focus Groups as a Method of Social, Psychological, and Political Inquiry*. 4.
 10. Gerber A.S., Rogers T. Descriptive Social Norms and Motivation to Vote: Everybody's Voting and so Should You, *The Journal of Politics*, Vol. 71, No. 1, January 2009.
 11. Gerber A. S., Green D., 2005. «Do Phone Calls Increase Voter Turnout? An Update» *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 601 (1): 142–54.
 12. Panagopoulos C. (2013). Extrinsic Rewards, Intrinsic Motivation and Voting. *The Journal of Politics*. 75. 10.1017/S0022381612001016.

П.В. ДАНИЛИН
В.Н. ДАНИЛОВ

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ 2016–2021: ВРЕМЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

***Аннотация.** В пятилетнем цикле 2016–2021 годов, между выборами в Государственную Думу VII и VIII созывов, происходит плавная трансформация партийно-политической системы в России. В целом система сохраняет устойчивость, но эволюционирует в сторону большей дружественности для избирателя. В существенной мере этому способствует внедрение новых электоральных механизмов и процедур, инструментов многодневного и удаленного голосования. А появление новых и нишевых партийных проектов предлагает более широкую палитру электорального выбора. В то же время проблемы истощения кадрового потенциала, ограниченности политико-риторического пакета и идеологической эрозии продолжают угнетающе действовать на старые партии и партии парламентского ядра. Из всех партий ответ на них в тактической перспективе нашла только «Единая Россия» как наиболее богатая кадровыми и материальными ресурсами, а также идеологически гибкая партия.*

***Ключевые слова:** выборы, политическая система, политические партии, «Единая Россия», многодневное голосование, удаленное голосование.*

RUSSIAN PARTY SYSTEM 2016–2021: TIME TO TRANSFORM

***Abstract.** In the five-year cycle of 2016–2021, between the elections to the State Duma of the seventh and eighth convocations, there is a smooth transformation of the party and political system in Russia. Overall, the system remains stable, but is evolving toward greater voter friendliness. The introduction of new electoral mechanisms and procedures, instruments of multi-day and remote voting contribute significantly to this. The emergence of new and niche party projects offers a wider palette of electoral choices. At the same time, the problems of depleting personnel potential, limited political and rhetorical package and ideological erosion continue to oppress the old parties and parties of the parliamentary core. Of all the parties, only «Edinaya Rossiya» as the richest in human and material resources and ideologically flexible party found them an answer in tactical perspective.*

***Keywords:** elections, political system, political parties, «Edinaya Rossiya», multi-day voting, remote voting.*

Этап 2016–2021 годов — продолжение трансформаций как избирательной, так и партийно-политической системы России в широком смысле этого

ДАНИЛИН Павел Викторович — политолог, руководитель Центра политического анализа, г. Москва
ДАНИЛОВ Вячеслав Николаевич — политолог, кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

* Начало. Продолжение статьи — в следующем номере.

слова. Все трансформации партийно-политической и избирательной системы стали следствием изменений общества, появления новых электорально-политических запросов и внешних рисков.

Основными вызовами и трендами периода, которые непосредственно влияли на развитие политической системы России, были следующие: массовая цифровизация, вызвавшая расширение информационного пространства в целом и появление новых лидеров общественного мнения из среды новых медиа; новый, более массовый, нежели в 2000-е годы, запрос на участие в жизни общества и государства; востребованность в новых лицах в политике (очевидная с конца 2000-х и недореализованная до сих пор); активное вмешательство недружественных стран в политические процессы внутри России; пандемия COVID-19; рост мобильности граждан внутри и вне страны, отвязка от принципа «голосовать/жить по месту прописки»; пенсионная реформа 2018 года; флуктуации внутри так называемого крымского/путинского большинства; запрос на большую активность, эффективность и ответственность местных властей и др.

Сочетание этих факторов в разных пропорциях вызвало ответную реакцию в виде трансформации избирательной и партийно-политической системы в последние несколько лет.

Основными событиями избирательного цикла, которые обозначили системные новации и изменения, стали выборы Государственной Думы-2016; ЕДГ-2018 на фоне активности думской оппозиции после проведения пенсионной реформы; голосование по поправкам в Конституцию 2020 года; ЕДГ-2020 и выборы Государственной Думы-2021.

Все новации данного этапа развития партийно-политической системы в рамках данной работы отметить невозможно. В России избирательная система учитывает массу особенностей, вплоть до специфики региональной политической культуры (так, в нескольких национальных республиках отказались от прямых выборов главы). Унификация муниципальных образований только грядет в результате реформы публичной власти, к тому же она допускает ряд люфтов в силу местных особенностей устройства системы публичной власти.

Здесь будут рассмотрены только наиболее принципиальные трансформации партийно-политической и избирательной системы Российской Федерации за указанный период.

Законодательные инновации и изменение электоральных практик

Период 2016–2021 годов был отмечен целым рядом инноваций в избирательной системе. Следует, впрочем, отметить, что сама структура избирательной системы менялась не слишком значительно. Основным трендом данного этапа стало стремление сделать избирательный процесс более удоб-

ным и безопасным для граждан с учетом того, что весной 2020 года Россия вошла в период эпидемии COVID-19. Это обстоятельство существенно осложнило процесс волеизъявления. В целом основным трендом преобразований в партийно-политической жизни страны стало стремление не к радикальному реформированию, а к точечной настройке системы, к созданию своего рода «дружелюбного интерфейса» для каждого гражданина. Это в равной степени относится и к законодательным инновациям, и к трансформации самих партий, и расширению предложения на партийном рынке.

Расширение практики использования КОИБ

Голосование посредством Комплексов обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) масштабно на федеральных выборах стало применяться начиная с выборов депутатов Государственной Думы VI созыва. В декабре 2011 года КОИБ использовались в 76 субъектах на 4828 УИК (5,09% от количества УИК). На выборах президента России 4 марта 2012 года КОИБ применялись в 76 субъектах на 5239 УИК (5,51% от количества УИК).

В ходе политического цикла 2016–2021 годов число КОИБ на выборах разных уровней только росло. Так, выборы президента России 2018 года были крупнейшими в плане использования сканеров бумажных бюллетеней. На этих выборах было применено 13,6 тысяч КОИБ, из них новых моделей, разработанных в 2017 году, было 4750 штук. На президентских выборах КОИБ использовались на 10 001 избирательном участке в 82 субъектах. Большинство КОИБ размещались в крупных субъектах, таких как Москва, Санкт-Петербург, Красноярский край, Московская, Свердловская, Новосибирская, Ярославская, Саратовская, Омская и Самарская области. Это территории, на которых в предыдущие электоральные циклы фиксировалось наибольшее количество скандалов и жалоб. Тем самым ЦИК России пыталась повысить доверие к выборам.

В ближайшие годы число КОИБ может быть доведено до 25 тысяч. На заседании комиссии в апреле 2021 года Председатель ЦИК России Э.А. Памфилова распорядилась проработать этот вопрос. «Вы видите, какая востребованность в КОИБ. Мы знаем прекрасно, что они вызывают доверие и среди партий, и среди наблюдателей, избирателей. Это очень удобно. Я прошу уже сейчас прорабатывать вопрос и думать о тех организациях, которые способны потенциально выпускать эти наши современные электронные приспособления, и уже сейчас в бюджетном планировании на 2022 и 2023 годы проработать эту позицию» [1].

Дистанционное электронное голосование

Идея дистанционного голосования рассматривалась Центральной избирательной комиссией Российской Федерации с 2000-х годов. При этом анализировался как удачный, так и спорный опыт различных зарубежных

избирательных систем. «Традиционными» формами такого голосования выступают, в частности, голосование по почте и голосование по доверенности. Однако при традиционных формах дистанционного голосования важным моментом волеизъявления избирателей представляется вопрос доверия граждан к системе учета их голосов.

Наиболее современным способом дистанционного голосования является электронное голосование. Это понятие включает в себя различные способы подачи голоса избирателем с использованием электронных устройств. Разного рода эксперименты в этой сфере ЦИК России проводила с конца 2000-х годов на ряде участков в ходе избирательных кампаний муниципального уровня [2].

ДЭГ было впервые применено в России в 2019 году. Тогда онлайн-голосование состоялось на выборах в Мосгордуму в двух столичных округах. В 2020 году ДЭГ применялось в Москве дважды: летом 2020 года на голосовании по поправкам в Конституцию, а также осенью 2020 года на муниципальных довыборах. Проголосовать можно было на портале mos.ru. Московская платформа использовалась также на онлайн-голосовании по поправкам в Конституцию в Нижегородской области (это второй пилотный регион для ДЭГ) летом 2020 года. Осенью того же года ДЭГ на платформе «Ростелекома» было применено на довыборах в Государственную Думу в Курской и Ярославской областях.

В ходе выборов Государственной Думы в сентябре 2021 года к практике дистанционного электронного голосования присоединились еще несколько регионов. К тому времени потенциальная возможность принять участие в электронном голосовании была у более чем 10 миллионов человек. Это жители Москвы, Севастополя, Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской и Ярославской областей. Кроме них этой возможностью могли воспользоваться граждане, не имеющие регистрации по месту жительства на территории страны, получившие гражданство в упрощенном порядке, в частности граждане России, проживающие на территории ЛНР и ДНР.

Сразу после подсчета голосов проигравшие кандидаты заявили о своем несогласии с результатами ДЭГ в Москве, посчитав процедуру непрозрачной и победу кандидатов от власти — нелегитимной. Впрочем, следует учитывать, что оппозиция сама отдала все пространство ДЭГ сторонникам партии власти. Оппозиционные партии и политики отказались делать ставку на привлечение своих сторонников на дистанционное электронное голосование, в результате их шансы на получение голосов в зоне проведения ДЭГ резко ослабли. Коммунисты, «яблочники», непримиримая оппозиция и сочувствующие их идеям публичные фигуры неоднократно призывали голосовать только лично, на участках, а многие — еще и в последний день голосования и непременно во второй половине дня.

Помимо этого, в результате умело проведенной политической партией «Единая Россия» конкурентной мобилизации своих сторонников по ДЭГ

могли проголосовать 2,8 миллиона избирателей. Большинство из них пришлось на Москву, где ДЭГ применялся уже в третий раз, а голосование стало уже обыденной процедурой, удобной в числе прочего за счет использования простой, интуитивно понятной большинству избирателей схемы регистрации на популярном портале столичной власти.

Сыграло в пользу кандидатов от власти и то обстоятельство, что решивший голосовать по ДЭГ (в основном из-за его технологичности и удобства) избиратель проникся симпатией к тем политическим силам и кандидатам, которые активно поддерживали эту форму голосования (по факту это в основном «Единая Россия») и, напротив, раздражался в отношении тех, кто его (и голосующих подобно ему) публично называл «зависимыми», «пригнанными», «управляемыми». В результате несколько кандидатов от власти в Москве победили за счет активного внедрения ДЭГ, в то время как оппозиция к электронной новации оказалась не готова.

«Мобильный избиратель»

Одной из важнейших новаций избирательной системы данного периода стала система «Мобильный избиратель» — механизм, позволяющий избирателям проголосовать на участке по месту фактического пребывания, а не по месту постоянной или временной регистрации. Вместо открепительных удостоверений граждане могут подать, в том числе через электронную форму на интернет-портале «Госуслуги», заявления о включении своих фамилий в список избирателей на участке по месту пребывания в дни голосования. В то же время старая система открепительных удостоверений регулярно критиковалась как представителями практически всех политических сил, так и экспертами.

Впервые этот механизм на федеральном уровне был применен на президентских выборах 18 марта 2018 года (в соответствии с изменениями, внесенными в закон «О выборах президента Российской Федерации» 1 июня 2017 года). В 2021 году избиратели смогли впервые проголосовать и на парламентских выборах по месту пребывания без получения открепительных удостоверений. Соответствующие поправки были приняты в избирательное законодательство 4 июня 2018 года.

Систему положительно оценили даже эксперты ассоциации «Голос» (организация признана в России иноагентом) [3].

Многодневное голосование

Одной из важнейших инноваций выборных процедур в эпоху пандемии стало применение многодневного голосования. Подчеркнем, что введенная изначально как антиковидная мера, снижающая риск заболевания в ходе единомоментного голосования, прижилась и после снижения угрозы от вируса. Причиной сохранения «экстраординарной» практики стало ее

удобство для избирателя, который обозначил вполне однозначный запрос на продление многодневного голосования и тогда, когда эпидемия стала отступать.

Надо также напомнить, что данная новация политического цикла 2020–2021 годов имела прецеденты в прошлом. Еще выборы в Учредительное собрание в 1917 году проходили не в один день. В новейшей истории России также имелся аналогичный прецедент. В частности, в 1994 году выборы депутатов Городского собрания Санкт-Петербурга проходили в течение двух дней — в воскресенье, 20 марта, и в понедельник, 21 марта [4].

Еще одной формой де-факто многодневного голосования было досрочное голосование. Данная практика постоянно подвергалась критике со стороны как российской оппозиции, так и со стороны членов ЦИК России. Считалось, что досрочное голосование более уязвимо для фальсификаций теми или иными субъектами электорального процесса. В результате оно на федеральных выборах было упразднено [5], что для многих граждан усложнило возможность проголосовать (ведь голосовать можно только в определенный день).

Масштабное общероссийское многодневное голосование впервые было применено в России в ходе голосования по поправкам в Конституцию Российской Федерации в июне-июле 2020 года. В связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 по рекомендации Роспотребнадзора были приняты особые противоэпидемиологические мероприятия. Одной из мер стало продленное голосование. С 25 по 30 июня проходило так называемое голосование до дня голосования, которое помогло снизить число голосующих, одновременно находящихся на участке. По прогнозам ЦИК России, количество голосующих на участке не должно было превышать 8–12 человек в час. Для безопасности перед входом на избирательный участок измерялась температура тела, участки были обеспечены одноразовыми масками и перчатками, санитайзерами, одноразовыми ручками, дезинфицирующими ковриками, а также разметками социального дистанцирования [6, с. 89–106].

В результате голосование проходило беспрецедентным образом: граждане получили возможность проголосовать в течение семи дней, причем как на участке, так и вне помещения для голосования. Были организованы отдельные участки на придомовых территориях. Противники поправок язвительно окрестили его «голосованием на пеньках» («скандальные фото» с участками на пнях активно распространялись в Интернете). Согласно проверке ЦИК России, такие участки действительно существовали, но их было всего три.

Явка по дням распределилась примерно равномерно. На 25 июня, в первый день голосования, уже более 10 миллионов человек выразили свое мнение о поправках в Конституцию. Явка за первый день многодневного голосования составила 9,2 процента. Количество проголосовавших граждан

на общероссийском голосовании по состоянию на конец дня 26 июня составило уже 21 миллион 171 тысячу 137 человек. На 28 июня явка на всероссийское голосование по поправкам в Конституцию, включая дистанционное голосование, составила 28,46 процента. Всего проголосовали 30,9 миллиона человек, из них 903 тысячи — электронно. Число граждан, проголосовавших 28 июня 2020 года, с учетом дистанционного электронного голосования — составило 40 415 883 человека, явка — 37,2 процента от числа избирателей, зарегистрированных в России. На вечер 29 июня, на территории страны проголосовали 49 649 010 граждан, явка вышла на уровень 45,7 процента. На общероссийском голосовании по закону о поправке к Конституции за шесть дней по всей стране она составила 55,22 процента. Итоговая явка оказалась 67,97 процента — 74,1 миллиона человек. Как можно видеть из динамики по дням голосования, ставка ЦИК России сработала: число проголосовавших в среднем составило чуть менее 10 процентов в день — с чуть бóльшим показателем в последний «основной» день голосования. Равномерное распределение числа участников по дням, кстати, является косвенным свидетельством отсутствия серьезных нарушений в процессе голосования, иначе имелись бы серьезные экстремумы в какой-либо из дней голосования (вероятно было бы предположить, что административно зависимый электорат придет в первый день или утром последнего дня) [7].

В ходе встречи с Президентом Владимиром Путиным 9 июля 2020 года, Элла Памфилова, в частности, заявила: «После того, как прошло общероссийское голосование, социологическими службами было проведено исследование, опросили людей. Оказалось, что им очень понравились те процедуры, которые мы предложили. Мы сейчас продумываем с учетом того, что все-таки хоть и гораздо лучше стало, но в разных регионах по-разному складывается эпидемиологическая ситуация. Конечно, не семь дней, это нереально, но рассмотреть возможность не одного дня голосования, чтобы обеспечить безопасность, а два или три дня. Обсудим, посмотрим еще какие-то меры, которые в нынешней ситуации обеспечивают полную безопасность и дают дополнительные возможности людям проголосовать» [8].

Вскоре инициатива получила и законодательное оформление: избирательные комиссии страны получили право назначать многодневное голосование, но сроком не более трех дней. Также закон предусматривает возможность по решению избирательной комиссии, организующей выборы или референдум, «голосование избирателей, участников референдума вне помещения для голосования на территориях и в местах, пригодных к оборудованию для проведения голосования (на придомовых территориях, на территориях общего пользования и в иных местах)» [9]. Придомовые территории в качестве новации также оказались разумной антиковидной мерой.

Успешно применено многодневное голосование было и в ходе Единого дня голосования 2020 года. Оценивая опыт 2020 года, Э. Памфилова объяс-

нила, что многодневное голосование может сохраниться и после окончания пандемии, если на это будет соответствующий запрос общества [10].

Многодневное (по поправкам в Конституцию голосовали семь дней, на ЕДГ-2020 и ЕДГ-2021 — три дня) позволило пройти рискованный с эпидемиологической точки зрения процесс без видимого всплеска заболеваемости, чего опасались некоторые наблюдатели. Никаких значимых пиков заболеваемости с двух-трехнедельным лагом после кампаний не наблюдалось. Были защищены в процессе голосования и члены избирательных комиссий, и наблюдатели, — все участки были снабжены необходимым количеством средств индивидуальной защиты и санитайзерами. С точки зрения логистики это была непростая задача.

Многодневное голосование следует также рассматривать в контексте повышения качества предоставления избирательных услуг и работы ЦИК России в парадигме: сделать все, чтобы избиратель смог получить услугу участия в выборах. Многодневное голосование не только было средством от опасности заражения, но и повышением доступности избирательной услуги для гражданина [11].

Защита от внешнего влияния

Стремление НКО и СМИ, финансируемых из-за рубежа, повлиять на результаты выборов и создать негативный образ по их итогам в общественном сознании масштабно наблюдались в 2011 году и отчасти в 2016 году. С целью минимизировать такого рода влияния был принят корпус законодательства «об иноагентах» (в том числе о «СМИ-иноагентах»), а также сформированы профильные комиссии в Совете Федерации и Государственной Думе по противодействию таким попыткам.

Радикально изменить ситуацию, когда западные политики и аффилированные с ними структуры внутри России или в ближайшем зарубежье пытаются повлиять на выборы, эти меры не смогли, но в целом данные нормы поставили на пути отдельных организаций и персоналий ряд барьеров. Прежде всего это коснулось информирования граждан о том, что обозначенные организации и граждане выполняют функции иностранных агентов, то есть к их информации надо относиться с обоснованным недоверием. В августе 2021 года накануне выборов в Государственную Думу мониторинг комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета Российской Федерации выявил, что СМИ-иноагенты участвуют в распространении недостоверной информации о выборах в России. «Мониторинг показывает, что сейчас в геометрической прогрессии растет число фейков по поводу наших выборов», — утверждал глава комиссии Андрей Климов. По его словам, использовались «фотожабы», репостинг, появлялись сообщения, «источниками которых, как мы потом убеждаемся, являются СМИ-иноагенты» [12].

Одним из механизмов, призванных снизить вероятное влияние недружественных России стран на исход выборов, стала инициатива по обязательной маркировке партий, которые включают в свои списки физлиц-иноагентов. В апреле 2021 года Государственная Дума приняла поправки в законодательство, согласно которым сведения о том, что кандидат является физическим лицом-иноагентом либо аффилирован с иноагентом, должны будут включаться в подписные листы, а также указываться при информировании о кандидатах так же, как и в сетевых изданиях и в СМИ. Согласно поправкам, соответствующая информация должна будет размещаться на информационных стендах. Если у кандидата, признанного иноагентом, имелась или имеется судимость, то это указывается в подписном листе после отчества кандидата.

Закон указывает, что иностранные граждане, лица без гражданства, незарегистрированные общественные объединения, НКО-иноагенты и иностранные СМИ-иноагенты, а также российские юридические лица, включенные в реестр иностранных СМИ-иноагентов, «не вправе осуществлять деятельность, способствующую либо препятствующую выдвижению кандидатов, списков кандидатов», а также достижению определенного результата на выборах, референдуме, или в иных формах участвовать в избирательных кампаниях, кампаниях референдума [13].

Политические партии: новые вызовы и старые рецепты

Говоря о партийно-политическом строительстве в период 2016–2021 годов необходимо отметить два фундаментальных процесса. Первый — это сохранение устойчивых позиций большой парламентской четверки. Следует оговориться, что у парламентской оппозиции в этот период возникает целый ряд трудностей, связанных с физическим старением партийных лидеров и крайне медленным обновлением партийной элиты. Эти проблемы, похоже, в оппозиционных партиях вполне осознавали и старались меняться, правда, не всегда удачно и последовательно. Сохраняется в этот период и доминирование «Единой России», ее кандидаты (за частным случаем выборов губернаторов в нескольких регионах в 2018 году) уверенно побеждали практически на всех выборах разных уровней. Второй важный процесс — формирование запроса не просто на новые лица в политике, но и на новые, отличные от думской оппозиции, политические проекты.

«Единая Россия»: сохранение лидерства и поиск новых форматов

«Единая Россия» в ходе рассматриваемого политического цикла сохраняла доминирующие позиции в партийно-политической системе, даже несмотря на поддержку партией неоднозначно воспринимаемой в обществе концепции пенсионных поправок 2018 года. Партия стабильно вы-

ступает на выборах весь избирательный цикл. За исключением голосования на ЕДГ-2018 (прошедшего на фоне атак на партию со стороны КПРФ по поводу пенсионной реформы) все ее кандидаты победили на выборах губернаторов.

Серьезным преимуществом партии по сравнению с ее основными политическими конкурентами стало стремление гибко реагировать на вызовы времени. Партия регулярно проводила кадровые ротации. Ярким примером этого стали выборы 2021 года, в ходе которых она включила в свои списки врачей, волонтеров, общественников, что было крайне актуально в период борьбы с пандемией.

В Москве 5–6 февраля 2016 года состоялся XV съезд партии «Единая Россия». Его основным вопросом стало утверждение порядка проведения предварительного голосования для отбора кандидатов на выборы в Государственную Думу VII созыва. 22 мая 2016 года «Единая Россия» провела партийные выборы (праймериз) общероссийского масштаба, — формально для отбора кандидатов от партии на выборы в Государственную Думу. Однако победа того или иного лица на этих праймериз отнюдь не означала, что победитель станет кандидатом от «Единой России».

К началу активной стадии избирательной кампании в нижнюю палату парламента были произведены перестановки в предвыборном штабе во главе с Сергеем Неверовым, который начал работу в двух разных форматах: оперативный штаб (заседает дважды в неделю в узком составе для решения неотложных задач) и расширенный штаб (в полном составе должен был собираться раз в две недели).

Выборы оказались для партии власти удачными. В ходе формирования ее фракции в Государственной Думе на пост спикера нижней палаты парламента был предложен Вячеслав Володин, бывший до этого времени куратором внутриполитического блока Администрации Президента. Володин уже имел опыт руководящей работы в партии и опыт парламентария в 2000-е годы, потому такое кадровое решение представляется вполне логичным. Место В. Володина в Администрации Президента занял экс-полпред Президента в Приволжском федеральном округе, экс-глава «Росатома» Сергей Кириенко. Знаковым стало и то обстоятельство, что 22 января 2017 года Дмитрий Медведев был переизбран на пост председателя партии.

Совершенствовалась партия и механизмы внутрипартийной демократии. 26 мая 2019 года впервые в истории масштабных политических выборов, проводимых в России, она применила процедуру тайного электронного предварительного голосования с использованием технологии блокчейн. Подобное голосование использовалось избирателями в 47 регионах России на разноуровневых выборах по определению кандидатов для последующего выдвижения от «Единой России» в Государственную Думу, региональные парламента и органы местного самоуправления.

12 августа 2021 года ЦИК России зарегистрировал федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы от партии «Единая Россия». Всего в списке было 394 человека. Список возглавили министр обороны Сергей Шойгу, глава МИД России Сергей Лавров, главный врач больницы в Коммунарке Денис Проценко, сопредседатель ОНФ Елена Шмелева и детский омбудсмен Анна Кузнецова. 219 человек были выдвинуты партией по одномандатным округам. По сути, на выборах 2021 года была сделана ставка на сильное выступление кандидатов от партии именно по одномандатным округам, что позволило сохранить уверенное большинство в Государственной Думе.

ЛДПР: кризис лидерства¹

Партию Владимира Жириновского, несмотря на в целом уверенное выступление на выборах 2016 года, в последующий период ожидали тревожные времена. Партия пострадала от физического старения лидера и отсутствия возможности радикально обновить повестку. Очевидного сменщика В. Жириновского и человека номер 2 в партии так и не удалось «вырастить». А незадолго до выборов 2021 года из политики ушел и сын лидера партии Игорь Лебедев, которого долгое время рассматривали в качестве возможного преемника.

К успехам партии можно отнести выборы ЕДГ-2018, когда два кандидата от партии неожиданно для всех наблюдателей и для самих себя выиграли выборы губернаторов: Сергей Фургал в Хабаровском крае и Владимир Сипягин во Владимирской области. Если Сергея Фургала — действующего депутата Государственной Думы — можно было назвать известным в регионе политиком, то Владимир Сипягин не был известен избирателю и политическим тяжеловесом в региональной политике не был. Впрочем, два года спустя С. Фургал был арестован по уголовному делу. Это сильно ударило по позиции партии на Дальнем Востоке, который традиционно считался базовым регионом ее поддержки. Правда, ЛДПР удалось сохранить за своим однопартийцем Хабаровский край, где губернатором стал соратник В. Жириновского Михаил Дегтярев, дважды выдвигавшийся ранее в качестве кандидата на выборах мэра Москвы.

В партийной предвыборной программе 2021 года были выделены разделы, посвященные государственному устройству, национальной безопасности, экономике и социальной политике. В целом документ получился ровно в популистском стиле партии Жириновского: она состояла ровно из ста пунктов.

Партия выступала за воссоздание мощного государственного сектора экономики, поддержку национального товаропроизводителя, развитие отечественной промышленности и сельского хозяйства: программа предлагает

¹ Статья готовилась до печальной новости о кончине В.В. Жириновского.

ввести монополию на производство и продажу алкоголя, табака и сахара и провести полную всеобщую экономическую амнистию, создать новый государственный банк, подконтрольный президенту, правительству и Государственной Думе. Центральный постулат социальной политики ЛДПР — обеспечить всем трудящимся достаточное материальное благосостояние и цивилизованный образ жизни. В частности, партия считает необходимым исчислять зарплату, стипендии, пенсии и пособия в соответствии с реальными ценами на потребительские товары, услуги, жилье. Часть программных положений касалась поддержки предпринимателей, пенсионеров и инвалидов, молодежи, детей. Также в приоритетах партии — развитие культуры, здравоохранения и экологии.

В числе прочих идей ЛДПР предложила сократить состав нижней палаты российского парламента с 450 до 300 человек, создать 2–3-партийную систему, распустить Совет Федерации, сформировать 30 губерний и избирать судей.

В вопросе внешней политики в программе ЛДПР упоминается возвращение к границам СССР через референдумы. Кроме того, в программе говорилось о запрете «русофобской пропаганды», принятии законов о защите русского народа и русского языка [14].

КПРФ: метания и конфликты

Весь период 2016–2021 годов в КПРФ наблюдался очевидный внутренний кризис. Кризис идей, кризис старения ЦК и лидера. Внутри партии также все складывалось не вполне гладко. Еще в предыдущем политическом цикле в КПРФ явно оформились две группы с альтернативной Геннадию Зюганову повесткой — группа Валерия Рашкина (главы московского горкома) и группа Сергея Левченко, бывшего с 2015 года по 2018 год губернатором Иркутской области. Сами «лидеры групп» разногласия публично отрицали, но стилистические различия были очевидны. В. Рашкин активно заигрывал с рядовыми участниками московских протестов в 2019 году и в ходе кампании по выборам в Мосгордуму (эта практика себя оправдала — позднее коммунисты серьезно усилили свое представительство в московском парламенте), в то время как Г. Зюганов агрессивно выступал против любых союзов с «навальнистами». Ряд местного актива и В. Рашкин с С. Левченко выступили в поддержку хабаровских протестов в 2020 году, в то время как руководство КПРФ от них отстранилось. Несмотря на уверения, что никакого конфликта в руководстве КПРФ нет, сначала С. Левченко не получил вакантный мандат депутата Государственной Думы (после смерти Вахи Агаева), а затем оба «фрондера» были выведены из состава Президиума ЦК партии весной 2021 года.

Не менее неудачной и скандальной получилась для КПРФ президентская кампания 2018 года. В марте 2017 года состоялся XVII съезд КПРФ,

поддержавший кандидатуру Павла Грудина на предстоящих президентских выборах. Кандидатура Грудина казалась выигранным вариантом, — вместо поднадоевшего избирателю Г. Зюганова «крепкий хозяйственник», якобы создавший «социальный рай» в принадлежащем ему совхозе имени Ленина в Подмосковье. Однако вскоре после уверенного старта кампании, в СМИ начал всплывать разнообразный компромат на П. Грудина, — от наличия у него счетов за границей до скандального развода и конфликтов с обиженными пайщиками совхоза. Рейтинг Грудина перестал расти, в результате он получил на выборах довольно скромные 12 процентов голосов.

В ходе кампании перед ЕДГ 2018 года КПРФ всерьез постаралась использовать против «Единой России» тему пенсионной реформы. Начиная с 1 августа 2018 года КПРФ активно собирает подписи граждан против пенсионной реформы и повышения пенсионного возраста. Это дало свои результаты на губернаторских выборах. В двух регионах КПРФ выступила мощно: в Приморье и Хакасии. Во Владимирской области ее представителю не удалось выдвинуться на пост губернатора, хотя и там шансы коммунистов выглядели предпочтительными. В Приморье выборы были отменены в результате многочисленных нарушений со стороны обоих основных кандидатов, а в Хакасии молодой юрист местного отделения компартии смог одолеть на выборах главу республики Виктора Зиминова. Правда, впоследствии деятельность Валентина Коновалова на посту главы Хакасии неоднократно подвергалась критике.

Хотя рядовые члены партии приняли активное участие в хабаровских протестах 2020 года и событиях 23 и 31 января 2021 года в поддержку оппозиционера Алексея Навального, руководство КПРФ в первом случае не поддержало протест, во втором случае — активно выступило в поддержку власти.

В марте 2020 года фракция КПРФ в Государственной Думе не поддержала поправку в Конституцию об обнулении сроков пребывания Владимира Путина на посту президента. Впрочем, позиция КПРФ была по данному вопросу двойственной. КПРФ де-факто не призвала своих сторонников голосовать против поправок, официально заявив, что в принципе выступает против ельцинской Конституции 1993 года и именно потому ее не удовлетворяют половинчатые поправки. В то же время отрицать содержавшийся в поправках социальный пакет коммунисты не могли, отмечая лишь его недостаточность.

Еще одну попытку зацепиться за «народную тему» КПРФ предприняла на фоне разразившейся пандемии. 21 марта 2021 года КПРФ совместно с «Левым фронтом», РКРП, движением «За новый социализм» и другими организациями приняла участие в митинге против введения QR-кодов в Тюмени. Митингующие выступали против QR-кодов и предлагали уголовную ответственность за их внедрение.

Таким образом, КПРФ всецело шла за внешней по отношению к партии повесткой. Политически это выглядело крайне непоследовательными колебаниями линии партии: то заигрывая с несистемным уличным протестом, то решительно от него отрекаясь, поддерживая социальный блок поправок в Конституцию и не поддерживая голосование по ним, манипулируя сознанием граждан по ковидной теме и то же время поддерживая социальные инициативы правительства по преодолению эпидемии, партия демонстрировала, что кризис идей она так и не преодолела.

На думские выборы 2021 года коммунисты пошли с составом, практически неотличимым от предыдущих выборов (в лидерах списка оказались исключительно партийные старожилы из «зюгановской гвардии»).

В программе-минимум политической партии были предусмотрены абсолютно традиционные и ожидаемые меры по установлению власти трудящихся, народно-патриотических сил; национализации природных богатств России и стратегических отраслей экономики; возврату в Россию из зарубежных банков государственных финансовых резервов; созданию реальной независимой судебной системы; реализации мер по борьбе с бедностью, введению государственного контроля над ценами на товары первой необходимости; восстановлению ответственности власти за ЖКХ; увеличению финансирования науки, восстановлению высоких стандартов всеобщего бесплатного среднего и высшего образования; обеспечению общедоступности и высокого качества здравоохранения; повышению эффективности системы госуправления; созданию условий для развития малого и среднего предпринимательства; борьбе с коррупцией и преступностью и тому подобное. Также в перечне программных целей партии — недопущение повышения пенсионного возраста, освобождение от уплаты налогов граждан с низкими доходами, расширение социальных гарантий для военнослужащих и работников правоохранительных органов, ограничение размера платы за ЖКУ [15].

«Справедливая Россия»: в поисках самоопределения

Главная проблема эсеров в период 2016–2021 годов сохранилась еще с предыдущего избирательного цикла. Помимо кадровых и организационных проблем у партии явно наметился кризис идентичности.

Так, в декабре 2017 года в Москве прошел IX съезд политической партии «Справедливая Россия». Съезд принял решение не выдвигать кандидата от партии на выборах президента России в 2018 году и поддержать кандидатуру действующего главы государства Владимира Путина. Таким образом, партия даже не смогла выдвинуть своего представителя на главное политическое событие.

К выборам президента 18 марта 2018 года «Справедливая Россия» выступила с программным «Социальным манифестом», адресованным буду-

щему лидеру страны на период 2018–2024 годов. В манифесте подчеркивалось, что основными требованиями россиян к власти являются экономическая самодостаточность государства, его политическая независимость, социальная справедливость в распределении доходов и использование российских природных богатств и ресурсов на укрепление социального благополучия всех граждан России.

Партия в ходе политического цикла стремилась обновить кадровый состав, но без особых последствий. 11 марта 2020 года состоялся учредительный Съезд молодежного крыла партии — Общероссийской общественной молодежной организации «Молодежь Справедливой России». Организация объединила членов «Справедливой силы», выпускников «Молодежного кадрового резерва СР», молодых депутатов и членов партии до 36 лет, а также «беспартийную молодежь», которая, как заявлялось, «разделяет ценности социализма и поддерживает программу партии “Справедливая Россия”».

Программа «эсеров», принятая на съезде накануне выборов 2021 года была «основана на базовых ценностях социализма — справедливости, свободе и солидарности и имеет своей целью построение справедливого общества». Партия выступает за обеспечение гарантий достойной зарплаты и пенсии, бесплатной медицины, права на социальное жилье и нормированную плату за коммунальные услуги. В числе ее приоритетов — развитие культуры, науки и образования, в том числе путем увеличения расходов на эти сферы, защита интересов человека труда, изменение пенсионной системы.

В качестве конкретных предложений в программе были предусмотрены: отмена обязательного ЕГЭ, повышение зарплат педагогам и медработникам, увеличение стипендий, повышение уровня оплаты труда и размера пособия по безработице, доведение минимального размера трудовой пенсии до размера величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по стране, недопущение повышения пенсионного возраста и так далее. Особое внимание в программе партии уделено задачам поддержки и защиты семьи, материнства и детства, а также вопросам экономического развития [16].

Попытка обновления была предпринята и на ином направлении — репозиционировании за счет объединения с другими политическими силами. Еще в декабре 2020 года появились слухи, что «Справедливая Россия» готовится к объединению с партиями «За Правду» и «Патриоты России». В конце декабря лидер партии Сергей Миронов подтвердил эти намерения, а 20 января 2021 года было объявлено о достижении соглашения. Объединение партий было осуществлено месяцем позже и обновленная партия получила название «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» или «Справедливая Россия — За правду». В результате федеральный список на выборах депутатов Государственной Думы возглавили лидеры трех партий: Сергей Миронов, Захар Прилепин и Геннадий Семигин. В ре-

гиональных отделениях трех объединяющихся партий это решение вызвало неоднозначную реакцию, — так, руководитель пермского отделения «Патриотов России» Андрей Степанов заявил, что предпочтет завершить политическую карьеру, чем вступать в объединенную партию, поскольку уверен, что большинство руководящих постов и депутатских мандатов будет разыграно среди тех, кто был и раньше в Справедливой России [17]. Свое недовольство выразил и ряд региональных отделений в Уральском федеральном округе.

22 февраля на съезде было принято решение об официальном переименовании объединенной партии в Социалистическую политическую партию «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» (короткое название — партия «Справедливая Россия — За правду»).

Партийно-политическая система в условиях смены общественного запроса. ЕДГ-2018 и другие попытки протестной консолидации

Знаковой промежуточной кампанией в плане рассмотрения партийно-политической системы стала кампания региональных выборов в 2018 году. Интерпретация результатов этой кампании оставляет ощущение своего рода шизофрении, — оказалось, что на выборах одновременно победили и сторонники, и противники власти. Как писал по итогам выборов журнал «Эксперт», «диаметрально противоположные трактовки итогов ЕДГ-2018 появились сразу после разгромных побед представителей оппозиции во Владимирской области и Хабаровском крае и капитуляции назначенцев Москвы в Приморье и Хакасии. Эти скандальные истории отделили тот факт, что согласованные в Кремле кандидаты смогли завоевать на прямых выборах 18 из 22 губернаторских постов, а «Единая Россия» в среднем по стране набрала около 60 процентов голосов, взяла почти все законодательные собрания и городские думы. Надо учесть, что голосование проходило в исторически сложных для партии власти регионах. А население испытывало серьезный стресс на фоне разговоров о пенсионной реформе. Но две трети голосов все равно ушли «единороссам» [18].

Если присмотреться к результатам кампании [19], то несложно заметить, что протестное голосование в принципе имело место в четырех регионах, из которых два (Приморье и Хабаровский край) традиционно были непростыми для властных кандидатов. Еще два (Омская и Орловская области) были по своего рода пакетному соглашению заранее отданы оппозиционным кандидатам, — «Единая Россия» там своих кандидатов просто не выставляла. Наконец, в двух регионах, где также неожиданно для многих победили представители КПРФ и ЛДПР (Владимир Сипягин из ЛДПР во Владимирской области и Александр Коновалов от КПРФ в Хакасии) наблюдалась очевидная усталость населения от «инкумбента», а также были

совершены грубейшие технологические ошибки действующими губернаторами.

Триггером протестного голосования, безусловно, послужила предложенная правительством Дмитрия Медведева реформа по повышению пенсионного возраста. Согласно опросам ФОМ от мая 2018 года, против повышения пенсионного возраста выступало подавляющее большинство — 82 процента респондентов [20]. Сыграть на этих настроениях решила КПРФ, которая накануне выборов инициировала целый ряд митингов против реформы. Против выступали и иные оппозиционные партии, политики и, что важнее, избиратели. Потому в ряде регионов, руководители которых публично выступали в пользу реформы (в частности, Светлана Орлова во Владимирской области и Андрей Тарасенко в Приморье), возник риск консолидированного протестного голосования. КПРФ, безусловно, стала бенефициаром протестных настроений, но выступить дружно по всей стране не смогла. Например, в Новосибирской области мэр Новосибирска Анатолий Локоть де-факто пошел на союз с кандидатом от власти в губернаторы. Ситуация размена с «Единой Россией» наблюдалась и в Орловской области, где «Единая Россия» отказалась от выдвижения своего кандидата, и губернатором стал московский коммунист Андрей Клычков. В иных регионах (той же Владимирской области) коммунисты просто не смогли выдвинуть своих кандидатов. В принципиальных для власти в целом Москве и Московской области уверенную победу одержали действующие губернаторы, — кандидаты от «Единой России» Сергей Собянин и Андрей Воробьев.

На выборах в законодательные собрания «Единая Россия» подтвердила свое лидерство. Секретарь генсовета партии Андрей Турчак оценил итоги выборов следующим образом: ««Единая Россия» в среднем по стране набрала на прошедших в воскресенье выборах более 60% голосов, значительно превысив прогнозы экспертов. При этом из 16 кампаний по выборам в законодательные собрания в 13 регионах «Единая Россия» заняла первое место. Лучшие результаты в Кемеровской области — 89% мандатов, в Калмыкии — 77,8%, в Ростовской области — 76,7%». Турчак поделился мнением, что результат напрямую зависел от явки, — чем она выше, тем больше голосов в пользу «Единой России». Он привел в пример Кемеровскую область, где явка составила 66 процентов, Ростовскую область (45,5%) и Калмыкию (54,5%) [20].

Удовлетворены были результатами кампании и коммунисты. Первый заместитель председателя ЦК Иван Мельников явно торжествовал по итогам голосования: «Среди 16 кампаний у нас 3 победы с результатом выше 30%! Последний раз КПРФ побеждала на выборах в региональное законодательное собрание в 2005 году. В Ульяновской области наши товарищи набрали 36,3%, «Единая Россия» около 34%. Наш процент в 2,5 раза лучше, чем на аналогичных выборах в 2013 году и почти в 2 раза лучше, чем на выборах в Госу-

дарственную Думу в 2016 году! В Иркутской области КПРФ набрала 34%, у «Единой России» около 28%. Результат на 15% выше, чем на аналогичных выборах в 2013 году и на 10% выше, чем на думских выборах 2016 года! В Республике Хакасия у нас 31%, у «Единой России» — 25,5%. Наши товарищи набрали на 17% больше, чем на таких же выборах в 2013 году, и на 10% больше, чем на думских 2016 года. В остальных регионах у нас 11 безоговорочных вторых мест» [21].

По итогам активной кампании на фоне пенсионной реформы КПРФ удалось локально занять позицию партии номер 2 и главной оппозиционной силы. Эту позицию она едва не потеряла на думских выборах 2016 года. Однако ее результаты по регионам явно были скромнее амбиций побороть «Единую Россию», ведь, с учетом выборов в одномандатных округах, последняя сформировала во всех региональных собраниях уверенное большинство, даже в тех регионах, где губернаторами были избраны коммунисты и жириновцы.

Не получилось консолидации протеста у оппозиционных сил и год спустя, когда пристальное внимание было обращено на выборы в Мосгордуму. Московские протесты, организованные А. Навальным и его сторонниками, объективно сыграли в пользу кандидатов от компартии, однако по результатам выборов коалиция депутатов от мэрии одержала уверенную победу, получив 25+ мест из 45 в Московской городской думе. Таким образом, на фоне недовольства значительной части россиян пенсионными преобразованиями системная оппозиция, в первую очередь КПРФ, постаралась консолидировать протест и преобразовать его в электоральный успех. Строго говоря, локальные успехи оказались довольно скромными.

По оценке политологов Виктора Потуремского и Виталия Романова, на ЕДГ-2019 «условия были тяжелыми, а в ряде регионов, например, в Хабаровском крае и в Иркутской области, крайне тяжелыми и сложными для «Единой России». Общая повестка работала, скорее, против партии и ее кандидатов, эффект “черных очков” избирателей далек от корректировки. В то же время, “Единая Россия” успешно выступила на выборах ЕДГ-2019. Партия получила 60% мандатов в законодательных собраниях регионов. В среднем по единым округам — 67,6% , по одномандатным округам — 75,8%. Это больше, чем в прошлом году, когда “Единой России” досталось около 60%. Для сравнения: КПРФ сумела получить только 10,9% мест в ЗС. На довыборах в Государственную Думу в трех округах из четырех победили единороссы. Десять врио губернаторов, выдвинувшихся от “Единой России”, уверенно выиграли выборы. В среднем они получили 70% голосов» [22]. «Единая Россия» проиграла выборы в законодательное собрание Хабаровского края, но там работал «фактор Фургала» и популярность партии власти была крайне низкой — административный ресурс там использовался по факту против партии.

Список литературы

1. Памфилова: Новые КОИБы должны появиться в 2022–2023 годах. Российская газета, 14.04.2021. URL: <https://rg.ru/2021/04/14/pamfilova-novye-koiby-dolzny-poiavitsia-v-2022-2023-godah.html> (дата обращения: 01.05.2022).
2. Материалы к выступлению Председателя ЦИК России В.Е. Чурова «Дистанционное электронное голосование — перспективы использования для расширения возможностей голосования граждан Российской Федерации за рубежом». URL: http://www.cikrf.ru/about/board/int/churov/int_churov_dist.php (дата обращения: 01.05.2022).
3. Эксперты — о голосовании по месту нахождения. 28.11.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o918RrgelNA&t=65s>.
4. Новые формы голосования. Доклад Ассоциации «Независимый общественный мониторинг». М., 2021. URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20210419/953177943.html>.
5. Госдума отменила открепительные удостоверения на выборах. ТАСС, 24.05.2017. URL: <https://tass.ru/politika/4276620>.
6. Данилин П.В., Данилов В.Н. Многодневное голосование: международная практика и российский опыт// Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 3(21).
7. РОССИЯ 2020: ГОД ОБНОВЛЕННОЙ КОНСТИТУЦИИ. Доклад Центра политического анализа. 22.12.2020. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/report/read/id/42> (дата обращения: 01.05.2022).
8. Встреча с Председателем Центризбиркома Эллой Памфиловой. Kremlin.ru, 9.07.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63623> (дата обращения: 01.05.2022).
9. Федеральный закон от 23.05.2020 № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Принят Государственной Думой 13 мая 2020 года, одобрен Советом Федерации 20 мая 2020 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/Text/0001202005230002> (дата обращения: 01.05.2022).
10. Памфилова считает, что многодневное голосование может сохраниться и после пандемии. ТАСС, 23.12.2020. URL: <https://tass.ru/politika/10333311> (дата обращения: 1.05.2022).
11. ВЫБОРЫ ДЛЯ ЛЮДЕЙ: НОВОЕ КАЧЕСТВО ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РФ. Доклад Центра политического анализа. 13.05.2021. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/report/read/id/43/page/1> (дата обращения: 05.05.2022).
12. Климов обвинил СМИ-иноагентов в распространении фейков о выборах в Госдуму. URL: <https://ria.ru/20210806/vybory-1744677787.html> (дата обращения: 05.05.2022).
13. Приняты изменения в законодательство об иноагентах. 7.04.2021. URL: <http://duma.gov.ru/news/51172/> (дата обращения: 05.05.2022).
14. Съезд ЛДПР утвердил предвыборную программу партии. РИАИ, 25.06.2021. URL: <https://ria.ru/20210625/ldpr-1738616471.html> (дата обращения: 05.05.2022).
15. Программа партии. Сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 05.05.2022).

16. ПРЕДВЫБОРНАЯ ПРОГРАММА Социалистической политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ПАТРИОТЫ – ЗА ПРАВДУ». URL: <https://obj.spravedlivo.ru/sr73/113269b.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).
17. Объединение трех партий привело к скандалам в регионах. URA.RU, 21.01.2021. URL: <https://ura.news/articles/1036281806> (дата обращения: 05.05.2022).
18. Скоробогатый П. Время сложных решений. Эксперт. 1.10.2018. URL: <https://expert.ru/expert/2018/40/vremya-slozhnyih-reshenij/> (дата обращения: 05.05.2022).
19. О пенсионном возрасте и отношении к идее его повысить. ФОМ, 04.06.2018. URL: <https://fom.ru/posts/14043> (дата обращения: 05.05.2022).
20. Замахина Т. В «Единой России» подвели итоги выборов 9 сентября. Российская газета, 10.09.2018. URL: <https://rg.ru/2018/09/10/v-edinoj-rossii-podveli-itogi-vyborov-9-sentiabria.html> (дата обращения: 05.05.2022).
21. Политический прорыв. Иван Мельников о результатах Единого дня голосования – 2018. Пресс-служба ЦК КПРФ, 10.09.2018. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/178829.html> (дата обращения: 05.05.2022).
22. Потуремский В., Романов Р. Итоги ЕДГ-2019 для Партии «Единая Россия». URL: <https://parta.er.ru/issue-1/19> (дата обращения: 05.05.2022).

В.А. АВАТКОВ
А.И. СБИТНЕВА

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В последнее время на внутривнутриполитической арене Турции появилось большое количество новых политических партий, которые стремятся занять свое место в общественно-политической жизни страны. В преддверии всеобщих выборов, запланированных на 2023 год, возрастает запрос на изучение турецких парламентских фракций и внепарламентских объединений. В статье рассматриваются ключевые субъекты внутренней политики Турецкой Республики, проводится анализ партийных программ, а также дается краткая характеристика партийной системы государства.

Ключевые слова: Турция, партийная система, партии, фракции, выборы, законодательство, парламент, коалиции.

PARTY SYSTEM AND POLITICAL PARTIES OF THE REPUBLIC OF TÜRKIYE

Abstract. A large number of new political parties have recently occurred in the political scene of Türkiye. All of them strive to take their place in the country's socio-political life. On the eve of the general elections scheduled for 2023, the demand for the study of Turkish parliamentary factions and extra-parliamentary parties is increasing. To this end, the article scrutinizes the key subjects of the internal policy of Turkish Republic, provides an analysis of parties' programs, and gives a brief description of the party system of the state.

Keywords: Türkiye, party system, parties, factions, elections, legislation, parliament, coalitions.

Политические партии в Турецкой Республике являются полноправными субъектами внутренней политики государства и играют важную роль в осуществлении внешнеполитического курса страны. В 2023 году в Турции пройдут очередные парламентские и президентские выборы. Событие знаменательно не только красивой датой (выборы состоятся в год 100-летия Турецкой Республики), но и тем, что оно предопределит дальнейшую судьбу — к тому моменту уже 9-летней — эпохи правления президента Р.Т. Эрдо-

АВАТКОВ Владимир Алексеевич — доктор политических наук, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва

СБИТНЕВА Алина Игоревна — научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва

гана и 21-летнего периода нахождения у власти возглавляемой им Партии справедливости и развития (ПСР).

Партийная система современной Турции прошла длительный путь становления и перехода от однопартийной, где основным политическим детерминантом страны являлась созданная М.К. Ататюрком Народно-республиканская партия (НРП), к многопартийной. Этот переход фактически состоялся в 1946 году, когда в стране были проведены первые многопартийные (в действительности — двухпартийные) выборы, — помимо НРП за место на политической арене борьбу вела Демократическая партия [1, с. 182].

Являясь страной, принадлежащей к восточной дихотомии общественно-политического уклада, Турецкая Республика была и остается лидероцентричной. Несмотря на важную роль партий, политических объединений и других общественных движений, особое значение в турецкой партийной системе имеет лидер, стоящий во главе той или иной организации. Именно он является олицетворением партии, с которым ее ассоциируют и, возможно, будут ассоциировать долгие годы. Ярким примером такой партии является НРП, идейным и бессменным лидером которой до сих пор считается М.К. Ататюрк, ушедший из жизни в 1938 году [2].

В настоящее время, по данным Министерства внутренних дел страны, в Турции зарегистрировано 116 действующих политических партий¹, в числе которых, помимо традиционных внутриполитических акторов, наблюдаются различные политические течения, в том числе коммунистические, «зеленые» и даже феминистские. Их деятельность регламентируется соответствующим законом № 2820 «О политических партиях» от 22 апреля 1983 года. Законодательство Турции, в частности, конституция и статья 3 вышеупомянутого закона, определяет политическую партию, как *обладающую правосубъектностью структуру, которая осуществляет деятельность по всей стране и преследует цель достичь уровня современной цивилизации для страны в рамках демократического государственного и имеющегося общественного устройства, обеспечивая достижение национальной воли за счет открытой пропаганды и работы в русле взглядов, определенных в ее программе и уставе, а также посредством президентских, парламентских и местных выборов в соответствии с конституцией и законами страны*².

На парламентских выборах проходной барьер для партий в Турции составляет 10 процентов³ и считается достаточно высоким. Из-за серьезной критики избирательного законодательства Турецкой Республики на протя-

¹ Türkiye Genelinde 116 Aktif Siyasi Parti var // Türkiye Cumhuriyeti İçişleri Bakanlığı. URL: <https://www.icisleri.gov.tr/turkiye-genelinde-116-aktif-siyasi-parti-var> (дата обращения: 26.04.2022).

² 2820 Sayılı Siyasi Partiler Kanunu // Mevzuat. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuatmetin/1.5.2820.pdf> (дата обращения: 02.05.2022).

³ 2839 Sayılı Milletvekili Seçim Kanunu. Madde 33 // Mevzuat. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.2839.pdf> (дата обращения: 29.04.2022).

жении многих лет обсуждается возможность снижения порога до 5 процентов. Вместе с тем в 2022 году стало известно, что Партия справедливости и развития совместно с Партией националистического движения (ПНД) готовят поправки к закону о выборах, где предусматривается снижение порога до 7 процентов⁴. На муниципальном уровне барьер иной, — он рассчитывается путем деления общего числа поданных голосов на количество мандатов от конкретного округа.

С 2002 года одной из правящих в Турции партий является Партия справедливости и развития. В 2018 году, когда в стране были проведены крайние (по состоянию на 2022 г.) досрочные всеобщие выборы, правящих партий стало несколько, поскольку некоторые из них, включая саму ПСР, участвовали в избирательной гонке в составе коалиций. Так, Партия справедливости и развития и Партия националистического движения образовали «Народный альянс», а оппозиционный блок или «Национальный альянс» представляла группа партий в составе Народно-республиканской партии, Хорошей партии и Партии счастья. Победу тогда одержал «Народный альянс», получивший 53,66 процента голосов избирателей. За ПСР и ПНД были отданы 42,56 процента и 11,10 процента голосов соответственно⁵.

Всего по итогам выборов 2018 года в Великое национальное собрание Турецкой Республики (ВНСТ) прошли 5 партий: Партия справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma Partisi), Партия националистического движения (Milliyetçi Hareket Partisi), которые представляют правительственный блок; Народно-республиканская партия (Cumhuriyet Halk Partisi), Хорошая партия (İYİ Parti) и Демократическая партия народов (Halkların Demokratik Partisi), представляющие оппозицию.

По состоянию на 2022 год в парламенте Турции занято 581 место из возможных 600. В ВНСТ числятся 14 партий, в число которых, помимо перечисленных выше входят: Рабочая партия Турции (İşçi Partisi), Демократическая партия (Demokrat Parti), Партия «Родина» (Memleket Partisi), Партия великого союза (Büyük Birlik Partisi), Партия демократии и прорыва (Demokrasi ve Atılım Partisi), Партия демократических регионов (Demokratik Bölgeler Partisi), Партия счастья (Saadet Partisi), Партия инноваций (Yenilik Partisi) и Партия победы (Zafer Partisi). Многие из них представлены в меньшинстве и попали в парламент за счет перехода депутатов в иные фракции, а также других манипуляций. Распределение по местам схематически отражено в таблице.

⁴ AKP, Seçim Yasası değişikliğini Mart başında Meclis'e sunmayı planlıyor: Liderlerin ağzından çıktı, baraj 7'de kaldı // BBC Türkçe. URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-59558560> (дата обращения: 26.04.2022).

⁵ 2018 Seçim Sonuçları // Haberler. URL: <https://www.haberler.com/secim/2018/> (дата обращения: 26.04.2022).

Распределение депутатов в ВНСТ

Партия	Количество мест
Партия справедливости и развития (<i>правящая</i>)	286
Народно-республиканская партия	135
Демократическая партия народов	56
Партия националистического движения (<i>правящая</i>)	47
Хорошая партия	36
Рабочая партия Турции	4
Демократическая партия	2
Партия «Родина»	2
Партия великого союза	1
Партия демократии и прорыва	1
Партия демократических регионов	1
Партия счастья	1
Партия инноваций	1
Партия победы	1
Независимые депутаты	7

Источник: *Türkiye Büyük Millet Meclisi*. URL: https://www.tbmm.gov.tr/develop/owa/milletvekillerimiz_sd.dagilim (дата обращения: 01.05.2022)

Партия справедливости и развития (ПСР), как уже отмечалось, находится у власти на протяжении 20-и лет с 2002 года, когда она впервые одержала победу на выборах. Партия была создана годом ранее, — на тот момент экс-мэром Стамбула Р.Т. Эрдоганом. ПСР, которая позиционирует себя как центристская и умеренно-исламистская, была основана на обломках нескольких консервативных происламистских организаций: Партии благоденствия (Refah Partisi) и Партии добродетели (Fazilet Partisi) [3, с. 9], запрещенных судом Турецкой Республики незадолго до появления на внутривнутриполитической арене страны ПСР. Именно эти партии закладывали основы политического ислама в стране, а ряд их бывших членов, в числе которых 11-й президент Турции А. Гюль, стали впоследствии ближайшими соратниками Эрдогана и стояли у истоков новоиспеченной ПСР.

Председателем партии сегодня является президент Р.Т. Эрдоган, который будучи единственным кандидатом, в марте 2021 года был в очередной раз переизбран на этот пост. Действующий президент Турции ранее покидал должность руководителя партии и не являлся им с августа 2014 года по май 2017 года, поскольку в 2014 году он одержал победу на президентских выборах, а законодательство того времени требовало от главы государства

быть беспартийным. В результате конституционных поправок, принятых в апреле 2017 года, данное требование было отменено.

Штаб-квартира современной ПСР расположена в Анкаре, однако по всей стране разбросаны ее представительства. Кроме того, партия имеет молодежные отделения и собственное печатное издание под названием «Бюллетень Турции». Что касается выборной истории партии, то ПСР удерживала большинство мест в парламенте на протяжении 13 лет, и лишь однажды, по итогам выборов в июне 2015 года, ей не удалось сформировать однопартийное правительство. При этом стоит отметить, что для исправления ситуации в ноябре того же года были организованы новые досрочные выборы, где Партии справедливости и развития удалось взять «реванш».

По своим идейно-ценностным установкам современная ПСР несколько отличается от той, что стала безоговорочным лидером на выборах в 2002 году. Тогда своим феноменальным успехом эта партия была обязана грамотно выстроенной программе, учитывающей потребности турецкого общества. Ее члены, по всей видимости осознавая усталость населения от исламистских лозунгов и их бесперспективность на фоне процветавшей тогда светскости, приняли решение отойти от исключительно консервативных убеждений, сконцентрировав внимание на более насущных вещах.

В период сильнейшего экономического кризиса 1990-х годов ПСР во внутренней политике сконцентрировалась на решении накопившихся экономических проблем, повышении общего благосостояния государства и общества и строительстве так называемого «демократического ислама» [4, с. 94]; во внешней — на приобщении к западным ценностям и вступлении в Европейский Союз. Ее прошлые программы были в целом ориентированы на своих ближайших европейских и американских союзников и носили западоцентричный характер. После вступления Р.Т. Эрдогана в должность президента в 2014 году в политике Турции произошел «поворот на Восток», что отразилось в том числе и на партийных программных установках, которые приобрели более консервативный окрас.

Современная программа ПСР в большей степени посвящена вопросам внутренней политики, а именно — решению социально-экономических проблем. Внешнеполитический раздел представляет собой ряд помещенных в текст идеологем, в том числе свойственный Турции «неоосманизм». Согласно программе, Турция нацелена на реализацию многовекторной внешней политики на основе уважения суверенитета и территориальной целостности других государств. Также отмечается, что Турецкая Республика может стать центром притяжения для ряда проектов с геополитической точки зрения⁶.

Несмотря на то, что в программе уделяется особое внимание Европе, Евросоюзу, НАТО и Соединенным Штатам как одним из приоритетных

⁶ AK Parti Programı. Dış Politika // AK Parti. URL: <https://www.akparti.org.tr/parti/parti-programi/> (дата обращения: 27.04.2022).

направлений сотрудничества, значение также придается взаимодействию с Грецией, в частности отмечается важность решения кипрского вопроса, тюркскими государствами Центральной Азии, Кавказом и Балканами. Российской Федерации при этом посвящено одно предложение, в котором указывается намерение Турции поддерживать дружеские отношения с Россией, основанные на сотрудничестве, а не на конкуренции на Кавказе и в Центральной Азии⁷.

Важным представляется другой партийный документ ПСР — «Видение 2023», отражающий основные цели партии, которые она планирует достичь к 100-летию Турецкой Республики. Так, например, из документа становится ясно, что Турция под эгидой ПСР намерена провести ряд внутривластных реформ, в том числе изменить выборное законодательство и конституцию, а также достичь успехов в экономике за счет существенного увеличения объемов экспорта и снижения уровня безработицы⁸.

Партия националистического движения (ПНД) долгое время находилась в оппозиции по отношению к правящей ПСР [5, с. 30], однако сегодня является частью правительственного «Народного альянса» и сотрудничает с возглавляемой президентом партией. ПНД была основана в 1969 году пантюркистом и националистом А. Тюркешем, который также возглавлял молодежное радикальное крыло ПНД «Серые волки» (*Bozkurt*), а после своей смерти продолжает считаться вдохновителем и главным лидером партии.

ПНД является ультраправой, а пул ее сторонников и избирателей преимущественно составляют националистически настроенные граждане и приверженцы идеологии пантюркизма и пантуранизма. Штаб-квартира партии находится в Анкаре. Под патронатом ПНД на территории Турции и ряда европейских государств функционирует ультраправая националистическая и пантюркистская организация «Фонд образования и культуры идеалистов» (*Ülkü Ocakları Eğitim ve Kültür Vakfı*). Современным лидером партии является Д. Бахчели, известный своими резкими и недружественными высказываниями в адрес России, в частности, по поводу ее «деструктивной» политики в Сирии и «аннексии» Крыма. В 2021 году Д. Бахчели стал героем мировых СМИ после публикации его фото с президентом Р.Т. Эрдоганом и подаренной им «картой тюркского мира», на которой изображены около 20 регионов России, включая Восточную Сибирь, некоторые тюркоязычные субъекты страны, Крым, а также республики Северного Кавказа.

Партия националистического движения выступает за решение проблем мирным путем, а также отстаивание национальных интересов на международной арене. Один из главных принципов партии — «страна-лидер Турция» (*Lider Ülke Türkiye*) — предполагает проведение независимой и эффективной

⁷ AK Parti Programı. Dış Politika // AK Parti. URL: <https://www.akparti.org.tr/parti/parti-programi/> (дата обращения: 27.04.2022).

⁸ 2023 Siyasi Vizyon. Toplum // AK Parti. URL: <https://www.akparti.org.tr/parti/2023-siyasi-vizyon/> (дата обращения: 27.04.2022).

внешней политики. Приоритетным внешнеполитическим направлением ПНД является «тюркский мир». Также ПНД нацелена на многоплановое сотрудничество с Кавказом, Балканами, Центральной Азией и Кипром. Отношения с Европой и Евросоюзом, по мнению ПНД, не являются для Турции «вопросом судьбы», и она в целом в них не нуждается. Отношениям с США посвящен скромный и несодержательный абзац программы; Россия же упомянута там вместе с Ираном и государствами Черноморья, Каспия, Ближнего Востока и Балканского полуострова⁹.

Народно-республиканская партия (НРП) является старейшей партией Турции, основанной еще М.К. Ататюрком в 1923 году, и по иронии судьбы сегодня представляет собой крупнейшую оппозиционную силу страны. НРП — социально-демократическая партия, придерживающаяся идеологии «кемализма» и объединяющая светскую часть турецкого общества, разделяющую демократические взгляды и не признающую исламские консервативные ценности. Так, например, в ходе муниципальных выборов в 2019 году кандидаты от НРП впервые за долгое время одержали победу в двух крупнейших светских и прогрессивных провинциях страны — Стамбуле и Анкаре.

Лидером НРП является К. Кылычдароглу — основной соперник Эрдогана, а также главный критик его внешней и внутренней политики. Штаб-квартира партии располагается в столице страны, но при этом НРП имеет представительства в других регионах и за рубежом, в основном в США и на территориях европейских государств, в частности, в Германии, где в основном сосредоточена турецкая диаспора. Партия издает журнал под названием «Нация» (Millet), а также имеет молодежное и женское крыло.

Во внешней политике НРП, с одной стороны, придерживается принципа «отца-основателя» республики: «мир в стране — мир во всем мире» (Yurtta sulh, cihanda sulh), с другой, — отмечает в своей программе необходимость развития вооруженных сил Турции. Особенно важным для НРП является выстраивание контактов с США, ЕС и НАТО, на втором плане — стандартный набор государств и регионов: Средиземноморье, в частности Греция и Северный Кипр, тюркские страны Центральной Азии, Африка, Ближний Восток, Латинская Америка, Кавказ, Балканы, а также Армения, Китай, Япония, Бразилия, Индия и другие. Кроме того, НРП выступает за укрепление взаимовыгодных связей с Россией¹⁰.

Демократическая партия народов (ДПН), возглавляемая курдом по происхождению С. Демирташем, была образована в 2012 году, а в 2015 году уже смогла пробиться в парламент. Штаб-квартира партии находится в Анкаре. ДПН — партия либерально-демократического толка, является прокурдской

⁹ MHP Parti Programı. Geleceğe Doğru // Milliyetçi Hareket Partisi. URL: http://www.mhp.org.tr/usr_img/_mhp2007/kitaplar/mhp_parti_programi_2009_opt.pdf (дата обращения: 27.04.2022).

¹⁰ Cumhuriyet Halk Partisi Programı // Cumhuriyet Halk Partisi. URL: <https://chp.azureedge.net/1d48b01630ef43d9b2edf45d55842cae.pdf> (дата обращения: 27.04.2022).

и в основном акцентирует свое внимание на проблемах внутривластного характера: защите прав женщин, национальных, сексуальных и других меньшинств. Основным круг избирателей ДПН составляют курды и, следовательно, население юго-востока страны [6, с. 320–321]. При этом государственными органами партия и ее лидер нередко подозреваются в связях с Рабочей партией Курдистана, деятельность которой в Турции запрещена и признана террористической.

На международной арене ДПН выступает за борьбу с империализмом, гегемонизмом, войнами и эксплуатацией. Партия не поддерживает интервенцию Турции и ее союзников в лице США и НАТО в Сирию и другие регионы, а также уделяет особое внимание вопросу защиты прав туроккиприотов и палестинцев¹¹.

Хорошая партия является одной из самых молодых парламентских фракций. Она была создана в 2017 году опытным политиком и бывшим министром внутренних дел М. Акшнер, которая годом ранее со скандалом покинула ПНД из-за разногласий во взглядах. Акшнер придерживается жестких недружественных взглядов по отношению к России, — обвиняет Москву в убийствах турецких военных в Сирии, а также регулярно чтит память первого лидера самопровозглашенной Республики Ичкерия Дж. Дудаева, поддерживая стремление региона к независимости.

Хорошая партия представляет собой синтез националистических, консервативных и центристских взглядов и во многом является альтернативой правящей ПСР. При этом не чужды партии и пантюркистские идеи. Стоит отметить, что даже ее логотип (İYİ) частично напоминает руны. Главный офис партии расположен в Анкаре.

Внутривластная программа Хорошей партии мало отличается от ее коллег из других политических объединений. Во внешней политике она, как и НРП, придерживается миролюбивого принципа Ататюрка и критикует ближневосточную политику правящих кругов Турции, в том числе ее сирийское направление, называя ее ошибкой. Отношения с государствами этого региона, по мнению партии, должны быть основаны на сотрудничестве и добрососедстве. Процесс евроинтеграции Турции при этом назван не отвечающим взаимным интересам сторон, но в то же время озвучена мысль о важности здоровых европейско-турецких отношений как для самой Турции, так и для всего региона. США и Россия в программе не упоминаются.

Ключевым внешнеполитическим направлением Хорошей партии является «тюркский мир» и разноплановое взаимодействие с «братскими» родственными общинами не только Центральной Азии, но и Балкан. В особенности подчеркивается роль в этом процессе таких институтов «мягкой силы» Турции, как Агентство по сотрудничеству и развитию (TİKA) и Управле-

¹¹ Halkların Demokratik Partisi Programı // Halkların Demokratik Partisi. URL: <https://hdp.org.tr/tr/parti-programi/8/> (дата обращения: 28.04.2022).

ние по делам зарубежных тюрок и родственных общин (Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı)¹².

Девять других партий практически не представлены в парламенте Турции и занимают там от 1 до 4 мест. Среди них *Рабочая партия Турции*, созданная в 2017 году и возглавляемая турецким коммунистом Э. Башем. Партия представляет в ВНСТ левое движение и пропагандирует непопулярные в стране коммунистические взгляды. Так, партия выступает за антиимпериализм и антикапитализм, независимость, а также мир и братство на мировой арене¹³.

Партия «Родина» под руководством М. Индже была основана в 2021 году во многом как альтернатива НРП. Во внутренней политике партия придерживается «заветов» Ататюрка, о чем свидетельствует лозунг «Мы вернем наше будущее!»; во внешней — выступает за сотрудничество с Россией, в том числе по вопросу сирийского и ливийского кризисов, а также в регионе Восточного Средиземноморья¹⁴.

Демократическая партия была основана в 2007 году, ее лидером является политик Г. Уйсал. Партия представляет собой либеральную правопроцентристскую организацию, нацеленную на реализацию «ататюркизма», либерального консерватизма и экономического либерализма. Во внешней политике Демократическая партия одновременно стремится как к сохранению партнерских отношений с Москвой, особенно в энергетической сфере, так и к снижению зависимости от российских ресурсов¹⁵.

Партия победы существует лишь с августа 2021 года. Ее основал У. Оздаг — бывший член ПНД и Хорошей партии. Учитывая биографию лидера партии, она ожидаемо придерживается правых взглядов, идеологии «кемализма» и национализма. Внешняя политика Турции, согласно программе, должна строиться на принципе «национального политического реализма». При этом Партия победы нацелена на развитие культурных, политических и экономических отношений с Россией. Отдельно отмечается, что Российская Федерация могла бы оказать Турции содействие в возвращении сирийских беженцев на территорию Сирии¹⁶, — партия также придерживается резких антимигрантских настроений.

Партия счастья основана в 2001 году бывшим премьер-министром страны и идеологом «политического ислама» Н. Эрбаканом, а сегодня возглавляется политиком Т. Карамоллаоглу. Партия критикует политику НАТО

¹² İYİ Parti Programı // İYİ Parti. URL: <https://iyiparti.org.tr/storage/img/doc/iyi-parti-guncel-parti-program.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

¹³ Türkiye İşçi Partisi Programı // Türkiye İşçi Partisi Programı. URL: <https://tip.org.tr/program/> (дата обращения: 28.04.2022).

¹⁴ Memleket Partisi Programı // Memleket Partisi. URL: <https://memleketpartisi.org.tr/icerik/program> (дата обращения: 28.04.2022).

¹⁵ Demokrat Parti Programı // Demokrat Parti. URL: <http://www.dp.org.tr/parti-programi> (дата обращения: 28.04.2022).

¹⁶ Zafer Partisi Parti Programı // Zafer Partisi. URL: <https://zaferpartisi.org.tr/zafer-partisi/parti/parti-programi/> (дата обращения: 28.04.2022).

и США, в частности американские интервенции, и выступает за развитие отношений с Китаем, Ираном и «братскими» тюркскими республиками. При этом Партия счастья достаточно лояльна Москве: отмечается растущая важность России и необходимость развития взаимодействия с ней по урегулированию сирийского кризиса, общим энергетическим проектам, а также военно-техническому сотрудничеству, в том числе по вопросу зенитного ракетного комплекса С-400¹⁷.

Партия великого союза создана в 1993 году М. Языджиоглу — бывшим членом ПНД и экс-главой недоброжелательной для России националистической организации «Идеалистов» (Ülkücüler). Сегодня ее лидером является М. Дестижи, в свою очередь, — выходец из Партии счастья. Партия великого союза придерживается идеологии тюркско-исламского синтеза, в рамках которой первостепенное значение придается именно исламской, а не этнической идентичности¹⁸.

Партия демократических регионов появилась на политической арене Турции в 2008 году под иным названием и была реорганизована в 2014 году. Является левой партией, придерживающейся идеологии социал-демократизма, федерализма и сепаратизма. Ее сопредседателями выступают С. Айдениз и К. Байындыр. Идеино-ценностные установки партии во многом схожи со взглядами Демократической партии народов.

Партия инноваций действует в качестве самостоятельного политического объединения с 2020 года и представляет собой силу, поддерживающую «ататюркизм», а также принципы экспроприации и государственности. Внешней политике посвящена лишь малая часть партийной программы, в которой при этом нет ни слова о России. Вместо этого имеется краткое описание видения двусторонних отношений с Северным Кипром, Сирией, тюркскими государствами, а также ЕС, США, странами Евразии, Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки и Латинской Америки¹⁹.

Партия демократии и прорыва была создана в 2020 году политиком и экономистом А. Бабаджаном, с которым связывают феномен «экономического чуда» Турции 2000-х годов. Бабаджан являлся активным государственным деятелем, а также одним из членов ПСР, стоявших у истоков ее создания. Созданная им партия придерживается либерально-демократических взглядов.

Приоритет во внешней политике Партия демократии и прорыва отдает Европе и Евросоюзу, США и Североатлантическому альянсу. Отдельно в тексте ее программы отмечаются Греция, Кипр и Восточное Средиземноморье в целом, а также такие регионы, как Африка, Ближний Восток,

¹⁷ Saadet Partisi Programı. Türk Cumhuriyetleri ile İşbirliği // Saadet Partisi. URL: <https://saadet.org.tr/tr/program-detay/5ed7b3a402a20/turk-cumhuriyetleri-ile-isbirligi> (дата обращения: 28.04.2022).

¹⁸ Büyük Birlik Partisi Programı // Büyük Birlik Partisi. URL: <https://www.bbp.org.tr/files/Parti-Programi.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

¹⁹ Yenilik Partisi Programı // Yenilik Partisi. URL: <https://www.yenilikpartisi.org/PartiProgrami/index.html> (дата обращения: 29.04.2022).

включая Палестину, Сирию, Ирак, Иран, Кавказ, Балканы и Азиатско-Тихоокеанский регион. В программе также лаконично указано, что партия нацелена на поддержание многовекторных отношений с Россией и будет проявлять осторожность для того, чтобы имеющиеся противоречия не сказались негативным образом на интересах двух стран²⁰.

Особую важность приобретает тот факт, что в феврале 2021 года лидер партии принял у себя посла России в Турции А.В. Ерхова²¹, а Партия демократии и прорыва стала таким образом одной из немногих оппозиционных сил, с которой Москва, обычно работающая только с официальными властями, начала выстраивать планомерное взаимодействие.

Отдельно стоит рассмотреть еще одну — внепарламентскую, но принципиально важную политическую партию, деятельность которой в последние годы заметно активизируется. Речь идет о *Партии будущего (Gelecek Partisi)*, созданной в 2019 году А. Давутоглу, — бывшим премьер-министром и министром иностранных дел Турции, автором известной внешнеполитической доктрины «Ноль проблем с соседями» и монографии «Стратегическая глубина», а также идеологом турецкого «неоосманизма». Давутоглу, как и А. Бабаджан, является одним из основателей Партии справедливости и развития, которую он покинул из-за непримиримых идейных разногласий.

Партия будущего придерживается неоднозначной идеологии, сочетающей «неоосманские», исламские и демократические ценности одновременно. Партия, с одной стороны, ориентирована на Запад, с другой — на Восток. Ее «восточность» проявляется, в частности, в отношении к религии и мусульманским ценностям. Так, например, Партия будущего активно борется с исламофобией и выступает за развитие связей Турции с различными исламскими организациями.

Во внешнеполитической части программы партии высказывается смелая мысль о том, что ООН как институт утратила былое влияние, в том числе в вопросе решения проблем международного масштаба. Отношения с США названы «стратегическими». Среди других ключевых направлений сотрудничества числятся Ближний Восток, Северная Африка, Балканы, Кавказ, Центральная Азия и Черноморский регион. Отношения с Россией, согласно программе, должны быть освобождены от культуры холодной войны и развиваться на основе взаимных интересов в двустороннем, региональном евразийском и глобальном форматах, а также — в области туризма, торговли, сельского хозяйства, энергетики и оборонной промышленности²². Партия

²⁰ Demokratik ve Atılım Partisi Parti Programı. Dış politika // Demokratik ve Atılım Partisi. URL: <https://devapartisi.org/temel-metinler/parti-programi> (дата обращения: 29.04.2022).

²¹ О встрече Посла России в Турции А.В. Ерхова с главой Партии демократии и прогресса А. Бабаджаном // Посольство Российской Федерации в Турецкой Республике. URL: https://turkey.mid.ru/ru/press-centre/news/o_vstreche_posla_rossii_v_turtsii_a_v_erkhova_s_glavoy_partii_demokratii_i_progressa_a_babadzhanom/ (дата обращения: 29.04.2022).

²² Gelecek Partisi Program // Gelecek Partisi. URL: <https://gelecekpartisi.org.tr/partimiz/program> (дата обращения: 29.04.2022).

будущего является второй оппозиционной партией Турции, лидеру которой посол А.В. Ерхов в 2021 году также нанес «визит вежливости»²³.

Стоит отметить, что в анкетах по итогам крайних предварительных опросов населения стали все чаще появляться такие политические силы, как Партия перемен Турции (Türkiye Değişim Partisi) и Партия нового благоденствия (Yeniden Refah Partisi).

Партия перемен Турции, придерживающаяся идеологии «ататюркизма», социал-демократизма и социального либерализма, была сформирована в 2020 году турецким бизнесменом и политологом М. Сарыгюлем. Ее логотип представляет собой два красных сердца, символизирующих Фракию и Анатолию, соединенных белой звездой (вероятно, логотип отсылает к флагу Турецкой Республики).

Ключевым принципом внешней политики партии является, предположительно, видоизмененная известная фраза М.К. Ататюрка «честь снаружи — покой внутри» (Dışarıda onur, içeride huzur). В программе, в частности, отмечается, что Турция является членом евроатлантического общества, а НАТО выступает ключевым элементом турецкой политики в области безопасности²⁴. Россия в программе не упоминается.

Партия нового благоденствия, в свою очередь, является обновленной версией и «наследницей» Партии счастья, а также имеет весьма схожий с закрытой ранее (практически одноименной) исламистской Партией благоденствия. Партия была образована в 2018 году Ф. Эрбаканом — сыном экс-лидера Партии счастья и бывшего премьер-министра страны, а ее кадровый состав преимущественно составляют люди из так называемого «Фонда Эрбакана». Идеологические основы крайне правой Партии нового благоденствия составляют в основном идеи созданного в 1969 году Н. Эрбаканом движения политического ислама «Национальный взгляд» (Milli Görüş) [7], исламизм и панисламизм, а также консерватизм.

Одним из слоганов партии является фраза «Для благополучия каждого». Во внешнеполитическом разделе программы отмечаются «неустойчивые» отношения Турции и ЕС, высказывается мысль о том, что политика США «не служит миру во всем мире», а ряд событий, в том числе сирийские, свидетельствуют о том, что НАТО не справляется со своими обязательствами в отношении Турции. Внимание также уделяется тюркскому и исламскому миру, Кипру и Африке. Россия при этом названа соседом, а также отмечено, что партия поддержит любые экономические проекты с этой страной, которые будут созданы на основе взаимного уважения и взаимных интересов²⁵.

²³ О встрече Посла А.В. Ерхова с главой Партии будущего А. Давутоглу // Посольство Российской Федерации в Турецкой Республике. URL: https://turkey.mid.ru/ru/press-centre/news/o_vstreche_posla_a_v_erkhova_s_glavoy_partii_budushchego_a_davutoglu/ (дата обращения: 29.04.2022).

²⁴ Türkiye Değişim Partisi Programı // Türkiye Değişim Partisi. URL: <https://tdp.org.tr/parti-programi/> (дата обращения: 02.05.2022).

²⁵ Yeniden Refah Partisi Programı // Yeniden Refah Partisi. URL: <https://yenidenrefahpartisi.org.tr/page/parti-programi/14> (дата обращения: 02.05.2022).

В последние годы в Турции появляется все больше новых политических партий, которые уже активным образом вступают в предвыборную гонку. Надо сказать, что грядущие в 2023 году выборы готовят Турции большие перемены. По итогам социального опроса 3540 респондентов, проведенного в апреле 2022 года турецкой научно-исследовательской и консалтинговой компанией ORC в 41 провинции страны, правящая Партия справедливости и развития рискует получить рекордно низкие 28,4 процента голосов в ходе парламентских выборов. При этом за «Национальный альянс» в составе НРП и Хорошей партии проголосовало бы, по данным компании, 40,2 процента избирателей, в то время как коалиция ПСР и ПНД набрала бы лишь 36,6 процента голосов²⁶. Показатели при этом имеют тенденцию к снижению, — еще в марте 2021 года турецкий социологический институт Optimar прогнозировал ПСР более существенную поддержку, равную 38 процентам²⁷, однако, такой процент уже тогда считался низким по сравнению с результатами прошлых выборов.

Партия справедливости и развития в действительности переживает кризис. Небывалый успех, достигнутый ею 20 лет назад, сменился чередой неудач как во внутренней, так и во внешней политике. Рекордные обвалы лиры, достигающей исторических минимумов, социальные протесты, резкое охлаждение отношений с западными странами на фоне дорогостоящих трансграничных операций Анкары в соседних Сирии и Ираке, а также кадровые партийные изменения, связанные с уходом из ПСР авторитетных политиков в лице А. Давутоглу и А. Бабаджана, не способствуют повышению рейтинга партии Р.Т. Эрдогана и самого президента.

ПСР не до конца готова к предстоящим выборам, чем активно пользуются оппозиционные партии, призывающие к необходимости проведения досрочных выборов²⁸. Стоит отметить, что зимой 2021 года президент Турции четко дал понять, что такой исход исключен, речь о досрочных выборах вестись не может, а данный вопрос более не следует обсуждать. При этом важно, что оппозиционный ПСР «Народный альянс» в последнее время заметно расширяется, — на выборах, помимо Хорошей партии и НРП, к нему планируют присоединиться Демократическая партия, Партия будущего и Партия счастья. В феврале 2022 года с целью продемонстрировать свое единство указанные 5 партий и Партия демократии и прорыва подписали меморандум о взаимопонимании под названием «Усиленная парламентская

²⁶ Son seçim anketi: AKP ve Cumhur İttifakı'na bir çok daha. URL: <https://www.sozcu.com.tr/2022/gundem/son-secim-anketi-akp-ve-cumhur-ittifakina-bir-sok-daha-7054106/> (дата обращения: 03.05.2022).

²⁷ Партия Эрдогана теряет рейтинг за два года до всеобщих выборов — опрос // EurAsia Daily. URL: <https://easaily.com/ru/news/2021/03/30/partiya-erdogana-teryayet-reyting-za-dva-goda-do-vseobshchih-vyborov-opros> (дата обращения: 02.05.2022).

²⁸ İYİ Parti'den erken seçim çağrısı // Sözcü. URL: <https://www.sozcu.com.tr/2021/gundem/iyi-partiden-sert-aciklama-turkiye-cinnet-geciriyor-derin-fakirlesme-tam-bir-erdogan-maliyetidir-6785726/> (дата обращения: 02.05.2022).

система»²⁹, тем самым выразив протест установленной Эрдоганом президентской форме правления.

В пользу ПСР стоит сказать, что по-настоящему достойная ей альтернатива в Турции по-прежнему не появилась — представляющие сегодня оппозицию партии имеют свои недостатки. Однако это не означает невозможности ее возникновения или укрепления одной из уже существующих партий в среднесрочной перспективе. К тому же, ПСР, как уже отмечалось, постепенно утрачивает былое влияние. В связи с этим России необходимо продолжать курс на выстраивание контактов с различными парламентскими и внепарламентскими турецкими партиями, — как правящими, так и оппозиционными.

Список литературы

1. Харитоновна О.Г. Кризисная эволюция турецкой политической системы // Полития. 2018. № 3 (90).
2. Киреев Н.Г. История Турции XX век / Н.Г. Киреев. Москва: ИВ РАН: Крафт+, 2007. 608 с.
3. Flanagan S.J., Stephen Larrabee F., Binnendijk A., Costello K., Efron S., Hoobler J., Kirchner M., Martini J., Nader A., Wilson P.A. Turkey's Nationalist Course. Santa Monica: RAND Corporation, 2020. 276 p.
4. Киреев Н.Г. Турция: что в багаже у партии власти «умеренного ислама» // Россия и мусульманский мир. 2004. № 8.
5. Аватков В.А., Борчалинский М.А., Кочкин М.В., Хрусталева Е.А. Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 — лето 2015 г.) / Под ред. В.А. Аваткова. М.: ООО «Паблиц», 2015. 88 с.
6. Miş N. Aslan A. Kuruluşundan bugüne AK Parti. Siyaset. 2. Baskı — İstanbul: SETA Kitapları, 2018. 466 с.
7. Еремеев Д.Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней / Д.Е. Еремеев. М.: Квадрига, 2017. 374 с.

²⁹ Турецкая оппозиция подписала совместный проект парламентской системы // Красная весна. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/6cdb182> (дата обращения: 02.05.2022).

О.В. ЦВЕТКОВА
Ю.А. РОМАНОВА

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РОССИИ: ОТ РЕЙТИНГА РЕГИОНОВ К ДИСТАНЦИОННОМУ ЭЛЕКТРОННОМУ ГОЛОСОВАНИЮ

***Аннотация.** В статье приводится обзор рейтингов развития электронных правительств субъектов Российской Федерации, раскрываются критерии формирования «цифровой зрелости» регионов, а также исследуется вопрос внедрения цифровых технологий в избирательный процесс, практики дистанционного электронного голосования, приводится содержательный анализ предвыборных программ на предмет цифровой повестки партий-победителей на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва.*

***Ключевые слова:** электронное правительство, цифровизация, дистанционное электронное голосование, субъект Российской Федерации, избирательный процесс.*

DIGITAL TRANSFORMATION OF RUSSIA: FROM THE RATING OF REGIONS TO REMOTE ELECTRONIC VOTING

***Abstract.** The article provides reviews of the development ratings of electronic state entities of the Russian Federation, reveals the foundations for the formation of «digital maturity» of the regions, and examines the use of digital technologies in processes, elections of constituencies contained in a meaningful analysis of election programs in the quantitative elections of winning parties in the elections. deputies of the State Duma of the 8th convocation.*

***Keywords:** e-government, digitalization, remote e-voting, region, electoral process.*

На современном этапе развития мирового сообщества цифровые технологии активно применяются в государственном управлении. В экономической сфере используются биометрические данные, Big Data-центры, бесконтактная оплата, не требующая пинкодов или паролей. В социальной сфере — это электронный документооборот, цифровые паспорта, различные мобильные сервисы, в которых можно получить любую услугу не выходя из дома. Цифровые и сетевые технологии стимулируют дальнейшие разви-

ЦВЕТКОВА Ольга Викторовна — кандидат политических наук, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва

РОМАНОВА Юлия Алексеевна — аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва

тие общества в политической сфере. Основным концептом по внедрению информационно-коммуникационных и иных технологий в политическую жизнь является цифровое и электронное правительство (e-government, digital government). Под цифровым правительством следует понимать информационную деятельность органов государственной и местной власти в цифровом пространстве для взаимодействия между собой и обществом. Одним из важных моментов деятельности цифрового правительства выступает широкое предоставление государственных услуг в интернет-среде и информационная открытость.

С положительной стороны проявили себя идеи цифрового правительства в эпидемиологической ситуации. Президент Российской Федерации В.В. Путин на совещании по вопросам развития информационно-коммуникационных технологий и связи отметил: «Роль и значимость отрасли особенно ярко проявились в обстановке вынужденных ограничений, связанных с эпидемией, когда многие предприятия, а также образовательные и другие организации перешли на удаленный режим работы, когда нужно было максимально быстро реализовать решения государства по поддержке российских семей и целых отраслей экономики» [1].

* * *

В настоящее время Россия входит в число 30 передовых стран по развитию электронного правительства. Но необходимо отметить важную особенность нашей страны: некоторые субъекты Российской Федерации — так называемые регионы-доноры — обладают существенной технологической базой и значительным потенциалом. В то же время удаленные территории отдельных регионов-реципиентов не на должном уровне оснащены телефонной связью и иными системами коммуникации (Республика Крым, Приморский и Ставропольский края, Свердловская, Вологодская, Омская области, Еврейская автономная область).

Говоря о нормативном закреплении цифровизации субъектов Российской Федерации нужно сказать, что охватившая мир пандемия коронавируса в серьезной мере повлияла на темпы внедрения цифровых изменений. По состоянию на 2019 год эксперты Аналитического центра при Правительстве России подтверждали наличие региональных программ цифровизации только в 34 субъектах Федерации, но уже к 1 сентября 2021 года в 84 субъектах была утверждена стратегия цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления для достижения регионами «цифровой зрелости».

Основным рейтингом для анализа, оценки и сравнения субъектов Российской Федерации в области цифрового правительства в 2021 году стал индекс «Цифровой зрелости», включенный в постановление Правительства России от 03.04.2021 г. № 542 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц

(руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915».

Согласно современной методике, индекс цифровой зрелости формируется на основе результатов регионов в разных сферах: «Показатель рассчитывается на уровне субъектов Российской Федерации, производится расчет доли достижения органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, а также государственного управления целевых значений индикаторов, характеризующих достижение показателя указанных отраслей и государственного управления» [2]. При этом ответственным субъектом за формирование рейтинга является Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Источниками информации теперь являются только административные данные региональных и федеральных органов власти, зафиксированные в автоматизированной информационной системе.

В нашей стране существует и иные способы оценки деятельности регионов в области электронного правительства, к числу которых можно отнести определение рейтинга регионов по качеству предоставления электронных государственных услуг. Данный рейтинг формируется Министерством экономического развития Российской Федерации (далее — Минэкономразвития) практически каждый год. Основным элементом для анализа являются сайты и федеральный портал государственных услуг, а также ряд приоритетных служб. За 2021 год было изучено более 1300 различных услуг, которые были предоставлены в 85 субъектах Федерации. Минэкономразвития оценивает сведения о предоставляемых государственных услугах, а также возможности подачи заявления в режиме онлайн, обратную связь, скорость работы сервиса, доступность информационных каналов и рассматривает мобильные приложения и их стабильность при оказании услуг.

На данный момент установлено, что более 50 процентов услуг, реализованных через единые порталы, были не рассмотрены или остались без ответа. Основная проблема — неудобная электронная форма, которая требует слишком много времени. Для этого Минэкономразвития России «...в целях оптимизации подходов по предоставлению государственных и муниципальных услуг предлагает отказаться от предоставления справок о составе семьи и выписок из домовых книг, содержащих сведения, которые требуются органам власти для предоставления государственных услуг», с чем нетрудно согласиться, но сложно представить, так как данная проблема существует уже более 10 лет [3].

Из итогов деятельности субъектов Российской Федерации известно, что основными лидерами в области электронных услуг являются Москва, Московская и Тульская области. Этими регионами набрано по 85 баллов, то есть они обеспечивают практически все услуги в электронной форме, но не полностью открыты для граждан, так как либо сложно связаться с соответствующим порталом, либо на получение той или иной услуги приходится тратить слишком много времени. К примеру, имея 57 баллов, Республика Башкортостан среди субъектов Федерации занимает 25 место.

Практически в каждом регионе по приоритетным услугам порталы не предоставляют точную информацию. В субъектах Российской Федерации нередко на сайтах государственных услуг размещаются непропорционально краткие сведения, недостаточный объем информации, указываются не все необходимые документы для получения региональных и муниципальных услуг. Чаще всего возникают проблемы со своевременным обновлением редакций законов. В том же Башкортостане существует проблема с размещением актуальных правовых актов и действующей информации об услугах.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» развитие электронного правительства в стране осуществляется в рамках принятой в 2018 году обновленной версии национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Важным этапом цифровой трансформации России является внедрение цифровых технологий в избирательный процесс. Их повсеместное внедрение актуализирует тему внедрения электронной демократии, одним из важных элементов которой является электронное голосование [4, с. 4–7]. На практике в нашей стране возможно применение двух разновидностей электронного голосования: на избирательных участках посредством применения комплексов обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), комплексов электронного голосования (КЭГ), а также технических средств с электронными бюллетенями на цифровых избирательных участках (ЦИУ) и через дистанционное электронное голосование, которое проводится на портале «Госуслуги» в субъектах Российской Федерации и на портале «mos.ru» в столичном регионе.

В 2021 году в рамках федеральной избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва по решению ЦИК России онлайн-голосование было организовано в семи субъектах Федерации: в Москве, Севастополе, Курской, Нижегородской, Ярославской, Мурманской и Ростовской областях [5, с. 103–111].

Порядка 2,3 миллиона москвичей воспользовались возможностью проголосовать на цифровом участке; в регионах явка избирателей на дистанционное электронное голосование сохранилась в интервале 5–10 процентов.

Можно сказать, что пандемия COVID-19 ускорила внедрение альтернативных механизмов выборного процесса, однако низкая по сравнению с Москвой региональная явка продиктована тем, что московский регион прибегнул к дистанционному электронному голосованию не впервые, и за это время доверие к новым избирательным процессам у москвичей существенно возросло. Кроме того, уровень цифровой урбанизации столицы значительно превосходит региональный, что также находит свое отражение в результатах дистанционного электронного голосования.

В нашей стране впервые дистанционное электронное голосование было успешно апробировано на выборах депутатов в Московскую городскую думу, затем 1 июля 2020 года общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации также было проведено с применением дистанционного электронного голосования в Москве и Нижегородской области. А 13 сентября 2020 года в единый день голосования Курская и Ярославская области присоединились к числу регионов-первопроходцев дистанционного электронного голосования.

* * *

В Москве дистанционное электронное голосование регламентировано специальным законом, тогда как на федеральном уровне его институциональное закрепление продолжается. В декабре 2021 года законопроект о единых правилах электронного голосования был внесен в Государственную Думу для рассмотрения. Предполагается, что принятие данного нормативно-правового акта позволит унифицировать правила и саму процедуру проведения выборов и на федеральном, и на региональном уровнях. На сегодняшний день работа по внедрению цифровых технологий в избирательный процесс продолжается [6, с. 74–80].

Осенью 2021 года, в единый день голосования, в Российской Федерации прошли выборные кампании различного уровня: выборы депутатов Государственной Думы VIII созыва, выборы глав 12 субъектов и выборы депутатов законодательных органов в 39 регионах страны.

Говоря о выборах депутатов Государственной Думы, отметим, что с момента старта кампании к выборам были допущены представители 14 политических партий. Порог в 5 процентов по итогам выборов преодолели 5 партий: «Единая Россия», «КПРФ», «ЛДПР», «Справедливая Россия — За правду» и «Новые люди». Их предвыборные программы включают в себя базовые идеологические принципы, которые они транслируют: это — образ желаемого будущего и способы решения актуальных проблем. Содержательный анализ предвыборных программ вышеупомянутых политических партий позволяет сделать вывод, что только 4 из 5 партий упоминали цифровизацию в своей предвыборной программной повестке.

В предвыборной программе политической партии «Новые люди» упоминание «цифровизации» встречается дважды: в первом случае в контексте

сферы образования и развития навыков цифровой коммуникации и обращения с современными медиа, во втором — в рамках завершения комплексной цифровизации вооруженных сил.

Политическая партия «КПРФ» в своей предвыборной программе «10 шагов к власти народа» в рамках описания второго шага, связанного с индустриализацией XXI века, предлагает «планово осуществить продуманную цифровизацию». Иных отсылок к тенденции цифровизации коммунисты не приводят.

«ЛДПР» в общем делает акцент на важности цифровизации экономики в масштабах страны: «провести цифровизацию всей экономики страны. Применять компьютерное прогнозирование экономики и социальных изменений...». Однако, детального описания инструментов, при помощи которых станет возможным провести данную цифровизацию, в партийных планах ЛДПР обнаружить не удалось.

По количеству упоминаний термина «цифровизация» в своей предвыборной программе политическая партия «Единая Россия», на долю которой приходится большинство мест в Государственной Думе по итогам выборов 2021 года, значительно превосходит все парламентские партии. Программа включает 21 предложение, напрямую связанное с процессом цифровизации, и содержит конкретные инициативы по двум направлениям: «благополучие людей» и «сильная Россия». Здесь в вопросах цифровизации прослеживается несколько основных стратегических идей: государство для человека (использование цифровых технологий для воздействия на взаимоотношения государства и граждан в положительном ключе), обеспечение экономического развития (развитие производства, внедрение цифровых и других технологий, создающих благоприятные условия для деловой инициативы). При этом акцент в программе делается на всестороннем развитии цифровых компетенций и внедрении цифровых технологий во многие сферы жизни общества для оптимизации процессов.

Анализ предвыборной программы социалистической политической партии «Справедливая Россия — За Правду» не выявил ни одной отсылки к процессам цифровизации и электронному правительству.

Заключение

Благодаря развитию инновационной системы электронного правительства и повсеместному внедрению информационно-коммуникационных технологий, для граждан и организаций России стало возможным своевременное и оперативное получение информации и необходимых государственных услуг. Развитием технологических средств и информационных платформ было продиктовано внедрение дистанционного электронного голосования, однако цифровое неравенство субъектов Российской Федерации ставит вопрос о возможности равного обеспечения избирательного права граждан.

Предвыборные программы партий, победивших на осенних выборах 2021 года, традиционно имеют социальный вектор, что же касается современных технологий, то необходимо подчеркнуть, что упор на цифровизацию процессов управления, оцифровку данных, развитие цифровых компетенций, выстраивание цифровых систем в большей степени осуществляет политическая партия «Единая Россия». По данному критерию можно сделать во многом очевидный вывод, что взятый курс на цифровизацию будет иметь продолжение в новых законодательных инициативах.

Планируемое принятие законопроекта о единых правилах электронного голосования, проведение содержательной разъяснительной работы по вопросам цифровой трансформации, знакомство избирателей с новыми формами избирательного процесса позволят пройти путь цифровой реформы безболезненно, адаптируясь к изменениям внешней среды и повышая не только доверие к политическим институтам государства, но и уровень гражданской активности.

Список литературы

1. Совещание по вопросам развития информационно-коммуникационных технологий и связи // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: kremlin.ru/events/president/news/63493 (дата обращения: 14.12.2021).
2. Минэкономразвития разработало методику оценки эффективности руководителей и органов власти регионов // Официальный сайт D-Russia [Электронный ресурс]. URL: d-russia.ru/minjekonomrazvitija-razrabotalo-metodiku-ocenki-jeffektivnosti-rukovoditelej-i-organov-vlasti-regionov.html (дата обращения: 03.04.2021).
3. Государственное регулирование в условиях COVID-19 // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: economy.gov.ru/material/file/a39ebe723e78cbe8d6c394c9/gos_v_usloviyah_covid19_v14 (дата обращения: 03.04.2021).
4. Бальнская Н.Р., Захарова Я.М. Цифровизация государственного управления в России // Экономика и политика. 2021. № 1.
5. Захарова В.И. Инновационный курс развития избирательного процесса в России в условиях цифровизации // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 4(22).
6. Федотова Н.Е., Степанова А.А. Дистанционное электронное голосование в Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 63–5.

К.С. СТРИГУНОВ
А.В. МАНОЙЛО
ГО ФЭНЛИ

ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕВЕНТИВНОЙ ДЕЛЕГИТИМИЗАЦИИ ВЫБОРОВ

Аннотация. В статье рассматриваются фейковые новости (фейки), механизм их распространения и угроза, которую они собой представляют. Также отдельно рассмотрена технология превентивной делегитимизации выборов, в которой используются фейковые новости. Раскрыт механизм деструктивного влияния на социально-политическую систему государства-мишени с помощью данной технологии. Приведены примеры использования подобной технологии в странах Латинской Америки (Боливии и Венесуэлы) и Белоруссии, вызывавшей социально-политическую дестабилизацию внутри этих государств. Дана оценка возможности применения фейков и указанной технологии для вмешательства в выборы в России. Приведена оценка эффективности принимаемых в России мер для противодействия указанным угрозам, а также даны рекомендации по увеличению их эффективности.

Ключевые слова: фейки, вбросы, антифейки, делегитимизация, выборы, оппозиция, манипуляции.

FAKE NEWS AND TECHNOLOGY OF PREVENTIVE DELEGITIMIZATION OF ELECTIONS

Abstracts. The article deals with fake news (fakes), the mechanism of their distribution and the threat they pose. The technology of preventive delegitimization of elections, which uses fake news, is also considered separately. The mechanism of destructive influence on the socio-political system of the target state with the help of this technology is revealed. Examples of the use of such technology in the countries of Latin America (Bolivia and Venezuela) and Belarus, which caused socio-political destabilization within these states, are given. An assessment is given of the possibility of using fakes and the specified technology to interfere

СТРИГУНОВ Константин Сергеевич — соискатель факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва

МАНОЙЛО Андрей Викторович — доктор политических наук, кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН, г. Москва

ГО Фэнли — аспирантка факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Китайская Народная Республика

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

in elections in Russia. An assessment of the effectiveness of measures taken in Russia to counter these threats is given, and recommendations are given to increase their effectiveness.

Keywords: *fakes, stuffing, anti-fakes, delegitimization, elections, opposition, manipulations.*

В настоящее время так называемые «фейки» («поддельные новости») получили статус одного из самых опасных явлений. Переломным моментом в их восприятии стала президентская избирательная кампания 2016 года в США, в ходе которой фейки, соединившись с так называемыми «вирусными» технологиями их распространения, едва не поставили точку в восходящей политической карьере Д. Трампа, вынужденного яростно отбиваться от атаковавших его разнообразных «фейк ньюс» (CNN и других). Высокая проникающая способность фейковых новостей, позволяющая практически мгновенно охватывать большие аудитории, овладевать сознанием людей и управлять им, заставили отнести фейковые новости в разряд «абсолютного оружия»: в 2016 году фейковые атаки вызывали только панику, никто не знал, как им противостоять; выверенных инструментов противодействия фейкам не было.

Фейки — это информационные вбросы, содержащие в себе специально подготовленные сведения провокационного и резонансного характера [1] (также определения фейкам давались в работах [2–4]). Цель фейковой новости — создание ажиотажа вокруг мнимого информационного повода. При этом сам фейк может содержать как заведомо ложную, так и истинную (проверяемую) информацию, вырванную из контекста конкретной беседы, разговора или выступления. Основной задачей фейковой новости становится перехват информационной повестки и замыкание ее на себя с тем, чтобы содержание фейка на некоторое время стало навязчивой идеей, подчиняющей себе сознание человека, подпавшего под влияние фейковой новости. В отдельных случаях фейковые новости также могут использоваться и для провоцирования паники, массовых беспорядков, дискредитации публичных политиков и общественных деятелей и тому подобного; в современных информационных операциях фейковые новости используются как один из очень узкоспециальных инструментов управления сознанием и поведением людей. В данной статье рассматриваются механизм распространения фейков и их роль в технологии превентивной делегитимизации выборов.

История фейков своими корнями уходит в далекое прошлое, поскольку обман и манипулирование существуют практически столько же, сколько существует человечество. Несмотря на изменения, происходящие в технологиях манипулятивного воздействия, можно с уверенностью выделить классические составляющие, которые сегодня характеризуют фейки. Это прежде всего:

– возможность направлять на один объект воздействия большого количества фейков, подготовленных разными авторами, опубликованных на раз-

личных информационных ресурсах, при этом сама процедура размещения может носить пролонгированный характер;

– фейки не спонтанны, они четко спланированы и координируются из единого центра управления;

– фейки просты в изготовлении; анализ значительного количества фейков показывает, что их авторы не затрудняют себя поиском фактологии, а пользуются одними и теми же информационными клише;

– как правило, в одном из фейков создается некий мем, который потом тиражируется и используется в виде «якоря» в последующих, призванных закрепить этот мем в подсознании мишени воздействия;

– передаваемая посредством фейков информация активно окрашивается в негативный эмоциональный фон в отношении объекта воздействия;

– каждая серия фейков имеет свою целевую группу и свои мишени воздействия.

Основными признаками фейка является специфическая форма подачи информации в виде особого эмоционального кода: призывов, посылов, лозунгов, апеллирующих не к разуму, а исключительно к сфере чувств и эмоций. Это, в свою очередь, обеспечивает срабатывание основного механизма распространения фейка — механизма «эмоционального заражения». Большинство фейков имеет вирусный характер и вбрасываются в расчете на то, что воспринявший их человек перейдет в крайне возбужденное состояние (под наплывом эмоций утратив контроль над реальностью) прежде, чем успеет эту информацию перепроверить через другие источники. Все вирусные фейки несут в себе иррациональный по своей природе эмоциональный заряд (эмоциональный код). По этому признаку фейки в основном и распознаются.

Механизм фейковых новостей и их влияния на сознание людей

Механизмы распространения фейковых новостей следующие: фейки, содержащие информацию заведомо провокационного характера, оказывающую сильное («взрывное») влияние на эмоциональную сферу граждан, распространяются в обществе так называемым «вирусным» способом, — благодаря эффекту «эмоционального заражения». Суть этого способа такова: человек, попавший под влияние фейковой новости, быстро доводится до высшей точки чувственного возбуждения, когда «фейк» вступает с психикой человека в эмоциональный резонанс, и в этот момент у него появляется жизненно важная потребность поделиться этой резонансной новостью со своими «контактами» из ближнего круга общения (родными, близкими, доверенными лицами и прочими), причем сделать это немедленно. Тем самым фейк получает в свое распоряжение личные каналы связи и коммуникации человека, «заразившегося» фейковой новостью, а сам человек

становится ретранслятором фейка на новые аудитории, «заражая» сначала свое ближайшее окружение (которое доверяет ему), а затем и дальний круг общения. *По сути, весь секрет эффективности фейковых новостей — это резонансный характер содержащейся в фейке информации плюс вирусный механизм его распространения.*

Обычно фейковая информация первоначально достигает более активных членов группы (чаще — лидеров), и только потом — менее активных членов группы. Таким образом, происходит фильтрация информации, своего рода элемент посредничества между материалами психологического воздействия и сложившимся мнением, принятием решений и, в конечном счете, поведением и действиями группы. Вот что подразумевается под двухступенчатым характером групповой коммуникации. Практика показала, что даже в случае, когда информация поступает непосредственно к рядовым членам группы, они, как правило, обращаются к лидерам группы за разъяснением, их мнением и т.п. Здесь также можно говорить о роли данных лидеров как своеобразного «фильтра» в ходе распространения информации в группе. Функция усиления означает, что мнение членов группы (и в первую очередь — ее лидеров) может усилить эффект психологического воздействия, если оно осуществляется с учетом интересов группы.

Противодействие фейковым новостям

Существует несколько способов (тактических схем) эффективного противодействия фейкам (включая фейки вирусного типа):

1. *Удар на упреждение (при наличии информации о готовящейся атаке).* Если информационная атака только готовится (и у органов власти есть информация об этом), то лучший способ — сделать так, чтобы она не началась, то есть, нанести удар на упреждение: сбить фокус внимания граждан с будущего информационного инцидента (повода), вокруг которого будет создаваться ажиотаж. Если перед самым началом атаки переключить внимание людей на другой резонансный повод (или сразу несколько поводов), атака так и не начнется.

2. *Перехват информационной повестки (при начавшейся атаке).* Начинается с немедленной публикации в СМИ и сетях официальной позиции компетентного органа власти, вносящего полную ясность в инцидент и не оставляющей пространства для инсинуаций; затем — регулярное динамичное насыщение информационного пространства сухими и проверяемыми цифрами и фактами.

3. *Внедрение собственной информационной повестки (при осуществлении перехвата повестки).* Если повестку удалось перехватить, то следующим шагом может стать внедрение в массовое сознание граждан собственной информационной повестки, задающей, в том числе и собственные правила информационной «игры».

В информационных операциях все три указанных выше метода используются комбинированно. Классическим примером такой операции, реализующий всю цепочку, — «удар на упреждение»; «перехват повестки»; «внедрение собственной повестки»; «управление информационной деятельностью противника» — являются так называемые «скрипальские чтения», организованные 3–4 марта 2019 года — в день годовщины инцидента в Солсбери.

Несмотря на все приведенные выше схемы, противодействие реальным фейкам — чрезвычайно сложная задача. Ее успех зависит, в первую очередь, от технологий перехвата информационной повестки и оперативной инициативы, которую использует обороняющаяся сторона.

Одна из таких технологий была разработана и затем опробована на практике на федеральном молодежном форуме «Дигория» в октябре 2020 года, выступившего в роли испытательного полигона, — в рамках так называемого «политико-коммуникационного трека» (направления подготовки политических обозревателей и ньюсмейкеров). Для решения данной задачи вся деятельность политико-коммуникационного трека была сфокусирована на профессиональной подготовке оперативных групп, способных распознавать, разоблачать и отражать фейковые новости (фейки) в режиме реального времени и неожиданных вводных. Сама же технология отражения фейков была отработана в режиме «стресс-теста» (то есть — неожиданных вводных).

При кажущейся примитивности фейки — это весьма острый и опасный инструмент воздействия. К ним нельзя относиться упрощенно, их не следует игнорировать. Своевременное осуществление операций, направленных на разоблачение не только отдельно взятых фейков, но и «сериалов», составленных из их значительного количества, — мера необходимая и требующая не только оперативности, но и привлечения к данной работе подготовленных специалистов. Важно также создание системы мониторинга информационного пространства для своевременного выявления фейков по заданным тематикам. Разоблачительные антифейковые материалы необходимо готовить и размещать на тех же информационных ресурсах в режиме онлайн.

Не менее важно отладить и систему мониторинга реагирования целевых групп, на которые было направлено воздействие с помощью фейков, на антифейковую кампанию для выявления ее недочетов и своевременного их исправления.

* * *

Остановимся кратко и на характеристике психологического воздействия, оказываемого, в том числе и фейками, чтобы показать механизмы влияния конкретных методов и приемов психологического воздействия как на отдельные личности, так и различные по размеру социумы.

Методы психологического воздействия — это определенные устойчивые типичные схемы целенаправленного построения, конструирования и ре-

ализации психологического воздействия во времени, соответствующие определяющим — мотивационным механизмам его воплощения, то есть рассчитанные на «запуск и эксплуатацию» этих механизмов. Существуют различные классификации методов воздействия. В качестве базовых можно выделить так называемые удовлетворяющие, депривирующие и модифицирующие методы, которые иерархически можно подразделить на частные методы и конкретные приемы воздействия.

Удовлетворяющий метод направлен на активизацию актом воздействия мотивационных механизмов психики объекта, приводящее к удовлетворению определенных его потребностей (психологический подкуп, импонирующее, завлечение, поощрение, лесть, поддержка объекта в чем-либо и другое).

Депривирующий метод рассчитан на депривацию (лишение возможностей удовлетворения, препятствование удовлетворению) определенных потребностей объекта (принуждение, угроза, шантаж, психологическое давление, наказание, садизм и другое).

Модифицирующий метод предполагает видоизменение и модификацию определенных потребностей объекта либо его мотивационной сферы в целом (опредмечивание и распредмечивание потребности, ее усиление или ослабление, актуализация или деактуализация потребности, ее сублимирование, а также порождение новой потребности).

Убеждение — разновидность и одновременно метод психологического воздействия, представляющий собой процесс логической аргументации субъектом воздействия каких-либо положений и приводящий объекта к вполне сознательному признанию их истинности и к согласию с ними; убеждение как способ психологического воздействия базируется на строгом использовании воздействующих правил и законов логики.

Внушение — разновидность и одновременно метод психологического воздействия, состоящий в осуществлении субъектом воздействия таких логически необоснованных и неаргументируемых высказываний или действий в отношении объекта, которые вызывают у него некритическое формирование уверенности в их истинности, а также не вполне осознанное подчинение его психики и поведения содержанию воздействия. В частности, человеку можно внушить какую-либо идею, мысль, способ поведения, направление деятельности, мотивационную установку и другое. Это процесс воздействия на психическую сферу человека, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, с отсутствием целенаправленного активного его понимания, развернутого логического анализа и оценки в соотношении с прошлым опытом и данным состоянием субъекта.

Различные способы вербального и невербального эмоционально окрашенного воздействия на человека с целью создания у него определенного состояния или побуждения к определенным действиям.

Технология превентивной делегитимизации выборов

Особенно широко фейковые новости применяются в новой технологии превентивной делегитимизации выборов [5]. Ее суть заключается в том, чтобы психологически подготовить значительную часть населения к акциям гражданского неповиновения и насилия против власти, в том числе полиции, и этим создать условия для государственного переворота. Выборы для этого используются неслучайно, так как в период их проведения социально-политическая система государства-мишени становится особенно уязвимой к внешнему деструктивному воздействию. Данная технология теснейшим образом связана с применением массированного потока фейков. Главная ее цель в том, чтобы звучали призывы не признавать выборы еще до их проведения. Такое наблюдалось в Бolivии, где подконтрольная США Организация американских государств сделала вброс о фальсификациях на президентских выборах 2019 года, чем спровоцировала волну насилия, где основную роль сыграли ультраправые радикалы и военные.

Итогом тех событий стало свержение Эво Моралеса [6, с. 87–112]. В Венесуэле контролируемая извне оппозиция заранее объявила, что не признает президентские выборы 2018 года, и в результате США и Запад в целом признали оппозиционера Хуана Гуайдо «президентом Венесуэлы» и запустили попытку государственного переворота, получившую название «венесуэльский прецедент» [7, с. 57–73]. В Белоруссии имели место массированные фейки про якобы «победу» оппозиционера Светланы Тихановской с «97%» голосов; для этого использовался подконтрольный спецслужбам Запада телеграм-канал «NEXTA».

Эти и другие избирательные кампании за рубежом продемонстрировали, что там сложилась практика попыток делегитимизации выборов контролируемой извне оппозицией. Чаще всего заявления оппозиционеров практически ничем не подкрепляются, а направляются прежде всего на разжигание недоверия к результатам голосования. Но этим дело не заканчивается. Данные политические силы ратуют за инициирование массового недовольства, организацию крупномасштабных протестных митингов, во время которых полицию злонамеренно провоцируют на применение силы в отношении нарушителей, а это, как водится, становится поводом для массовых беспорядков.

Иными словами, контролируемая из-за рубежа оппозиция своими заявлениями о нелегитимности выборов и всей избирательной системы создает у значительной части населения эффект ожидания, когда массы граждан уже готовы без всяких доказательств принять на веру любые заявления о непризнании выборов. Им уже не нужны никакие доводы, — они в это *верят*.

Здесь следует сделать некоторое пояснение. Дело в том, что сами по себе фейки, с помощью которых осуществляется технология превентивной деле-

гитимизации выборов, подавляют рациональную часть психики, апеллируя к импульсивно-эмоциональной сфере. Как следствие, зачастую у людей, подвергшихся воздействию фейковой новости, на время резко снижается рациональное ее восприятие и анализ, так как воздействие оказывается именно на эмоциональном уровне. Следовательно, содержащейся в фейке информации действительно верят, не подвергая ее критическому осмыслению и перепроверке. При отсутствии подобного подхода способность фейка распространяться радикально возрастает, поскольку сняты барьеры, препятствующие его распространению, или же их эффективность радикально снижается.

После того, как фейк проник в сознание человека и стал распространяться, подобно цепной реакции распада урана-235, он поражает («заражает») сознание других. Нередко группе лиц, которая может состоять из миллионов человек, не нужны какие-либо доказательства, поскольку у них рациональная часть сознания подавлена. Они в некотором роде представляют собой сетевую (или квазисетевую) псевдосекту. Оказавшиеся под воздействием фейковой новости люди начинают вести себя как члены тоталитарных сект. Известно, что организаторы последних используют целый ряд технологий манипуляции и гипноза, чтобы довести свою «паству» до нужного состояния и заставить ее членов делать то, что нужно лидеру (или лидерам) секты. Различие состоит в том, что обработка сектантов может занять относительно длительное время, а фейки в состоянии подчинить сознание человека в течение короткого времени, — буквально за минуты, а широко распространяться, — за считанные часы. И в этом состоит их опасность.

С учетом вышесказанного делегитимизаторы в состоянии с помощью фейков воздействовать на поведение части населения государства-мишени. После длительной индоктринации в выгодном для делегитимизаторов ключе, в том числе с помощью фейков, у определенной части населения действительно возникает эффект ожидания. Многие люди, особенно из числа наиболее мобильной и пассионарной части граждан — молодежи, уже подготовлены к тому, чтобы признать выборы сфальсифицированными, нелегитимными и тому подобное. Для этого им необходим повод, который как раз и может быть создан с помощью одного или серии особо резонансных фейков. Например, сразу после выборов оппозиция при мощной внешней политико-информационной поддержке объявляет их итоги недействительными и этим создает триггерный эффект, схожий с использованием оружия: цель выбрана, предохранитель выключен, курок взведен. Остается финальное действие: нажать на спусковой крючок. Оружием в данном случае являются людские массы, спусковым крючком — фейковые заявления о фальсификациях и манипуляциях на выборах и призыв не признавать их с последующей активацией противодействия властям. Схема отработана и обкатана.

* * *

В отношении России также применяется технология превентивной делегитимизации выборов при помощи фейков. Отметим, что на базе федерального антифейкового проекта «Вбросам.нет» с ноября 2020 года осуществляется оперативное выявление и препарирование подобного рода фейков касательно выборов в Государственную Думу 19 сентября 2021 года, а также фейков с прицелом на выборы Президента России 2024 года. В рамках реализации данного проекта фиксируется масса фейковых новостей из разных стран мира (США, Великобритания, Германия, Франция, Швеция, Чехия и прочие), направленных на дискредитацию российской политической системы и используемых в качестве повода для призывов не признавать выборы в России, чем провоцируется недовольство части населения внутри нее.

Также распространителями фейков являются СМИ и юридические лица, признанные в России иностранными агентами. Эти структуры часто напрямую или через разные схемы финансируются из-за рубежа и осуществляют откровенно антигосударственную и подрывную деятельность. Особое внимание они акцентируют на делегитимизации выборов и всей избирательной системы России.

Разумеется, этим формально независимым неправительственным или некоммерческим организациям в реальности нет никакого дела до объективности или исправления положения дел в России ради ее же блага, поскольку в действительности они преследуют свои личные интересы (чаще всего ради денег), формируя повестку, которую требуют зарубежные кураторы. Поскольку внешние силы (ведомства, в первую очередь, спецслужбы иностранных государств, которые и стоят за деятельностью обсуждаемых организаций-иноагентов внутри России) преследуют собственные интересы, априори направленные против интересов России — хотя бы потому, что они пытаются влиять на внутривнутриполитические процессы, — нет никаких сомнений во вредоносном антироссийском характере деятельности их «протеже».

Часть этих лиц и структур могут быть использованы внешними силами «втемную», то есть без их ведома. В таком случае они могут не осознавать собственную управляемость и не понимать, что своими действиями наносят ущерб интересам России. Следовательно, нейтрализация деструктивной, подрывной деятельности подобных организаций является важной задачей в интересах обеспечения национальной безопасности России. Организации-иноагенты, будучи проводниками интересов внешних акторов, политика которых направлена против России, на дестабилизацию и дезорганизацию властно-институциональной системы российского государства, под любыми благовидными предлогами занимаются подрывной деятельностью. Активность подобных структур на территории России есть не более чем «дымовая завеса», предназначенная камуфлировать подлинные замыслы и действия их кураторов.

Возможные меры по противодействию попыткам деструктивного влияния

Для эффективного противодействия фейкам необходимо создание системы (организации), способной отражать фейковые новости в соответствии с нижеприведенными условиями.

1. Отражение фейков нужно проводить с максимальной скоростью. Если применяются так называемые антифейки — те же вбросы с резонансным содержанием, то скорость отражения фейка является одним из важнейших условий, без которого эффективное противодействие данному типу угроз невозможно. В нашей стране сложилась негативная практика, когда всякого рода фейковую новость, приводящую к ажиотажу, пытаются отразить чиновники (например, официальные представители того или иного ведомства), но делают это со значительным опозданием — через сутки и больше, то есть тогда, когда в этом уже нет особого смысла. Люди, попавшие под воздействие фейка, нуждаются в его опровержении или, напротив, подтверждении в течение первых нескольких часов. Если сразу после запуска фейка ей нет информационной альтернативы, то люди, оказавшиеся под его воздействием, воспринимают фейковую новость в качестве истины. Все что произойдет позже (чиновничьи опровержения спустя сутки и более), не имеет значения, поскольку эффект уже оказан. Более того, если фейк приводит к триггерному эффекту, с которого начинается дестабилизация (беспорядки, насилие), то запоздалые опровержения часто работают на агрессора, так как психологическая инерция тех, кто выйдет на улицы, наберет ход и опровержения с высокой вероятностью сработают против власти.

2. Второе (не по значению) условие состоит в том, чтобы антифейк создавал встречную резонансную волну, сопоставимую по своей мощности с самим фейком, иначе созданный антифейком резонанс окажется недостаточно существенным, чтобы перехватить информационную повестку.

3. Третьим критически важным условием является правильно выбранная целевая группа, на которую должен быть направлен антифейк. Необходимо, чтобы данная целевая группа совпадала с группой, на которую направлен фейк (или серия фейков). Такой группой может быть молодежь (особенно городская — из столицы или городов-миллионников), которая, как правило, наиболее активна, пассионарна и мобильна; ее легче вывести на улицы, а ее протестный потенциал проще канализировать против власти. Если антифейк направлен не на целевую группу (группы), а, например, на провластную аудиторию среднего и пожилого возраста, тогда коэффициент полезного действия антифейка радикально снизится и он окажется бесполезным.

4. Еще одно важное условие — содержание антифейка. Если оно выбрано неправильно, то существует риск усилить фейк, вместо того, чтобы перехватить повестку в информационном поле и погасить резонансную волну, вызванную фейком. В таком случае воздействие антифейка будет в лучшем случае неэффективным, а в худшем — контрпродуктивным.

Данный тип контрфейковых операций мы называем операциями симметрично-реактивного типа. Симметричные, так как для противодействия фейкам используется тот же тип вброса, но с положительной задачей для обороняющейся стороны. Реактивные, потому что объект-мишень фейка действует в обороняющемся режиме, реагируя на действия агрессора. Однако для этого требуется специальная гибкая и адаптивная структура, не нуждающаяся в согласовании со множеством вышестоящих инстанций для реагирования на ту или иную обсуждаемую в данной работе угрозу. Наконец, существует возможность и для осуществления проактивных (наступательных) операций симметричного (с помощью фейков) или ассимметричного типа, но обсуждение данной темы выходит далеко за рамки настоящей работы.

Заключение

В настоящее время предпринимаемых в России мер для противодействия информационным операциям, актам и фейкам недостаточно. Существует критическая необходимость создания эффективной системы (комплекса) для противодействия вбросам, информационным атакам и информационным операциям, частью которых могут являться фейковые новости. Отметим, что противники России овладели технологиями внедрения фейковых новостей на высоком уровне, но и они сами для фейковых атак достаточно уязвимы. То есть, противник также подвержен влиянию фейков, и это можно и нужно использовать в деле обеспечения национальной безопасности России в информационной сфере. Однако для эффективного выполнения данной задачи требуется создание адекватной обсуждаемому типу угроз организации, неотягощенной недостатками существующих ведомств. Несомненно, Россия обладает соответствующим интеллектуальным потенциалом для решения данной задачи, специалистами и наработанными технологиями; вопрос в наличии политической воли для создания адекватной и эффективной системы защиты от фейков и других форм информационной войны.

Список литературы

1. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. — Горячая линия — Телеком Москва, 2020. 378 с.
2. Pennycook, Gordon and Cannon, Tyrone and Rand, David G. Prior Exposure Increases Perceived Accuracy of Fake News (May 3, 2018). Pennycook, G., Cannon, T. D., & Rand, D. G. (2018). Prior exposure increases perceived accuracy of fake news. *Journal of Experimental Psychology: General*, 147(12), 1865–1880. DOI: 10.1037/xge0000465. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2958246> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2958246> (дата обращения: 01.08.2021).
3. Verstraete, Mark and Bambauer, Derek E. and YakowitzBambauer, Jane R. Identifying and Countering Fake News (August 1, 2017). *Arizona Legal Studies Dis-*

- cussion Paper No. 17–15. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3007971> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3007971> (дата обращения: 01.08.2021).
4. Drexl Josef. Economic Efficiency versus Democracy: On the Potential Role of Competition Policy in Regulating Digital Markets in Times of Post-Truth Politics (December 6, 2016). Forthcoming, Damien Gerard and Ioannis Lianos (eds.), *Competition Policy: Between Equity and Efficiency*, Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
 5. Манойло А.В., Стригунов К.С. Доклад «Делегитимизация выборов» // Известия [Электронный ресурс]. 2020. 14 декабря. URL: <https://unity.iz.ru/Novye%20technologii%20organizacii%20gosperevorotov%20v%20raznyh%20stranah.pdf> (дата обращения: 20.08.2021).
 6. Стригунов К.С., Манойло А.В., Безвербный В.А. Фейки, вбросы, государственные перевороты и демографические войны. М.: Горячая линия-Телеком, 2021. 408 с.
 7. Стригунов К.С., Манойло А.В. Кризис в Венесуэле и раскол внутри чавистского руководства // Вестник МГОУ (Электронный журнал). 2019. № 4.

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОГО ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

***Аннотация.** Статья представляет собой вклад в банк политического анализа некоторых проблем современной политической действительности и современного политического знания. Выделяются риски актуального геополитического фона научно-политической рефлексии; рассматриваются возможности объективной политологической методологии в отношении новаций международной повестки; прослеживается формирование блиц-фактологической экспресс-политологии. Осуществляется политическая аналитика в отношении государственно-гражданского консенсуса в его возможном новом институировании, в новых техниках и технологиях в целом и применительно к современной России. Выделяются проблемы, противоречия и диссонансы отношений власти и граждан, обосновываются детерминанты лояльности российского общества своему государству в пределах вертикализации власти и сужения публичной политики. Делаются предложения по достижению позитивного содержания государственно-гражданского консенсуса, основанного на функциональной социальности, политической легитимности и справедливости власти на позитивно-гуманистическом содержании гражданского патриотизма как платформы не только государственного, но и гражданского суверенитета.*

***Ключевые слова:** глобальный геополитический поворот, новая конструкция суверенитета, парадигмальная стройность политического знания, экспресс-политология, государственно-гражданский консенсус, консервативно-охранительная патронажная доктрина, рекрутинг гражданского общества, публичная политика, общественный компромисс.*

PROBLEMATIZATION OF STATE-CIVIL DIALOGUE IN THE CONTEXT OF A GEOPOLITICAL TURN

***Abstract.** The article is a contribution to the bank of political analysis of some problems of modern political reality and modern political knowledge. The risks of the current geopolitical background of scientific and political reflection are highlighted; the possibilities of an objective political science methodology in relation to the innovations of the international agenda are considered; the formation of a blitz-factual express political science is traced. Political analysis is carried out in relation to the state-civil consensus in its possible new*

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна — кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент, директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, ФГБОУ ВО «Пятигорского государственного университета», г. Пятигорск

institutionalization, new techniques and technologies in general and in relation to modern Russia. The problems, contradictions and dissonances of the relations between the authorities and citizens are highlighted, the determinants of the loyalty of the Russian society to the Russian state within the limits of the verticalization of power and the narrowing of public policy are substantiated. Proposals are made to achieve a positive content of the state-civil consensus based on functional sociality, political legitimacy, justice of power; on the positive humanistic content of civic patriotism as a platform not only of state, but also of civil sovereignty.

Keywords: *global geopolitical turn, new construction of sovereignty, paradigmatic harmony of political knowledge, express political science, public-civil consensus, conservative-protective patronage doctrine, recruiting of civil society, public policy, public compromise.*

Актуальный геополитический фон осуществления политической рефлексии

Современный политический мир демонстрирует весьма симптоматичный процесс — кризис демократии как идейно-политической доктрины, как политической системы и как государственного устройства в отношении гарантий прав человека и гражданина [1, с. 163–173]. Сам принцип гражданских прав и общечеловеческих приоритетов в XXI веке многократно трансформирован в угоду интересам транснациональных союзов, международного олигархата, террористических псевдогосударств, коррупционно-криминальных корпораций.

Накапливающиеся долгое время противоречия глобального характера вылились в далеко пролонгирующиеся потрясения. Второе десятилетие XXI века отмечено кризисом экономической, социальной, политической, нравственно-ценностной систем, в том числе демократического либерализма и либерального демократизма [2, с. 7–23]. Начался *глобальный геополитический поворот*, который обладает экономическими, социальными, политическими, а также и ценностно-этическими составляющими.

Предположим, что «увертюра» этого поворота состоялась в 90-е годы XX века с перестройкой в Советском Союзе и внедрением «нового мышления для нас и для всего мира», с распадом СССР и развалом системы социалистических государств [3]. Последствия реформ оказались не вполне предсказуемыми для инициаторов и идейных вдохновителей переустройства миропорядка. Стратегическое поведение стран и альянсов продемонстрировало не только всеобъемлющее стремление к демократическим приоритетам, символизированное разрушением Берлинской стены, но и геополитическое увлечение горизонтами нового господства, вопреки здравому смыслу и чувству экономического, политического, культурного самосохранения. Сами краеугольные камни демократии — подчинение меньшинства большинству, электоральность, многопартийность, разделение властей, активизм гражданского общества — обнаружили слабость в эпоху глобализма,

популизма, корпоративизма, консюмеризма, технократизма и другого [4]. Рациональный выбор в политике, как и добровольный, осознанный, неконъюнктурный выбор власти и персоналий власти во многом преобразованы в политехнологические процессуально-заказные конструкты [5]. При этом демократические принципы и нормы не оградили человечество от распространения недемократических мер — дискриминации, давления, утрашения, применения силы, в том числе и военной [6].

В течение последних лет геополитический фон государственно-гражданского договора как базового института диалога власти и граждан обострен тенденциями и закономерностями рискованной коннотации. Среди них: образование террористического псевдогосударства ИГИЛ (запрещено в Российской Федерации как террористическая организация), концентрация «черного расизма — расизма наоборот» в США, военная операция в Ираке, конфликт с элементами гражданской войны в Сирии, реформирование радикальных сил в Афганистане, военные действия в Нагорном Карабахе, обострение армяно-азербайджанских отношений, попытки дестабилизации политических режимов в Белоруссии, Казахстане, Турции, а также экстремистские инциденты и акты немотивированного насилия.

Повсеместно наблюдаются провалы европейской и мировой дипломатии и отказ от устоявшихся моделей международных отношений [7, с. 17–30]. Стадиально реконструированы Договор об открытом небе (ДОН), Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Парижское соглашение по климату, Факультативный протокол об обязательном разрешении споров в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года и другое. Пессимистической иллюстрацией несостоятельности европейской дипломатии стало неисполнение Минских соглашений по Луганской и Донецкой народным республикам, перспективную повестку которых предлагала Российская Федерация при очевидном нарастании националистического режима на Украине [8].

Начиная с 2010-х годов ощутимо аккумулируется международная напряженность, дезавуируются прежние договоренности и альянсы, усиливается поляризация мировых политических центров. Среди них прежде всего США наращивают свои активы, открыто узурпируют роль «сияющего града на холме», стремясь редуцировать роль России до масштаба региональной державы [9, с. 145–158]. Структурные противоречия и взаимные претензии в ЕС, распри европейской и заокеанской элит, мировая пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-2019 заметно снизили значение договоренностей между властью и обществом.

В то же время Россия, отстаивая свои интересы и формируя новую конструкцию государственного экономического, политического, культурного суверенитета, добивается высокого уровня национальной безопасности

[10, с. 11–33]. Она предлагает миру программу геополитического равновесия, полицентричного порядка и равноправия государств и наций, справедливого распределения ресурсов. Новое качество геополитического влияния России убедительно выразилось в борьбе с международными террористическими соединениями, признании независимости Южной Осетии, Абхазии, Крыма и в последующем принятии республики в состав федеративного государства, в поддержке Луганской и Донецкой народных республик.

2022 год стал во многом рубежным, во-первых, в позиционировании Российской Федерации в отношении с коллективным Западом и США, во-вторых, в формировании базовых основ нового миропонимания и миростроительства на основе «стратегического сдерживания по Путину» [11]. Признание Россией независимости Донецкой и Луганской народных республик, специальная военная операция по освобождению населения Донбасса и по демилитаризации и денацификации Украины имеют как близкие, так и дальние функциональные и структурно-содержательные цели [12].

Применение к России геополитического изоляционизма, «культуры отмены», организационное и информационное третирование русского мира, русскости и российскости вызвало разнонаправленные реакции. Прежде всего, волевые решения Президента Российской Федерации определили консолидацию наших граждан вокруг главы государства, патриотический подъем на основе традиционной для российского общества оборонной патриотической идеи, а также готовность к самоограничениям и снижениям набора потребностей в условиях санкций. В то же время в обществе присутствует и определенная настороженность в отношении личностных и групповых экономических и социальных перспектив, неуверенность в жизнеобразующей стабильности, настроения сожаления и сочувствия в связи с гибелью российских военнослужащих и гражданского населения Донбасса, которое в течение долгого времени подвергалось дискриминации со стороны официального Киева.

Современные геополитические феномены и институты, а также новации российского общественно-политического процесса заслуживают комплексного политического анализа.

Текущая проблематичность возможностей политической науки

Масштабные коллизии и риски современного политического времени и политического пространства привели к тому, что политическая наука оказалась далеко не всегда готова к объяснению происходящих процессов и, тем более, к прогнозированию политического будущего, как отдельных государств и наций, так и общепланетарного будущего человечества [13, с. 60–88; 13, с. 3–71].

Перечисленные выше инциденты имеют в первом политико-аналитическом рассмотрении объективные детерминанты и воплощают собой ординарную логику отношений государства и граждан. Во втором рассмотрении становится ясно, что названные сюжеты и тенденции сужают демократические предпосылки правового государства, в котором централизация власти редуцирует поле публичной политики, дисциплинирует гражданское общество и все более замещает «политику граждан» политикой правящего политико-экономического класса [13, с. 135–147].

Мировая мультипликация внутри- и межгосударственных процессов настолько разноречива, что под сомнение ставятся основополагающие стержни государственно-гражданского консенсуса. Политический анализ свидетельствует, что проекции консерватизма и модернизации, революционности и реформизма, традиционализма и либерализма, «правизны» и «левизны», персонификации власти и самосуверенизации гражданского элемента не только открыто оппонируют друг другу, но и скрыто перемещаются, взаимопроникают и замещают друг друга в программном и деятельностном выражениях.

В этих условиях закономерным сомнениям могут быть подвергнуты *парадигмальная определенность и методологическая стройность политического знания*. Сегодня далеко не всегда реализуемы такие привычные теоретико-когнитивные объяснительные и учебно-методические приемы политической науки, как понимание политической современности на основе исторической реконструкции и прецедентной каузальности; изучение политических действий в рамках политических структур и сетей; обоснование политического разнообразия межпроблемностью и кроссдисциплинарностью; интерпретации партийно-политического геноза с помощью инструментария стратно-классового детерминизма и сущностно-функционального инструментария и другое.

Явный кризис терпит как «аристотелевская», так «арендтовская» парадигма политологии как интерпретационного, прогностического, проектного знания [15]. Политическая наука в ее академическом выражении в некоторой степени утратила свою восприимчивость и замедлила фундаментальную аналитическую рефлексию вопреки распространенному убеждению в том, что *чем более противоречива и конфликтна политическая действительность, тем более рельефны ресурсы приращения политического знания*. Однако, по нашему мнению, острые политические и геополитические сюжеты катализируют не столько политическую науку в ее теоретико-методологическом выражении, сколько политическое комментирование, политический информационно-журналистский, колумнистский контент, а также политическое блоггерство и политико-сетевую коммуникативистику [16].

Мы наблюдаем повсеместную *политическую блиц-аналитику, ТВ-политэкспертизу*, которые демонстрируют широкий содержательный

и оценочный дифферент. В этом смысле комментаторы, колумнисты, журналисты, корреспонденты, блогеры, держатели социальных интернет-страниц в ускоренном темпе составили новейшее экспертное сообщество, новейшую корпорацию лидеров общественного мнения (ЛОМ), референтных лиц, которые воздействуют на формирование коллективных ориентиров. В то же время радиостанции, ток-шоу, социальные сети и блоги стали аренами политической и военно-политической экспертизы, которая имеет ситуационное, реагирующее и часто поверхностное содержание.

Процессы последних лет как широкий ряд политико-интерпретируемых проблемных планов-перспектив (управленческих, территориальных, суверенитетных, этнических, конфессиональных, ценностных и иных) существенно подтолкнули оформление *фронтирно-фактологической экспресс-политологии*. В известном смысле, как это не сомнительно, она претендует на роль новейшей «доказательной политики и политики доказательств» [17, с. 60–81]. Ее типичными симптомами стали широкий круг заинтересованных компетентных и псевдокомпетентных акторов; распространенный спектр мнений и позиций; целевое акцентирование «истинной позиции»; категоричность суждений и использование негативных ярлыков; частое применение «обвинительных аргументов»; взаимное идейно-мировоззренческое недоверие, высокий эмоционально-экспрессивный накал.

В то же время в реализации экспресс-политологического интереса есть несомненные смыслы. Форматные и неформатные дискурсивные политические пространства продуцируют множество магистральных и сопутствующих политико-сущностных, политико-структурных, политико-институциональных и политико-технологических проблем, которые требуют осознания. Думается, что категориальные освоения многих приведенных ранее событий и тенденций состоятся в горизонтах политического знания в диалектическом научном алгоритме, который предусматривает не только доказательно-констатирующие, но и проектно-прогнозные аспекты.

Воссозданная выше картина современного геополитического пространства далеко не полна, однако и даже в таком схематичном виде она демонстрирует очевидные трудности гносеологических и онтологических интерпретаций политической действительности. В то же время политология, как отечественная, так и западная, продолжает выполнять свой функционал по осмыслению текущих вызовов. Здесь отметим, что многие диссонансы современной политологии детерминированы нарастающими противоречиями самого политического ряда, что в определенной мере мы относим и к современной российской политической науке, и к современной российской общественно-политической действительности в сегменте государственно-гражданского диалога.

Противоречивая диалектика государственно-гражданского диалога

Сегодня отношения государства и общества, как политико-институтированные, так и политико-интуитивные, отягощены геополитическими реалиями, которые существенно трансформируют сложившиеся легитимные схемы отношений государства и граждан. Действительность в силу многих обстоятельств и факторов предъявляет новые требования к субъективированию государства и общества в достижении и применении государственно-гражданского консенсуса.

Не претендуя на понятийно-точную проблематизацию государственно-гражданского диалога, отметим отдельные обстоятельства, которые непосредственно и опосредованно воздействуют на его принципы, структуру, формы, а именно:

- образование новых межгосударственных альянсов, использующих друг против друга не только традиционное военно-политическое давление, угрозы применения оружия и его применение, но и глобальные экономические санкции и «культуру отмены», практики изоляции и остракизма;

- формирование новой «социальности войны», характер которой является не справедливо-освободительным, а политико-экспансионистским в силу императивно-категоричного навязывания государствам и народам «единственно верных путей развития» и конструирования однополярного мира с единым, якобы безусловным и безапелляционным центром силы и притяжения;

- преобразование этнополитических концепций как национально-освободительных в ксенофобные националистически-политические доктрины, разделяющие общество на более и менее правых по признаку расовой, этнической и религиозной идентичности;

- использование в государственных стратегиях и тактических технологиях управления дискриминационных мер в отношении целых наций и государств, которые якобы не могут быть включены в современный политико-структурированный паттерн на равных основаниях с «цивилизованными» субъектами;

- самоактуализация власти в пирамидальной вертикализации на основе оборонного или наступательного патриотизма для сохранения государственного идейно-идеологического суверенитета от враждебного внешнего воздействия чуждых политических идеологий и политических культур;

- усилия государства по переводу гражданских институтов на рельсы государственно-ориентированной клиентеллы, сужение публичной политики, форматирование гражданского активизма сверху;

- умножение бюрократического класса с расширением его приоритетов и выведением чиновников и олигархата из-под контроля общества на фоне

разобращения гражданских сил по идейно-мировоззренческим принципам, что мотивирует государство к усилению полицейско-репрессивных мер;

– использование в широком провокационно-информационном разрезе вульгарной дезавуации истории и героев прошлого в развитие войн истории и войн памяти при конъюнктурных фальсификациях исторических событий;

– примитивизация идентификационных образов наций, народов, сообществ, которым навязываются упрощенные нормативы масскульта, экстремизма, радикализма, агрессии, жестокости, стимпанка, клипового мышления и дипфейкового продукта.

Характерные свойства современного российского государственно-гражданского консенсуса

Современное состояние отношений внутри российского общества находится под воздействием мощных триггеров. Среди них выделяются внешнеполитическое давление и масштабные санкции, которые наносят существенный урон экономике, финансовой системе, социальной инфраструктуре, в целом состоянию общества и Российского государства. Ухудшение уровня жизни, падение роста производства, снижение предпринимательской активности, рост безработицы, снижение покупательной способности на фоне девальвации национальной валюты и инфляции могут стать факторами возможной дестабилизации по таким линиям, как отношения власти с обществом и взаимосвязи общественных групп между собой [18, с. 9–16].

В то же время интенсивными факторами упрочения отношений государства и граждан выступают решения Президента Российской Федерации как национального лидера, определяющего стратегию и тактику упрочения суверенитета страны. Независимая позиция главы государства находит поддержку большинства граждан, которые реанимируют в своем сознании славные и впечатляющие победы и свершения прошлого.

События последних лет и прежде всего 2022 года сдвинули инерционное политическое сознание россиян, предложив им вывести на авансцену общественного, группового и даже семейно-родственного дискурса проблему поддержки политической системы, политического режима, политической воли главы государства. Участие в гражданской детерминации государства и делегирование политическому классу интересов осуществляется гражданами по известной схеме «*Exit, Voice, and Loyalty*» («*выход — голос — лояльность*») [19]. Примеряя ее к содержанию государственно-гражданского консенсуса, стоит выделить характерологические свойства: собственно российские основания лояльности и верности граждан государству. Они заложены в русской идее, в российском коллективизме и коммунализме, в равнодушии большинства граждан к политической и экономической

автаркии и правовой автономии, а также к сегментированному социальному самоопределению. Россияне осуществляют гражданское позиционирование прежде всего в контексте исторической и мифологической реконструкции, в обращении к образам и следовании ритуалам [20, с. 73–83], по большей части, — военно-героическим и государственно-ориентированным, что всячески поддерживается и стимулируется властью.

Государственно-гражданский консенсус государства и общества в России имеет традиционно-консервативные императивы, которые разделяются и властью, и населением. Именно традиционалистская консервативно-охранительная патронажная доктрина государства имеет признание у большинства граждан, вопреки непопулярной для них социальной конкуренции и непривлекательной политической модернизации.

Достижение и динамичное развитие государственно-гражданского консенсуса планируется политической элитой страны через реструктуризацию управления, развитие экономики и производства; посредством оптимизации отношений собственности, а также отношений государства и разных групп населения — государственных служащих, пенсионеров, бюджетников, предпринимателей, бизнесменов, лидеров партий, общественных активистов, этнических и конфессиональных лидеров.

Сегодня на повестку дня выходят такие свойства государственно-гражданского консенсуса, как достоверность, результативность, соответствие меняющимся характеристикам и потребностям общества; добровольность структурирования со стороны общества вопреки административно-бюрократическим методам его выстраивания со стороны власти.

В то же время подчеркнем, что дефицитным свойством государственно-гражданского консенсуса является, на наш взгляд, *категориальное, институтированное и персонифицированное доверие граждан власти*. Доверие государству и его институтам, субъектам и акторам — важнейший политический капитал [21, с. 7–24]. Он не может механически воспроизводиться и должен быть продуктом встречного движения государства и общества. Однако именно государство в силу его предназначения, переданных полномочий и имеющихся ресурсов призвано заслужить доверие граждан, делегировавших ему организацию жизни, обеспечение безопасности, упрочение стабильности и так далее.

Некоторые обобщения и возможные предложения

В качестве резюмирующих соображений отметим, что обновление свойств государственно-гражданского договора в его российско-культурной, российско-социальной интерпретации может быть успешным при максимальной гуманизации отношений бюрократии и населения. Налицо особая потребность в *очеловечивании административно-управленческих техноло-*

гий, ликвидации конфликтогенного зазора между властью и гражданами, принесении в политико-управленческие техники и технологии морали, нравственности.

Российскому государству и российскому обществу в поиске широкого консенсуса требуются взаимные достоверные политические принципы и взаимовыгодные транспарентные политические технологии. Они могут служить достижению *нового релевантного для России государственно-гражданского консенсуса* не негативного, а позитивного содержания.

Среди таких технологий предложим:

- поддержание со стороны граждан лояльности государству и главе государства не на основе электорального равнодушия и исторической сервильной верности суверену (царю, императору, генеральному секретарю), а на основе функциональной социальности и политической легитимности власти;

- популяризацию социально-позитивного гуманистического содержания гражданского патриотизма как платформу не только государственного, но и гражданского суверенитета, имеющего ресурс профилактирования радикально-агрессивных идей и социальных девиаций;

- формирование гражданской солидарности при обеспечении социального прогресса и формулировании привлекательного и внятного образа будущего российской гражданской нации и государства;

- наполнение стратегий и тактик политики, управления, администрирования социальным содержанием при нейтрализации коррупционно-криминальных «держателей и исполнителей власти» — чиновников, слившихся с бизнес-кругами;

- применение государственными структурами широких общественных компромиссов и согласований позиций разных групп населения (в том числе и оппозиционных) на базе объяснимых целей и прозрачных задач развития;

- создание благоприятных условий для повышения качества жизни и бизнес- и предпринимательских инициатив, организация социальных лифтов, вовлечение населения в общественно-значимые и общественно-полезные проекты;

- обновление форм государственно-гражданского, государственно-частного партнерства, сохранение муниципальной демократии, ротация и рекрутинг гражданского общества, расширение практик государственного заказа и муниципального гранта, поддержка социально-ответственного бизнеса и социально-ответственных общественных объединений;

- приближение партийно-политических программ к реальным интересам граждан при обновлении и дебюрократизации партийных элит и вовлечении их в подлинную конкуренцию за социальную базу;

- нейтрализация современных видов ксенофобии, национализма при максимальном учете этнокультурных, этноязыковых, этносоциальных,

этнополитических интересов граждан в общем тренде упрочения российской гражданской идентичности не только как эмоционального историко-символического, но и как рационально-правового и политического функционального комплекса.

Список литературы

1. Маунк Ю. «Демократия в обороне. Повернуть вспять авторитарную волну». *Foreign Affairs*, 2021. vol. 100, № 2.
2. Икенберри Г. Джон. Конец либерального международного порядка? // *Международные отношения*. 2018. Вып. 1. Т. 94.
3. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М.: Изд-во «Политическая литература». 1987. 272 с.
4. Мандельбаум М. Корни современной демократии // *Kontinent Media Group* [Электронный ресурс]. URL: http://www.kontinent.org/article_rus_48efdde361a8f.html (дата обращения: 28.04.2022).
5. Ван Рейбрук Давид. Против выборов. Пер. Бассина И., Торицына Е. Издательство Ад Маргинем Пресс, 2018. 200 с.
6. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «Демократического мира» // *Международные процессы* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/nineth/003.htm> (дата обращения: 20.04.2022).
7. Дегтерев Д., Истомина И. Системное моделирование международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. Т. 59. № 11.
8. Путин предложил план по стабилизации ситуации на Украине // *Взгляд. Деловая газета*. 2014. 3 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2014/9/3/703814.html> (дата обращения: 17.04.2022).
9. Грэм Т. Россия и США на мировой сцене. Часть II. Идеологический и геополитический путь к непреходящему соперничеству // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 2.
10. Осавелюк Е.А. Национальная безопасность России: сравнительный анализ, понятия, определения и тенденции // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2022. № 1(23).
11. Путин заявил о непростой международной ситуации. Путин: международная ситуация складывается непросто, активность НАТО опасна. РИА новости. 23.02.2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220223/situatsiya-1774470274.html> (дата обращения: 27.04.2022).
12. Никонов: признание ДНР и ЛНР повлечет за собой комплекс межгосударственных соглашений // ТАСС. 21 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/politika/13789219?utm_source=ru.wikipedia.org&utm_medium=referral&utm_campaign=ru.wikipedia.org&utm_referrer=ru.wikipedia.org (дата обращения: 27.04.2022).
13. Андрущенко М.А., Якубин А.Л. Политическое время: микро-, мезо- и макроуровни // *Политическая наука*. 2009. № 1; Чихарев И.А. Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных исследованиях // *Политическая наука*. 2009. № 1.

14. Соловьев А.И. Власть и политика. Poleмические заметки по поводу «проклятых» вопросов политической теории // Полис. Политические исследования. 2020. Т. 29. № 6.
15. Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филишова. М.: Политическая энциклопедия. 2019. 319 с.
16. Итоги Первого Московского политологического форума в Президентской академии совместно с РАПН и АПН «Политическая наука сегодня: междисциплинарные подходы». Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва. 15–16 апреля 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rapn.ru/in.php?part=5&gr=69&d=6199> (дата обращения: 30.04.2022).
17. Соловьев А.И. «Доказательная политика» и «политика доказательств» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5.
18. Дудин М.Н. Протестные настроения и уровень жизни населения России: краткий эмпирический анализ // Власть. 2022. Т. 30 № 1.
19. Хиршман Альберт О. Выход, голос и лояльность: реакция на упадок фирм, организаций и государств. Новое издательство. 2009. 156 с.
20. Семенов Е.Е. Политическая публичная сфера: пространство ритуала // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2(20).
21. Ковалевская Д.Д. Уровень доверия граждан к институтам государственной власти как фактор устойчивости политического режима в России // Власть. 2021. № 4(42).

СООБЩЕСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГРАЖДАНСКОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ И ИСКЛЮЧЕНИЯ: РЕСУРСЫ, ИНТЕРЕСЫ, СВЯЗИ

***Аннотация.** Статья затрагивает проблему политической самоорганизации сообществ и применения механизмов вовлечения и исключения в гражданские взаимодействия. При этом особое внимание обращено на коммуникативные аспекты организованной локации как сущностный элемент сообщества. Связи и взаимозависимости, определяющие облик сообщества как динамичной системы, отражают доступную карту ресурсов локации и интенсивность интересов. Отдельно рассмотрена проблема гражданственности и полноправного членства как политической субъектности в сообществе.*

***Ключевые слова:** сообщество, политическое пространство, политическая самоорганизация, гражданственность, ресурсы, интересы.*

COMMUNITY AS A POLITICAL SPACE OF CIVIC ENGAGEMENT AND EXCLUSION: RESOURCES, INTERESTS, CONNECTIONS

***Abstract.** The article touches upon the problem of political self-organization of communities and the use of mechanisms of involvement and exclusion in civil interactions. At the same time, special attention is paid to the communicative aspects of an organized location as an essential element of the community. The connections and interdependencies that define the appearance of a community as a dynamic system reflect the available map of the location's resources and the intensity of interests. The problem of citizenship and full membership as political subjectivity in the community is also considered.*

***Keywords:** community, political space, political self-organization, citizenship, resources, interests.*

Проблемы организации сообществ, зарождения и реализации политической и административной власти в них, равно как гражданского участия в их практиках являются весьма актуальными в современных условиях. Транзитные, в том числе информационные потоки в значительной мере размывают границы традиционных сообществ в региональных и муници-

пальных форматах. В то же время различного уровня территориальные сообщества формируются, живут и развиваются, сохраняя специфику перед лицом сегодняшних вызовов. В настоящее время России предстоит пройти новый этап реформирования организации публичного управления, в том числе на местном уровне. Полагаем, что вектор реформы и его следствия на практике отразят отмеченные тенденции, усилят координацию уровней публичного управления с учетом сущностного низового, инициативного характера муниципальных процессов.

Данная статья предлагает взгляд на сообщество как процесс, закладывающий основу и предпосылки организации политических институтов, неформальной политической архитектуры и системы публичной власти, политических режимов той или иной локации. Ее цель заключается в рассмотрении сообщества как политического пространства гражданского вовлечения и исключения в аспектах реализации и диалога ресурсов, интересов и связей. Для этого представляется полезным обратить внимание на механизмы самоорганизации сообщества посредством вовлечения и исключения, а также оценить гражданский потенциал как обстоятельство производительного совместного бытия (со-бытия) сообщества.

Данный сюжет имеет перспективное значение при дальнейшем изучении формирования органов публичного управления в локациях сообществ, в том числе, посредством выборов, а также в более широком аспекте исследования организации политической жизни и реализации предпринимательских стратегий ее акторов по развитию ресурсных баз, артикуляции и агрегации интересов.

Вовлечение и исключение как механизмы самоорганизации сообщества

Вовлечение представляет собой процесс включения акторов в сообщество с учетом ресурсных ставок и готовности действовать по установленным правилам; входной билет в форме ресурсного потенциала и импульса интереса, готовность к его реализации посредством стратегий индивидуального и коллективного развития открывают для такого субъекта дополнительные перспективы социального ресурса с последующими возможностями административного ресурса. *Вовлечение — не только ограничение загоными флажками в виде писаных и неписаных законов и правил (социальных ограничений и административных барьеров) множества вариантов и направлений деятельности (прав и свобод), но и определение этих прав и свобод как фактора гражданской состоятельности, их запуска на основе механизма полезного сопроизводства и соуправления.*

На сегодня апробированы подходы к анализу вовлечения в самых разнообразных сферах: потребителей-заказчиков интеллектуальных услуг в их

сопроизводство [1], покупателей в создание ценности продукта (co-creation-деятельность) на рынке недвижимости, формирование туристического предложения [2, с. 198–209], развитие сервиса гостиничной индустрии [3, с. 198–209] и прочее. Краеугольным камнем данной маркетинговой технологии является обращение к активному субъекту-потребителю, поворот к его потенциалам как субъекта материальных и символических акций. Последний, по факту вовлеченности в процесс сопроизводства и причастности к единой системе ценностных координат, получает дополнительные моральные бонусы [4, р. 97–108] — гражданственность, социализацию, защищенность.

Исключение целесообразно рассматривать в аспекте жизнедеятельности сообщества, а также в процессе реализации права легитимной публичной власти. В первом случае речь идет о защитных механизмах участников процессов сообщества и контрольных практиках взаимного мониторинга. Данная система работает в условиях конкуренции и оценивает акторов с позиций горизонтально-вертикальных заинтересованных коммуникаций. Результатом является отторжение представляющих минимальный интерес и опасных субъектов (при наличии возможностей влияния), мониторинг состояния ресурсных субъектов — конкурентов и партнеров с последующими практиками борьбы/взаимовыгодных соглашений.

В отношении возможностей исключения со стороны организованной публичной власти справедливо отметить узаконенное право на ограждение подведомственного административного пространства и сообщества от вредных социальных единиц (с учетом функции социальной защиты членов сообщества: в этом случае решение обуславливает баланс между интересами сообщества и интересами отдельного «асоциального» индивида), — вплоть до принудительной изоляции от общества. Очевидно, что данные контрольные функции сообщества, по сути, являют собой в чистом виде политическую акцию.

Контрпродуктивными могут быть акторы и практики как для других акторов, их ресурсов и интересов, а также ценностных установок, так и для системы производства пространства и управления. В этой части решения обусловлены позициями и ресурсными базами представителей сообщества: в аспекте сообщества — преимущественно политическими элитами; в аспекте муниципалитета — преимущественно административными элитами. И те, и другие — по Г. Беккеру [5], влиятельные группы, «наклеиватели ярлыков» — неформально-нормативных и формально-правовых нормативных.

Фиксация *включения/исключения первого уровня* определяет общую материальную и нематериальную матрицу сообщества и правила режима его функционирования, *второго уровня* — конкретные условия режима муниципалитета с соответствующими административными статусами, функциями

и полномочиями. Последние предоставляют заинтересованным акторам возможность как обороны, так и нападения, защиты и развития, в том числе посредством воздвижения административных барьеров (отгораживающих от процессов принятия и реализации управленческих решений) в самых различных функциональных локусах, а также в сфере публичного управления.

Относительно граждан муниципалитета на городском материале (с учетом специфики) в отечественных исследованиях указываются примеры их соседства с «недогорожанами», исключенными из актуальной динамики города. В ряду приводимых при этом факторов исключения выделяют: присутствие недостижимости власти как «неведомой структуры» для жителей, отсутствие дифференциации городских субтерриторий и сообществ (что тормозит солидарную заинтересованную самоорганизацию и внутригородскую мобильность), собственно, низкую резидентную мобильность («капитал аборигенности»), демобилизацию структур местного самоуправления (далее — МСУ) в производстве пространства (с передачей функций региону), архаизацию мышления жителей («от врачей — к знахарям») [6, с. 5–15], — обстоятельства субъективного и объективного свойства. Полагаем, что данные факторы получают развитие либо демобилизуются с учетом формата существующего «дома элит» в сообществе/муниципалитете.

Рассматривая идейный разлом между солидарностью и агонизмом, О.Ю. Бойцова отмечает мобилизующую силу исключения «негативной» солидарности по оси «свой-чужие», — силу, возводящую границы (с учетом фактора групповой «микросолидарности») [7, с. 60–69]. В этом контексте исключение целесообразно рассматривать, с одной стороны, с позиций организации процесса жизнедеятельности сообщества, предполагающего диалог, согласование, а также столкновение и конкуренцию интересов и позиций — акт внутренней дифференциации. С другой, — истинными чужаками, наличие которых сплачивает сообщество («не местными», «не равными»), являются субъекты, не участвующие в самом процессе сообщества с его противоречиями и обменами, ценностями и приоритетами. *Стены такого рода отгораживают цивилизационно условный город-град от периферии.*

Подобная сущностная консолидация и дифференциация не исключают проявлений негативной консолидации также по субъективным основаниям, связанным с землячеством, дружескими и родственными связями в локалитетах и острого реагирования на интервенцию интересов и капиталов из внешней среды, направление «варягов» в органы МСУ с использованием актуальных конкурсных процедур и прочее. Вместе с тем заинтересованная включенность в процесс представителей внешней среды (потoki регионального уровня, иные локалитеты, как часто бывает на отечественных примерах корреспонденции интересов городского округа и пограничных муниципальных районов 2003–2022 гг.) делает последних акторами, «с ко-

торыми можно (и нужно) иметь дело» и находить общий язык (согласовывать интересы, заключать партнерские соглашения, планировать издержки, а порой — встраиваться в стратегии).

Закономерно, что процессу заинтересованного активного со-бытия в наименьшей степени интересны акторы, значение которых даже исключительно в роли объектов управления и производства (пассивного сопроизводства и соуправления) оказывается несущественным. Они обладают минимумом ресурсов (нищие, инвалиды, престарелые, больные и пр.) и не способны в силу объективных (не могут) и субъективных (не хотят) причин на работу с ними (инвестиции, коллаборации, потребление) на предлагаемых условиях.

В связи с этим уместны примеры социального исключения (выведение за пределы сложившегося сообщества, влекущее значимые последствия), близкого к депривации и невозможности существования в сообществе без «чувства стыда» (в обстановке всеобщего осуждения нищенствования, близкой европейской традиции), которому подвержены наименее защищенные слои [8, с. 98–114]. Ресурсная немощь ограничивает свободы и права, связанные с действием и выполнением приоритетных функций, что может быть рассмотрено в качестве ключевого обстоятельства исключения [9, р. 151–166].

Определенной страховкой от крайностей исключения может служить ресурсный резерв (уровень дохода), включая, как следствие, возможности социального ресурса [10, с. 5–17]. Также очевидно, что принципиальная граница между «небогатыми акторами» сообщества и исключенными «нищими» связана с качествами восприимчивости первых и невосприимчивости вторых к импульсам ресурсов и интересов, гражданским акциям активного со-бытия.

Гражданский потенциал в контексте производительного события

Элиты, выполняя свои роли в сообществе, с позиции ряда исследователей, обязаны обеспечивать на системной основе участие граждан в выработке решений, значимых для данной локации, — как в политическом, так и хозяйственном аспекте [11]. Именно эти ресурсные акторы в самых различных функциональных коридорах со-бытия сообщества задают направление коммуникации, вовлечению и исключению. Однако, их позиции напрямую связаны с возможностями вертикальной мобилизации.

Основание гражданственности целесообразно рассматривать как включенность в процесс активного производительного совместного бытия, полезный вклад в партнерские проекты и практики сотрудничества в соответствии с функциональными коридорами, социальными сферами и полями, а также ценностными установками сообщества.

Х. Арендт на примере организации социального пространства античного полиса отмечает особое («второго порядка», «вторая жизнь») бытие граждан, связанное со способностью политической соорганизации [12]. Данное бытие («вторая жизнь») демонстрирует гражданственность полноправных акторов политических процессов и соуправления как заметных субъектов хозяйственных и иных отношений сопроизводства («первая жизнь»).

Активность члена сообщества как субъекта «второй», управленческой жизни, вследствие самореализации в жизни «первой», можно считать платформой описываемого Т.И. Макогоном [13, с. 104–113] ответственного участия в хозяйственной жизни локалитета, предоставлении услуг, организации благоустройства, а в целом — развитии муниципального образования. Эта же управленческая жизнь имеет наиболее очевидные гражданские коннотации в отношении участия представителей сообщества в формировании органов МСУ и корпуса административных элит.

С учетом того, что данный процесс предполагает также участие в работе партийных и общественных организаций, неформальных ассоциаций, вовлеченность в процессы соответствующей самоорганизации также логично расценивать как условие *гражданской и политической субъектности* в сообществе. При этом необходимо принимать во внимание различную степень заинтересованности (заряд импульса) представителей сообщества в данном участии.

Реализация интересов как политический акт связана с резервуарами ресурсов (доступных или искомых). В модели Дж. Локка принципиальное значение отводится собственности [14, с. 347–354.], а ее охранение приобретает черты доминанты самоорганизации, — не только в формате государственного управления, но и саморегулирующегося общества. Неслучайно, что собственность может быть и сегодня рассмотрена как важнейшее обстоятельство кристаллизации гражданского общества с учетом существующих в этой части рисков [15, с. 100–117].

Имея изначальную привязку к конкретной локации, собственность знаменует присутствие ее держателя в политическом и хозяйственном пространстве сообщества, административных пределах муниципалитета. Х. Арендт в связи с этим указывала на сущностную «предусмотренность» таких акторов в модели мира, в том числе — в политическом его аспекте, соответственно, «непредусмотренность» («неприкаянность») влекла за собой препятствия для актора в апелляции к обществу и публичной власти в целях, например, поиска защиты [12]. «Предусмотренность» иллюстрирует участие в активном (производительном) совместном бытии («со-бытии»: со-организации, со-производстве, со-управлении).

Думается, что сложившийся порядок обеспечивается охранительной функцией сообщества как результата и процесса самоорганизации участ-

ников заинтересованных коммуникаций (*фактическая гражданственность* с неформальными нормативными механизмами контроля) с последующим закреплением в формате организации публичной власти (*формально-правовая гражданственность* с нормативными легитимными механизмами публичного контроля и надзора). С учетом объективной разницы в объемах ресурсов (свобод, прав действия), возможности развития ресурсных платформ (иными словами — наращивания благосостояния и влияния), солидарное вертикальное партнерство влечет полноценное *фактическое гражданство* и полноценное *перспективное гражданство*, носителями которых являются, соответственно, элиты и иные участники активного события, исходящие из приоритетов развития.

Отношения акторов, наделенных собственностью, предполагают на общей ценностной платформе распространение ритуалов и устоявшихся практик, включая упоминаемые Д. Юмом взаимное «обуздание/снисходительность» в условиях перманентной возможности пересмотра прав собственности (агрессия, истечение времени, наследование и пр.) [16, с. 520–560]. Перманентная опасность пересмотра и перераспределения, с одной стороны, стремление к стабилизации (включая потенциал административных практик и организации легитимной публичной власти), с другой — она обеспечивает динамику сообщества, подвижную коммуникацию, обмен и конкуренцию *граждан как собственников, располагающих правом голоса в сообществе и правом на муниципалитет*.

Это значит, триаду сообщества (жители, территория, институты) В.С. Вахштайна [17] необходимо рассматривать в динамическом единстве; в данном аспекте «бродяги» демонстрируют не только отсутствие связи с территориальной локацией, но и институтами, в том числе, как мы считаем, публичными и неформальными ассоциациями жителей.

Таким образом, магнитное поле динамики сообщества и стены муниципалитета отгораживают граждан и жителей от чужаков, «не местных» — от «бродяг» (они же — «неимущие» и «чернь»), упоминаемых Х. Арендт [18; 12], и «зачумленных» (М. Фуко), депортированных за стены города [19]. «Неграждане» в определенном смысле — не только нерукопожатные и не благонадежные, но и лица, объявленные *вне закона и, что еще важнее, — вне правил, то есть не только вне публичных процедур, но и неформальных практик; вне правовых установок и ценностных приоритетов*.

Собственность демонстрирует безапелляционные возможности заинтересованного вовлечения акторов в процессы сообщества. В данном аспекте, как и в целом относительно управления ресурсными потоками, следует учитывать горизонтальную (элита — элита) и вертикальную («элита»/«граждане» — «жители»/«граждане») коммуникацию, — заинтересованное участие с учетом разности объемов ресурсов. Неслучайно А. Токвиль ставит знак тождества

между коллективным актором сообщества и важнейшими ресурсами, наполняющими географию муниципалитета: «Семья — это земля, которой она владеет, земля — это семья» [20, с. 57–58], а Ж.-Ж. Руссо с отношениями собственности связывает, с одной стороны, сам факт возникновения гражданского общества, с другой — со ссылками на традицию Дж. Локка, — истоки конфликтных столкновений (читаем — проявления динамики) в нем [21]. Гражданственность, в данном смысле, отражает причастность к единым ценностным установкам и правилам игры, в другом — допускает и предопределяет конкурентные отношения. Вопрос заключается в *легитимации данных установок и правил игры* в указанной горизонтально-вертикальной коммуникативной проекции.

Так, доводы М. Ротбарда способствуют максимальному расширению круга ответственных участников сообщества: каждый человек является собственником, располагающим, по меньшей мере, своим телом (посягательство на него, а также свободу им распоряжаться, — краеугольные камни уголовной системы) [22] — минимальным стартовым ресурсом, знаменующим причастность гражданской когорте инвесторов. Даже самая незначительная собственность, согласно данному подходу, стимулирует процессы ее содержания, поддержания и защиты, зарождает гражданское (политическое) действие.

Нищий субъект может использовать этот единственный ресурс для труда (осуществляя свой посильный вклад в сопроизводство в ходе обеспечения возможности физического существования) и его продажи нанимателям. В то же время данный ресурс позволяет радикально употребить физическую силу, реализуя отмечаемую Х. Арендт «способность убивать» как проявление импульсов самосохранения, стремления к прибыли и власти над другими; то есть, в определенном смысле (вне нравственных категорий), стать на одну ступень с элитой [18, с. 13–38], — за неимением других в вопросе прекращения физического существования реализуется принцип равенства (его видимость). Таким образом, даже эта естественная (и для определенных категорий граждан — единственная) форма ресурса требует поддержания и развития, обладает теоретической и прикладной силой, подталкивающей как к негативному, так и к позитивному действию (участию) в общей социальной механике.

Фактическая полезность и легитимное признание гражданина дает «право причастности» (в функциональном разрезе) и «право на муниципалитет» (политическое) с соответствующим распределением ответственности («отцы города»). Последнее стимулирует получение права *на действие «от имени муниципалитета и «по поручению» его сообщества* (административное право). Гражданственность символизирует ту или иную форму участия (полезности) в общем деле (благе) — хозяйственном или политико-административном,

функциональной и кроссфункциональной организации, равно как право управлять им.

Способность к инвестициям как важнейшее качество проявления свободы распоряжения собственностью (ресурсами) означает способность к динамике и востребованность (в зависимости от объемов) в финансово-экономических и политико-административных механизмах. Ее формируют взаимосвязанные и последовательные индивидуальная и коллективная предпринимательские стратегии развития, реализуемые без прямой зависимости от объемов наличных ресурсов, но с учетом их. Пределы и возможности их применений определяют границы ценностного и поведенческого конструкта («мира», «града»), без которого система теряет динамизм.

С одной стороны, ресурс и интерес требуют реализации (талант художника и монета банкира, физическая сила спортсмена/воина и интеллект ученого, дар провидца и внешняя красота модницы); с другой стороны, необходима сущностная восприимчивость актора к данным импульсам. К примеру, обладатель существенных стартовых физических, культурных или финансовых ресурсов может быть нацелен на их невосполнимое использование, но держатель крайне ограниченных ресурсов жизненной стратегией может определить их системное поступательное наращивание с притяжением ресурсов иных видов. Обладатели таких качеств, распоряжаясь минимальными материальными ресурсами посредством авантюрных проектов (вплоть до деяний за гранью традиционных моральных предписаний и легитимных нормативно-правовых ограничений), создают состояния и достигают статусов; лишенные таковых качеств транжируют состояния и лишаются родовых имений.

В комплексе большие резервуары ресурсов определяют локацию сообщества и масштабы ее динамики, стимулируют большую интенсивность реализации интересов в сочетании с данной стратегией роста/развития как модели поведения. Она олицетворяет включенность в сообщество как гражданскую политическую акцию, во многом отражает ценностное единство сообщества.

Большие объемы ресурсов и активность («восприимчивость» ресурсная и гражданская) в реализации интересов очерчивают круг акторов, направляющих наиболее действенные собственные (и иные — посредством коллаборации) инициативы на запуск динамики активного совместного бытия сообщества в качестве наиболее аффилированных с ним субъектов. Гражданство совместного бытия предоставляет право на сообщество и право на муниципалитет (город, полис и пр.), демонстрирует полезность (экономическую, политическую, культурную и др.) группе, сообществу и режиму его функционирования, муниципалитету.

Таким образом, гражданство символизирует принадлежность к сообществу, поведенческой модели («развития»), муниципальному образованию.

Оно объединяет элиты («дом элит») и свободных граждан («включенных»: вовлеченных в практики, полезных, заинтересованных и мобилизованных), оставляя за чертой отчуждения бесполезных для воспроизводства и вредных для самоуправления «бродяг» («исключенных»). Гражданственность обеспечивает продуктивную и деятельную солидарность сообщества как условие его существования (динамики) с учетом разности объемов доступных акторам ресурсов в оппозиции «не гражданам».

Холодная гражданская механистичность сообщества сглаживается не только солидарностью действия, но и ценностной основой, резервами социального ресурса, тесным «теплым» пространством конструируемой локации с плотными социальными сетями, традициями родственных, земляческих, дружеских неформальных привязанностей, укрепляющих деловые связи.

Заключение

Коммуникативное политическое пространство сообщества (дискурс) формируется потоками (воронками) интересов и их диалогом (обменом) на трех этажах сообщества: функциональном (по сферам жизни и профессиональным локусам), кроссфункциональном (связи между функциональными сферами), надфункциональном (легитимная публичная власть).

Вовлечение и исключение есть обеспечение мобилизации (удержания) или демобилизации гражданина (актора, субъекта) в магнитном поле, создаваемом динамикой совместного заинтересованного/мобилизованного бытия, то есть производительного (и в отношении пространства) сосуществования. Интенсивность вовлечения в сообщество по тем или иным функциональным (кроссфункциональным) трекам зависит от объема доступных ресурсов и интенсивности интереса субъекта данного процесса.

Утрата порядка (системности) пространства, обоснований и стимулов действия, смыслов и мотивов есть утрата социальных горизонтальных и вертикальных связей, разрушение «карточного домика» реальности локации. В связи с этим сильны гражданственные коннотации существования акторов и сообществ в данном пространстве.

Сообщество как коммуникативная динамическая политическая система определяется диспозицией фактических ресурсов, соответствующих интересов связей их носителей, — полноправных граждан сообщества, обладающих политической субъектностью.

Производство самоорганизующегося сообщества, системы отношений, связей и оппозиций имеет выражение в нематериальной плоскости организации символического пространства, воспроизводящего коммуникационные законы и правила сообщества, а также в материальном пространстве конкретного муниципального образования.

Список литературы

1. Чичканов Н.Ю., Белоусова В.Ю. Сопроизводство и использование интеллектуальных услуг: взгляд заказчиков [Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/monitoring/intel/news/225327990.html> (дата обращения: 15.01.2022).
2. Вахрина Т.А., Сажина А.И. Маркетинг совместного творчества: теоретические аспекты и особенности применения концепции на рынке жилой недвижимости // Маркетинговые коммуникации. 2016. № 4.
3. Корелина А.С., Ойнер О.К. О вовлечении потребителей в совместное создание ценности с компанией в гостиничной индустрии: контент-анализ отзывов на туристическом сайте tripadvisor. Com // Изв. Санкт-Петерб. гос. эконом. ун-та. 2015. № 6 (96).
4. Etgar M. (2008). «A descriptive model of the consumer co-production process». Journal of the Academy of Marketing Science, Vol. 36.
5. Becker H. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York: The Free Press, 1963.
6. Иванов П.В. Городские жители и производство пространства (на примере российских городов) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2016. Т. 8. № 11.
7. Бойцова О.Ю. К вопросу о «негативной солидарности» как концепте политической философии // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 4.
8. Дмитриева А.В. Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // Социологический журнал. 2012. № 2.
9. Sen A. Human rights and capabilities // Journal of Human Development. 2005. Vol. 6, № 2.
10. Тихонова Н.Е. Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность. 2002. № 4.
11. Totikidis V., Armstrong A., Francis R. (28–30 Nov 2005). «The concept of community governance: a preliminary review». GovNetConference [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/37376941_The_concept_of_community_governance_a_preliminary_review (дата обращения: 15.01.2022).
12. Арендт Х. «Vita activa, или О деятельной жизни» [Электронный ресурс] URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/012013/02012013-04a.html> (дата обращения: 15.01.2022).
13. Макогон Т.И. К вопросу об анализе местных сообществ с точки зрения теории систем и топологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2.
14. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина и Ю.В. Семенова. М.; Челябинск: Социум, 2014. 494 с.
15. Пшизова С.Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. 2009. № 1.
16. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Он же. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 1.

17. Вахштайн В.С. Формула сообщества [Электронный ресурс] URL: <http://socoftpower.ranepa.ru/ru/novosti/388-v-s-vakhshtajn-formula-soobshchestva> (дата обращения: 15.01.2022).
18. Арендт Х. Об империализме // Арендт Х. Скрытая традиция. Эссе. М.: Текст, 2008.
19. Фуко М. Ненормальные. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / Пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб: Наука, 432 с.
20. Токвиль А. Демократия в Америке / Пер. с фр. В.П. Олейника, Е.П. Орловой, И.А. Малаховой, И.Э. Иванян, Б.Н. Ворожцова; Предисл. Г. Дж. Ласки; Комм. В.Т. Олейника. М.: Прогресс, 1992. 554 с., 16 с. илл.
21. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми [Электронный ресурс] URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14983787/ (дата обращения: 15.01.2022).
22. Ротбард М. К новой свободе: Либертарианский манифест / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2009. 398 с.

В.И. ЛЫСЕНКО

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СФЕРЫ В ГОСУДАРСТВАХ РЕГИОНА ОБСЕ

Аннотация. Статья повествует о том, что в современных условиях одной из проблем обеспечения парламентского представительства является доступ к выборам и представительству интересов различных социальных и политических групп общества. Одним из таких инструментов выступает частичное квотирование парламентских мандатов либо списков кандидатов-участников парламентских выборов для обеспечения представительства женщин, молодежи, лиц с ограниченными физическими возможностями, национальных меньшинств, социальных, профессиональных и иных групп населения.

Ключевые слова: парламентское представительство, гендерные проблемы, парламенты, парламентарии, квотирование, женщины, женщины-спикеры, выборы, ОБСЕ.

GENDER PROBLEMS OF THE ELECTORAL SPHERE IN THE STATES OF THE OSCE REGION

Abstract. The article tells that in modern conditions one of the problems of ensuring parliamentary representation is access and accessibility to elections and representation of the interests of various social and political groups of society. One of these tools is the partial quota of parliamentary mandates or lists of candidates for participants in parliamentary elections to ensure the representation of women, youth, persons with disabilities, national minorities, social, professional and other groups of the population.

Keywords: parliamentary representation, gender issues, parliaments, parliamentarians, quotas, women, women speakers, elections, OSCE.

I

По состоянию на 1 января 2022 года в 178 государствах, национальные парламенты которых являются членами Межпарламентского союза, общее число парламентариев составляет 46 066 человек (в однопалатных парламентах или в нижних палатах — 38 635, в том числе 10 044 женщин (26%); в верхних палатах — 7 431, в том числе женщин — 1 883 (25,3%)). В целом, парламентариями являются 11 927 женщин (25,9%)¹. При этом на американском континенте число женщин-парламентариев достигает 33,5 процента, в Европе — 31,1 процента, на Африканском континенте — 25,8 процента,

ЛЫСЕНКО Владимир Иванович — доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва

¹ В 2022 году должно состояться проведение парламентских выборов в 31 государстве, что, вероятно, изменит удельный вес представительства женщин-парламентариев.

в Тихоокеанском регионе — 20,9 процента, в Азии — 20,7 процента, на Ближнем Востоке и Северной Африке — 16,9 процента.

При этом больше всего женщин избрано в парламент (нижнюю палату) Руанды — 61,3 процента, меньше всего в Кувейте — 1,6 процента, тогда как в Вануату, Йемене, на Гаити, в Папуа — Новой Гвинее, Сомали и Эритрее в парламент не избрано ни одной женщины (т.е. парламенты являются исключительно мужскими). Среди государств региона ОБСЕ (здесь и далее по тексту речь идет о странах данного региона) больше всего женщин избрано в парламент (нижнюю палату) в Исландии (47,6%), Андорре (46,4%) и Швеции (46,1%), а меньше всего — на Кипре (14,3%), Мальте (13,4%) и в Венгрии (13,0%).

В 22 государствах парламенты являются двухпалатными, при этом в некоторых из них верхние палаты формируются на основе проведения всеобщих и прямых выборов (Испания, Италия, Польша, Румыния, США, Чехия), в некоторых — либо при проведении косвенных выборов (Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Казахстан, Канада, Нидерланды, Словения, Таджикистан, Узбекистан, Франция, ФРГ, Швейцария), либо на основе назначения (Белоруссия, Великобритания), либо на основе назначения и косвенных выборов (Ирландия).

При этом, в отличие от государств с двухпалатными парламентами, в Туркмении в октябре 2017 года на основе принятия конституционного закона в качестве высшего представительного органа воссоздан национальный Народный совет (Халк Маслахаты, в состав которого входит 55 человек, ставших его членами в марте 2021 года), обладающий полномочиями выносить решения, обязательные для исполнения как президентом страны, так и правительством, Меджлисом (однопалатным парламентом) и другими государственными органами².

Среди государств с двухпалатными парламентами больше всего женщин избрано (назначено) в верхнюю палату парламента в Канаде (48,9%), Бельгии (48,3%) и Австрии (41,0%), а меньше всего — в Словении (10,0%), Чехии (14,8%) и Румынии (18,4%).

В мировой парламентской политической истории до 1945 года лишь в Австрии руководителем (спикером) одной из палат парламента (Бундесрата) была избрана женщина. В период с 1945 по 1997 годы в 42 государствах (в 18 европейских государствах, в 19 государствах американского континента, в трех африканских государствах, в одном азиатском государстве и в одном государстве тихоокеанского региона) с парламентской или аналогичной формой правления (из 186 стран) женщины на определенном историческом отрезке 78 раз занимали должность спикера парламента или одной из его

² В Белоруссии по проекту новой Конституции также предусматривается создание аналогичного высшего представительного органа — Всебелорусского народного собрания.

палат. При этом в 24 государствах имелись двухпалатные парламенты, и женщины в них избирались на должность спикера гораздо чаще в верхней палате парламента, чем в нижней.

В настоящее время 64 женщины возглавляют одну из палат парламента в 192 государствах с парламентской или аналогичной формой правления, из которых 81 государство имеет двухпалатный парламента. В целом женщины составляют 23 процента от общего числа руководителей парламента (палат). При этом в однопалатных парламентах или в нижних палатах число женщин-спикеров составляет 21,8 процента, в верхних — 27,1 процента. Таким образом, в верхних палатах парламента женщин-спикеров на 5,3 процента больше, чем в однопалатных парламентах или в их нижних палатах.

Однопалатные парламента, либо нижние палаты парламента, либо высший представительный орган женщины-спикеры возглавляют в 16 государствах региона ОБСЕ: Австрия, Азербайджан, Албания, Андорра, Бельгия, Босния и Герцеговина, Испания, Кипр, Латвия, Литва, Нидерланды, Польша, Туркмения, ФРГ, Чехия, Швейцария; а верхние палаты парламента — в 8 государствах: Белоруссия, Босния и Герцеговина, Италия, Россия, Румыния, США, Узбекистан. В Бельгии женщины возглавляют как нижнюю, так и верхнюю палаты федерального парламента.

В последние годы в ряде государств приняты специальные законодательные акты о равенстве мужчин и женщин в политической жизни: Великобритания (2010), Португалия (2006), Сербия (2021), Финляндия (2016), Монголия, либо о содействии участия женщин в политической жизни страны, — Канада (2018). Некоторые из законодательных актов не предусматривают каких-либо дополнительных механизмов, содействующих обеспечению представительства женщин в выборных органах государственной власти, а прежде всего — в национальных парламентах.

В законодательстве ряда государств в целях создания дополнительных гарантий представительства в депутатском корпусе национальных парламента населения законодательно закреплены положения о квотировании представительства гендерных и иных социальных групп, в ряде случаев — об обеспечении их гарантированного парламентского представительства (в частности, национальных и религиозных меньшинств). При этом соответствующие квоты представительства, в том числе гендерные, предусмотрены, как правило, при проведении всеобщих и прямых выборов в однопалатные парламента или же нижние палаты. В то же время во Франции, наоборот, гендерные квоты предусмотрены только при формировании состава верхней палаты — Сената.

В отличие от квот обеспечения парламентского представительства национальных и религиозных меньшинств либо соответствующих социальных групп, являющихся обязательными при распределении депутатских манда-

тов, либо при назначении в состав верхней палаты парламента, гендерная квота является обязательной только на этапе выдвижения и регистрации списков кандидатов политических партий, политических коалиций, и никоим образом не сопряжена с обязательным распределением «гендерных» депутатских мандатов, которые законодательством не предусмотрены.

Законодательство ряда государств особое внимание уделяет порядку размещения в списках кандидатов-участников парламентских выборов наименее представленного гендера, не допуская, чтобы кандидаты-женщины размещались на непроходных местах списков кандидатов, в том числе в конце указанных списков (Армения, Молдавия, Португалия, Сербия, Черногория). Вместе с тем в соответствии с законодательством некоторых государств гендерное представительство становится обязательным при замещении вакантного депутатского мандата и является, таким образом, своеобразной квотой парламентского представительства соответствующего гендера, прежде всего женщин (Албания, Сан-Марино, Португалия, Франция, Черногория). В некоторых государствах других регионов мира, наоборот, гендерные квоты должны быть обеспечены *по результатам парламентских выборов* (Кения, Марокко).

Законодательство 28 государств региона ОБСЕ (из 56) предусматривает в рамках национальных избирательных систем дополнительные гарантии обеспечения квотного представительства *государствообразующих народов* (Босния и Герцеговина), либо *автономных образований* (Испания), либо национальных меньшинств (Армения, Кипр, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Финляндия, Хорватия, Черногория), либо представителей одного из полов или возрастных либо социальных, профессиональных групп, молодежи и лиц с ограниченными физическими возможностями (Албания, Армения, Босния и Герцеговина, Бельгия, Венгрия, Греция, Ирландия, Испания, Италия, Киргизия, Македонии, Молдавия, Монголия, Польша, Португалия, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Словения, Финляндия, Франция, Черногория), либо определенных общественных организаций (Узбекистан — до 2020 года).

Так, в одних государствах законодательно предусмотрены только электоральные гендерные квоты (Франция), в других — только депутатские квоты на представителей национальных меньшинств или автономных образований (Испания), либо квоты парламентского представительства для соответствующих религиозных конфессий (Кипр), либо более широкий набор электоральных и депутатских квот для обеспечения представительства, в частности, молодежи, женщин, лиц с ограниченными физическими возможностями, национальных меньшинств, а также определенных профессий и специальностей (Киргизия, Польша, Словения).

В некоторых государствах в рамках совершенствования конституционно-правового регулирования политической системы и избирательного процесса

квоты парламентского представительства субъектов политической системы были увеличены (Ирландия, Португалия, Македония), либо уменьшены (Монголия), либо упразднены (Узбекистан).

В целом при проведении парламентских выборов законодательно предусмотрены следующие пять видов квот (квотирования парламентских мандатов либо списков кандидатов-участников парламентских выборов):

– *гендерные квоты* в списках кандидатов-участников парламентских выборов или их аналоги предусмотрены в законодательстве 23 государств, в том числе в пакете с другими электоральными квотами представительства (Албания, Армения, Бельгия, Босния и Герцеговина, Греция, Грузия — с 2020 года, Ирландия, Испания, Италия, Казахстан — с 2021 года в составе единой 30-процентной электоральной квоты обеспечения представительства женщин и молодежи в списках кандидатов политических партий, Киргизия, Северная Македония, Молдавия, Монголия, Польша, Португалия, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Словения, Финляндия, Франция, Черногория);

– *квоты представительства молодежи* в списках кандидатов-участников парламентских выборов (Казахстан — с 2021 года в составе единой 30-процентной квоты для обеспечения представительства женщин и молодежи в списках кандидатов политических партий, Киргизия)³;

– *квоты представительства лиц с ограниченными физическими возможностями* в списках кандидатов-участников парламентских выборов (Киргизия);

– *квоты парламентского представительства национальных меньшинств* — в 13 государствах; при этом в 7 государствах — в качестве единственного вида парламентского квотного представительства (Венгрия, Испания, Казахстан, Румыния, Словакия, Финляндия, Хорватия), в 6 государствах — в качестве одной из разновидностей парламентского квотного представительства, наряду с другими видами квотного представительства (Армения, Босния и Герцеговина, Киргизия, Польша, Словения, Узбекистан — до 2020 года, Черногория);

³ При этом в Италии в рамках отсутствия законодательного закрепления молодежных квот в законодательстве закреплено положение о том, что при равенстве голосов избирателей, полученных двумя и более одномандатными кандидатами, избранным признается *более молодой по возрасту кандидат*. При проведении 4 марта 2018 года парламентских выборов 45,21% избранных парламентариев было в возрасте до 45 лет.

В Швейцарии в рамках аналогичного отсутствия законодательного закрепления молодежных квот политическая партия имеет право самостоятельно выдвинуть список кандидатов, либо совместный с другой политической партией список кандидатов (в рамках политической коалиции), при этом политические партии также могут иметь так называемые дополнительные подписки кандидатов (например, списки женщин-кандидатов, списки молодежи-кандидатов, списки кандидатов по соответствующим географическим районам внутри кантона), но ни один кандидат первоначально не может быть включен более чем в один список кандидатов политической партии.

– *квоты парламентского представительства соответствующих социальных, профессиональных интересов* — в частности, работодателей, наемных рабочих, крестьян, ремесленников и лиц свободных профессий, работников непроемственной сферы (Словения — при формировании Государственного совета — совещательного парламентского органа);

– *квоты парламентского представительства религиозных групп* (Кипр: армянская православная община, католическая община, община маронитов).

В законодательстве ряде государств региона ОБСЕ законодательно предусмотрен *пакет разнообразных квот* в списках кандидатов-участников парламентских выборов *для обеспечения представительства различных категорий населения — женщин, молодежи, лиц с ограниченными физическими возможностями, национальных меньшинств, общественных организаций* (Армения, Босния и Герцеговина, Киргизия, Польша, Словения, Узбекистан — до 2020 года, Черногория).

При этом пакетный набор указанных электоральных квот в разных государствах различен: от двух видов квот в списках кандидатов участников парламентских выборов, например, гендерных и представительства национальных меньшинств (Армения, Босния и Герцеговина, Польша, Словения, Хорватия) до четырех, — например, гендерных квот, квотного представительства молодежи, лиц с ограниченными физическими возможностями, национальных меньшинств (Киргизия).

При этом в Казахстане для обеспечения представительства женщин и молодежи в нижней палате парламента законодательно предусмотрена единая 30-процентная квота представительства указанных половозрастных групп кандидатов в списках кандидатов политических партий и политических коалиций.

В Армении имеется два вида квот в списках кандидатов-участников парламентских выборов: гендерные квоты в списках кандидатов политических партий, политических коалиций и квоты для обеспечения парламентского представительства четырех национальных меньшинств (езидов, русских, ассирийцев, курдов).

В Боснии и Герцеговине — два вида квот: гендерные квоты в списках кандидатов политических партий, политических коалиций и квоты для обеспечения парламентского представительства трех государствообразующих народов (босняков, хорватов, сербов).

В Польше — два вида квот: гендерные квоты в списках кандидатов политических партий, политических коалиций и квоты для обеспечения парламентского представительства девяти национальных меньшинств (армян, белорусов, евреев, литовцев, немцев, русских, словаков, украинцев, чехов).

В Словении — два вида квот: гендерные квоты в списках кандидатов политических партий, политических коалиций и квоты для обеспечения

парламентского представительства двух национальных меньшинств (венгров и итальянцев).

В Хорватии — два вида квот: гендерные квоты при замещении вакантных депутатских мандатов в списках кандидатов политических партий, политических коалиций и квоты для обеспечения парламентского представительства 22 национальных меньшинств.

В Киргизии — четыре вида квот в списках кандидатов участников парламентских выборов: гендерные квоты, квоты для представителей 13 национальных меньшинств (узбеков, русских, дунган, уйгуров, таджиков и некоторых других), молодежи, лиц с ограниченными физическими возможностями.

II

В 16 государствах (из 56) региона ОБСЕ законодательно предусмотрены гендерные квоты или их аналоги *при выдвижении* участниками парламентских выборов списков кандидатов (Албания, Бельгия, Греция, Грузия — с 2022 года, Ирландия, Испания, Италия, Македония, Молдавия, Монголия, Португалия, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Финляндия, Франция). Кроме того, в 7 государствах предусмотрен пакет различных квот для обеспечения представительства отдельных социальных групп, в том числе женщин в списках кандидатов-участников парламентских выборов (Армения, Босния и Герцеговина, Казахстан, Киргизия, Польша, Словения, Черногория).

Таким образом, в 23 государствах законодательство предусматривает гендерные квоты в списках кандидатов-участников парламентских выборов, при этом количественные параметры указанных квот, как правило, повышаются, особенно в последние годы, что свидетельствует, в частности, о стремлении национальных законодателей обеспечить реализацию принципа конституционного равенства мужчины и женщины при проведении парламентских выборов.

Среди 16 государств, законодательство которых закрепляет гендерные квоты или их аналоги в качестве единственного вида электоральных квот, указанные квоты должны быть соблюдены при выдвижении политическими партиями, политическими коалициями списков кандидатов.

Среди указанных стран больше всего женщин избрано парламентариями в Финляндии (45,5%), Бельгии (42,0%) и Македонии (41,7%), а меньше всего — в Греции (21,0%), Грузии (19,1%) и Румынии (19,1%). При этом среди государств, законодательство которых закрепляет гендерные квоты в списках кандидатов политических партий, политических коалиций наряду с другими видами электоральных квот, больше всего женщин избрано парламентариями в Армении (34,6%), а меньше всего — в Киргизии (20,5%).

Законодательное установление минимальных либо максимальных количественных «параметров» гендерных квот в списках кандидатов политических партий, политических коалиций при проведении парламентских выборов различается в указанных государствах региона ОБСЕ, законодательство которых закрепляет единственный вид квотного представительства, — гендерные квоты. Это означает, что в списках кандидатов политических партий, политических коалиций должно быть:

- не менее 20 процентов представителей наименее представленного гендера (Монголия), либо
- каждый четвертый кандидат в списке кандидатов должен представлять наименее представленный пол (Грузия), либо
- не менее 30 процентов (Албания, Ирландия, Казахстан — с 2021 года здесь 30-процентная квота является единой для включения в список кандидатов политической партии, политической коалиции женщин и молодежи), либо
- не менее одной трети — 33 процента (Греция, Сан-Марино), либо
- не менее 35 процентов (Польша), либо
- не менее 40 процентов (Португалия, Сербия, Финляндия⁴), либо
- не менее 50 процентов (Бельгия), либо
- не более 50 процентов представителей одного пола в соответствующем избирательном округе и не более 60 процентов лидеров списков кандидатов политической партии, политической коалиции в соответствующем избирательном округе (Италия); либо
- не более 60 процентов (Северная Македония), либо
- в списках кандидатов должно быть обеспечено присутствие представителей обоих гендеров (Румыния), либо
- в списках кандидатов представителей одного из полов может быть больше только на одного кандидата, при этом в каждой шестерке кандидатов списка кандидатов должно быть поровну кандидатов обоих полов (при проведении косвенных выборов в Сенат Франции).

В Румынии закрепленное в законодательстве положение о том, что при проведении парламентских выборов в списках кандидатов политических партий, политических коалиций должно быть обеспечено присутствие представителей обоих полов без дальнейшего какого-либо указания (уточнения) на порядок их расположения в списке кандидатов, на практике завершалось тем, что избирательные органы и суды по разному интерпретировали указанное законодательное положение, что, в свою очередь, приводило к нерав-

⁴ В Финляндии принятый в 2016 году Закон о равенстве между мужчинами и женщинами предусматривает *общеправовой критерий* обеспечения не менее чем 40-процентного представительства женщин в выборных представительных институтах, в том числе в парламенте.

ному отношению к участникам парламентских выборов при регистрации списков кандидатов.

Ряд государств законодательно закрепляют минимальные количественные «параметры» гендерных квот, оставляя на усмотрение непосредственных участников выборов возможность их инициативного (добровольного) повышения (Босния и Герцеговина, Польша). В некоторых государствах такие квоты в списках кандидатов были увеличены (Ирландия, Македония, Португалия, Словения), в других, наоборот, уменьшены (Монголия). Так, в Ирландии в 2012 году законодательно были увеличены гендерные квоты: политические партии, политические коалиции должны были выдвигать не менее 30 процентов кандидатов-женщин или мужчин. При этом с 2023 года указанные гендерные пропорции увеличат еще на 10 процентов и доведут до 40 процентов (спустя семь лет после проведения парламентских выборов, проведенных после вступления в силу поправок в Закон о финансировании деятельности политических партий, т.е. после проведения 26 февраля 2016 года указанных парламентских выборов).

В Македонии при проведении 15 июля 2020 года досрочных парламентских выборов в соответствии с обновленным законодательством в списках кандидатов по сравнению с прошлыми парламентскими выборами была установлена повышенная гендерная квота: не более 60 процентов кандидатов (ранее — не менее 40%) могут быть представителями одного пола.

В Португалии обновленное в 2019 году законодательство о выборах предусматривает повышенные гендерные требования к списку кандидатов политической партии: так, в списке кандидатов должно быть не менее 40 процентов представителей одного из полов (ранее — не менее одной трети: 33%).

В Словении с 2006 года при выдвижении кандидатов политические партии и политические коалиции должны были включать в свои списки кандидатов не менее 25 процентов женщин. При проведении 21 сентября 2008 года парламентских выборов законодательные положения о гендерной квоте *впервые* подлежали применению; при этом первоначально установленная применительно к данным выборам 25-процентная гендерная квота затем, при проведении парламентских выборов в 2012 году (а также последующих парламентских выборов), была увеличена до 35 процентов.

В Монголии, наоборот, 30-процентная гендерная квота в списках кандидатов политических партий, введенная в декабре 2015 года, в мае 2016 года была понижена до 20-процентной.

Необходимо отметить, что законодательство данной группы государств исходит из того, что гендерные квоты в списках кандидатов политических партий и политических коалиций должны обеспечиваться, в основном на момент регистрации списков кандидатов, но не на этапе распределения депутатских мандатов по итогам голосования избирателей. Кроме того,

законодательство не требует сохранения указанной квоты после регистрации списка кандидатов (до дня голосования избирателей на парламентских выборах), что нивелирует эффективность мер, направленных на повышение уровня участия менее представленных гендерных групп. В целом удельный вес женщин-парламентариев в государствах указанной группы варьируется, в том числе с учетом однопалатной или двухпалатной структур парламентов.

При этом в отдельных государствах законодательство не предусматривает гендерные квоты в составе списков кандидатов политических партий⁵. Однако на практике некоторые политические партии *в инициативном порядке* в рамках внутрипартийных процедур содействуют обеспечению большего представительства женщин в списках кандидатов (Узбекистан, Швейцария).

В Швейцарии законодательство прямо не предусматривает гендерные квоты в составе списков кандидатов политических партий; но при проведении парламентских выборов некоторые политические партии в рамках внутрипартийных процедур содействуют обеспечению большего представительства женщин в списках кандидатов. Политическая партия может выдвинуть самостоятельно список кандидатов, либо совместный с другой политической партией список кандидатов (в рамках политической коалиции), при этом политические партии могут также иметь так называемые дополнительные подписки кандидатов (например, списки женщин-кандидатов, списки молодежи-кандидатов, списки кандидатов по соответствующим географическим районам внутри кантона), но ни один кандидат первоначально не может быть включен более чем в один список кандидатов политической партии.

При проведении 20 октября 2019 года очередных парламентских выборов федеральное правительство Швейцарии направило в адрес кантональных правительств циркуляр, призывающий проводить информационно-разъяснительную работу среди участников парламентских выборов по вопросу обеспечения гендерного представительства и баланса при формировании и выдвижении политическими партиями списков кандидатов.

При проведении указанных выборов депутатов Национального совета — нижней палаты федерального парламента — депутатами были избраны 83 женщины (41,5%) от общего состава депутатского корпуса нижней палаты парламента — 200 депутатов. При проведении в ноябре 2019 года очередных выборов членов Совета кантонов — верхней палаты парламента — в ее состав были избраны 12 женщин (26,09%) от общего состава палаты — 46 членов.

⁵ В Турции законодательство не предусматривает гендерные квоты при выдвижении кандидатов. В этих условиях в декабре 2017 года один из депутатов внес в парламента законопроект о введении 33-процентной гендерной квоты в составе списков кандидатов на парламентских выборах, но указанный законопроект был отклонен.

Ряд государств региона ОБСЕ законодательно устанавливают порядок размещения кандидатов-женщин и кандидатов-мужчин в списках кандидатов, выдвигаемых участниками парламентских выборов, в том числе особый порядок участия кандидатов-женщин в распределении депутатских (сенаторских) мандатов, замещении вакантных депутатских мандатов (Албания, Армения, Бельгия, Испания, Италия, Македония, Португалия, Сан-Марино, Сербия, Франция); в других государствах такой порядок отнесен на усмотрение самих участников парламентских выборов (Босния и Герцеговина, Греция и Казахстан — с 2021 года).

В некоторых государствах законом закреплены модели чередования разногендерных кандидатов в списке кандидатов политической партии и политической коалиции, предусматривающие своеобразные конструкции тройки, четверки или шестерки кандидатов, в каждой из которых чередуются два представителя одного пола (гендера), а третий — другого («тройка»), три представителя одного пола, а четвертый — другого («четверка»), либо в «пятерке» или «шестерке» кандидатов разногендерных представителей должно быть поровну.

В рамках модели расположения кандидатов в списке кандидатов в Армении новая редакция Избирательного кодекса ввела, в частности, гендерные квоты в списках кандидатов политических партий и политических коалиций (не менее 25% представителей одного пола) и чередование каждого четвертого кандидата соответствующего пола в списке кандидатов.

В Испании при проведении парламентских выборов в соответствии с законодательством в списках кандидатов политических партий, выдвигаемых в Палату депутатов — нижнюю палату парламента, в каждой пятерке кандидатов должно быть не менее двух кандидатов другого пола, а в списках кандидатов, выдвигаемых в Сенат — верхнюю палату, список кандидатов должен содержать максимально равное количество кандидатов-мужчин и кандидатов-женщин.

В Македонии в соответствии с законодательством при проведении парламентских выборов в списке кандидатов политической партии, политической коалиции должно быть не менее 40 процентов одного из политически наименее представленных гендеров (полов); на этой основе после каждой пары моногендерных кандидатов списка кандидатов политической партии, политической коалиции должен располагаться кандидат другого пола, при этом в каждой десятке кандидатов должен быть, как минимум, кандидат другого пола.

В Португалии прежнее законодательство закрепляло положение о наличии в списке кандидатов не менее 1/3 представителей одного из полов, при этом одни должны были чередоваться в пропорции два к одному, то есть два кандидата одного пола, один кандидат другого пола, два кандидата

одного пола и так далее (невыполнение указанных требований приводило к наложению финансовых санкций на политическую партию). Обновленное в 2019 году законодательство о выборах, смежное законодательство (например, Закон о равенстве 2006 года) предусматривают *повышенные* гендерные требования к списку кандидатов политической партии: в списке кандидатов должно быть не менее 40 процентов представителей одного из полов⁶, при этом обновленным законодательством также закреплено, что соответствующий гендерный представитель должен последовательно чередоваться в каждой тройке кандидатов списка кандидатов, то есть они должны чередоваться в пропорции два к одному (два кандидата одного пола, один кандидат другого пола); при этом вместо выбывшего кандидата его вакантное место должно быть предоставлено кандидату того же самого пола.

В Сербии при проведении 3 апреля 2022 года досрочных выборов 250 депутатов Скупщины — однопалатного парламента, в соответствии с обновленным законодательством в списках кандидатов политических партий должны быть не менее 40 процентов представителей другого пола (каждый третий представитель в списке — кандидат наименее представленного пола).

В отдельных государствах имеются особенности обеспечения гендерного представительства при распределении депутатских мандатов либо замещении вакантных депутатских мандатов (Албания, Сан-Марино, Франция, Черногория) — законодательство особо регулирует вопросы замещения вакантных депутатских мандатов с обязательным соблюдением требований гендерного критерия их замещения.

В Сан-Марино в соответствии с законодательством распределение депутатских мандатов между политическими партиями, политическими движениями производится с использованием метода Д'Ондта, при этом внутри списка кандидаты получают депутатские мандаты с учетом преференциальных голосов избирателей, отданных за каждого из них: в случае равенства преференциальных голосов избирателей депутатский мандат передается кандидату-женщине, затем — кандидату с наибольшим парламентским депутатским стажем, а затем — старейшему по возрасту кандидату.

В Албании в соответствии с законодательством вакантные депутатские мандаты замещаются кандидатом, следующим по порядку расположения в списке кандидатов той же самой политической партии, политической коалиции и того же самого пола (гендера), что и выбывший депутат. Таким образом, порядок замещения вакантного депутатского мандата принимает во внимание не столько очередность размещения кандидатов в списке, сколько

⁶ В апреле 2019 года в законодательство Португалии были внесены изменения, предусматривающие повышение уровня гендерного представительства в списках кандидатов политических партий, политических коалиций с 1/3 до 40%.

гендерную принадлежность кандидата (в отношении выбывшего депутата). На этой основе процесс замещения вакантных депутатских мандатов списка кандидатов политической партии, политической коалиции продолжается до полного исчерпания в списке кандидатов лиц соответствующей гендерной принадлежности. В случае отсутствия в списке такого лица вакантный депутатский мандат остается незамещенным до проведения очередных общих парламентских выборов.

Во Франции при проведении выборов в Сенат его члены избираются на *косвенных выборах* по мажоритарной либо пропорциональной части смешанной избирательной системы коллегиями выборщиков, образованными в каждом департаменте страны и иных территориальных образованиях. В соответствии с законодательством в списках кандидатов представителей одного из полов может быть больше только на одного кандидата, при этом в каждой шестерке кандидатов списка должно быть поровну кандидатов обоих полов (гендеров). Но если вакантным стал депутатский мандат наименее представленного в парламенте гендера, замещение этого мандата производится представителем данного гендера.

В Боснии и Герцеговине при проведении парламентских выборов местоположение кандидатов наименее представленного гендера в списках кандидатов законодательно не определяется, что позволяет политическим партиям и политическим коалициям располагать представителей соответствующего пола на так называемых непроходных (практически неизбираемых) местах в своих списках.

В Казахстане в соответствии с законодательством политическая партия наделена правом самостоятельного распределения полученных ею депутатских мандатов между кандидатами, включенными в список кандидатов, то есть в этих условиях порядок (очередность) расположения кандидатов в списке не является гарантией для получения кандидатом депутатского мандата в соответствии с указанным порядком расположения кандидатов в списке кандидатов и 30-процентной единой электоральной квотой представительства женщин и молодежи.

В Румынии закрепленное в законодательстве положение о том, что при проведении парламентских выборов в списках кандидатов политических партий, политических коалиций должно быть обеспечено присутствие представителей обоих полов без какого-либо дальнейшего указания на порядок их расположения в списке, на практике приводило к тому, что избирательные органы и суды по разному интерпретировали указанное законодательное положение, что, в свою очередь, оборачивалось неровным отношением к участникам парламентских выборов при регистрации списков кандидатов.

В отдельных государствах за нарушение гендерных квот для политических партий предусмотрены *меры ответственности*, прежде всего финансовая

ответственность (Албания, Ирландия, Португалия, Франция), либо, наоборот, предусмотрены *финансовые стимулы* (Грузия, Молдавия, Румыния). В некоторых странах законодательно закреплено положение о том, что несоблюдение гендерных требований (пропорций) в списке кандидатов политической партии и политической коалиции ведет к отказу в регистрации соответствующего списка кандидатов (Португалия).

В рамках модели ответственности за несоблюдение гендерных требований (пропорций) в списке кандидатов политической партии, политической коалиции в Албании в соответствии с прежним законодательством ЦИК Албании вправе был наложить на политические партии штрафные санкции за несоблюдение предусмотренных законодательством гендерных положений в отношении включения и размещения (чередования) кандидатов (мужчин и женщин) в списках кандидатов.

При проведении 25 апреля 2021 года очередных парламентских выборов законодательство по-прежнему предусматривало 30-процентную гендерную квоту при выдвижении списков кандидатов, а каждый третий кандидат в списке кандидатов должен был быть представителем наименее представленного пола. В соответствии с обновленным законодательством несоблюдение указанных положений являлось одним из оснований для отказа в регистрации списка кандидатов политической партии, политической коалиции (а не только наложения денежного штрафа, как это было предусмотрено прежним законодательством).

В Ирландии при несоблюдении политической партией указанной гендерной пропорции финансирование политической партии из государственного бюджета сокращается наполовину.

В Молдавии с 2019 года в соответствии с обновленным законодательством после проведения 24 февраля 2019 года парламентских выборов политические партии получают из государственного бюджета соответствующий объем денежных средств пропорционально числу избранных на парламентских выборах от соответствующей политической партии женщин и молодых депутатов.

В Португалии прежняя редакция законодательства предусматривала, что невыполнение гендерных пропорций в списке кандидатов приводит к наложению на политическую партию финансовых санкций, в частности, в виде понижения размера средств, выделяемых из государственного бюджета по результатам прошедших парламентских выборов, пропорционально объему несоблюдения политической партией требований о гендерном представительстве. Законодательно было закреплено, что при 50-процентном несоблюдении положений гендерного законодательства производится не более чем 20-процентное сокращение выделяемого политической партии объема средств из государственного бюджета, при 20–33-процентном

несоблюдении положений гендерного законодательства — 25-процентное сокращение.

В случае несоблюдения политической партией законодательного требования о порядке размещения кандидатов в списке кандидатов должно было производиться 50-процентное сокращение объема выделяемых бюджетных средств.

Обновленное законодательство предусматривает, что несоблюдение политической партией и политической коалицией законодательного положения об обеспечении гендерного представительства ведет *к отказу в регистрации списка кандидатов* (ранее, как указано выше, политические партии и политические коалиции могли принимать участие в парламентских выборах с «ущербными» в гендерном отношении списками кандидатов, с последующим наложением на них только финансовых санкций в виде понижения размера средств, выделяемых из государственного бюджета).

Во Франции при проведении парламентских выборов в соответствии с законодательством в случае, если политические партии не обеспечивают гендерный баланс в списках кандидатов, то государственное бюджетное финансирование соответствующей политической партии сокращается.

В рамках модели финансового стимулирования политических партий в части включения женщин в списки кандидатов в Грузии в соответствии с обновленным в преддверии проведения 31 октября 2020 года очередных парламентских выборов законодательством предусмотрено увеличение на 30 процентов государственного бюджетного финансирования для политической партии, имеющей на него право по результатам парламентских выборов, если в списке кандидатов *каждый третий кандидат — женщина* (в стандартном порядке — каждый четвертый кандидат — женщина).

В Молдавии политические партии и политические коалиции (избирательные блоки) получают ежегодное государственное бюджетное финансирование на основе результатов на предыдущих парламентских выборах и числа избранных женщин и молодежи⁷. Это финансирование может использоваться при проведении ими своей предвыборной агитации.

В Румынии в соответствии с законодательством политические партии, политические коалиции получают ежегодное государственное бюджетное финансирование на основе числа действительных голосов избирателей, полученных ими на предыдущих парламентских выборах. Кроме того они получают дополнительное государственное бюджетное финансирование с учетом числа женщин, избранных депутатами.

В некоторых государствах региона ОБСЕ, законодательство которых не закрепляет гендерные квоты при проведении парламентских выборов,

⁷ В 2021 году все политические партии должны были совокупно получить 20 707 070 леев.

тем не менее, предусмотрены финансовые стимулы для выдвижения политическими партиями большего числа кандидатов-женщин. В Люксембурге в 2016 году в законодательство о финансировании политических партий были внесены изменения, в соответствии с которыми предусматривались дифференцированные финансовые поощрения для политических партий, которые при проведении выборов 60 депутатов парламента включили в списки кандидатов не менее 24 кандидатов одного гендера (из максимального числа в 60 кандидатов, которых политическая партия могла включить в список кандидатов).

При этом политическим партиям, включившим в списки кандидатов не менее 24 кандидатов одного гендера, финансовое поощрение предоставляется в полном объеме, с последующим понижением его размера с учетом уменьшения числа зарегистрированных кандидатов одного гендера в списках кандидатов соответствующих политических партий.

III

В 16 государствах региона ОБСЕ законодательно предусмотрены гендерные квоты или их аналоги только при выдвижении участниками парламентских выборов списков кандидатов (Албания, Бельгия, Греция, Грузия — с 2020 года, Испания, Ирландия, Италия, Македония, Молдавия, Монголия, Португалия, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Финляндия, Франция). При этом законодательные модели обеспечения гендерного представительства в списках кандидатов имеют свои особенности, отражающие, в частности, не только национальные, но и электоральные особенности применяемой избирательной системы. Это находит свое отражение, в частности, в порядке замещения вакантных депутатских мандатов, наложении на политические партии финансовых санкций за несоблюдение требований законодательства об обеспечении гендерного представительства в списках кандидатов.

В Албании при проведении парламентских выборов 140 депутатов однопалатного парламента — Собрания (Кувенда), избираемого сроком на четыре года, применяется *региональная пропорциональная избирательная система*, в рамках которой образуется 12 многомандатных избирательных округов, совпадающих с административными границами 12 административных районов Албании. В соответствии с законодательством в парламентских выборах вправе принимать участие политические партии, политические коалиции, общественные организации (объединения), а также независимые кандидаты, выдвигаемые группами избирателей. Каждый участник парламентских выборов выдвигает и представляет в многомандатном избирательном округе «закрытый» («жесткий») список кандидатов.

В составе списка кандидатов политической партии, политической коалиции должно быть выдвинуто не менее 30 процентов представителей

одного пола, а в составе первых трех кандидатов списка один кандидат должен принадлежать к противоположному полу. Вакантные депутатские мандаты замещаются кандидатом, следующим по порядку расположения в списке кандидатов той же самой политической партии, политической коалиции и того же самого пола, что и выбывший депутат. Таким образом, порядок замещения вакантного депутатского мандата принимает во внимание не столько очередность размещения кандидатов в списке, сколько гендерную принадлежность кандидата (в отношении выбывшего депутата).

На этой основе процесс замещения вакантных депутатских мандатов списка кандидатов политической партии, политической коалиции продолжается до полного исчерпания в списке лиц соответствующей гендерной принадлежности. В случае отсутствия таких кандидатов вакантный депутатский мандат остается незамененным до проведения очередных общих парламентских выборов.

В Бельгии федеральный двухпалатный парламент (210 парламентариев) состоит из двух палат: Палаты представителей (нижняя палата — 150 депутатов) и Сенат (верхняя палата — 60 сенаторов).

При проведении выборов 150 депутатов Палаты представителей, избираемых на пять лет (ранее — на четыре года), применяется региональная пропорциональная избирательная система с преференциальным голосованием избирателей в рамках списков кандидатов, выдвигаемых фламандскими, валлонскими и немецкими лингвистическими политическими партиями в 11 многомандатных избирательных округах, образуемых в национально-государственных границах трех языковых регионов Бельгии как федерального государства.

Законодательство о выборах не запрещает политическим партиям представлять свои списки кандидатов для участия в выборах за пределами своих языковых электоральных регионов и предусматривает гендерные квоты для выдвижения списков кандидатов политических партий. В список кандидатов политической партии, политической коалиции должно быть включено *не менее 50 процентов представителей* одного из полов, при этом общая численность списка кандидатов не может превышать общего числа депутатских мандатов, подлежащих замещению в соответствующем многомандатном избирательном округе.

Вместе с тем законодательно допускается выдвижение отдельного списка так называемых резервных кандидатов. На этой основе дополнительные выборы не проводятся, а вакантный депутатский мандат подлежит замещению соответствующим резервным кандидатом (из числа кандидатов, включенных в вышеуказанный список резервных кандидатов).

В Греции при проведении выборов 300 депутатов однопалатного парламента — Палаты депутатов — сроком на четыре года, применяется пропорциональная избирательная система.

Законодательство о выборах предусматривает гендерные квоты в списках кандидатов политических партий, политических коалиций как на национальном уровне, так и на уровне избирательных округов: не менее 1/3 кандидатов (33%) в списках кандидатов политических партий, политических коалиций должно быть другого пола, в то же время местоположение таких кандидатов в списках кандидатов законодательно не определяется, что позволяет политическим партиям, политическим коалициям располагать представителями соответствующего пола на так называемых непроходных (неизбираемых) местах в своих списках кандидатов.

В Грузии в соответствии с принятыми в июле 2020 года законодательными поправками в Избирательный кодекс *каждый четвертый кандидат* в списке кандидатов политической партии, политической коалиции должен представлять наименее представленный гендер (пол); в прежнем законодательстве речь шла о каждом третьем из 10 кандидатов.

В соответствии с обновленным законодательством предусмотрено увеличение на 30 процентов государственного бюджетного финансирования для политической партии, имеющей право по результатам парламентских выборов на государственное финансирование, если в списке кандидатов *каждый третий кандидат — женщина* (тогда как в стандартном порядке — каждый четвертый кандидат — женщина)⁸.

На практике ни один из 22 зарегистрированных ЦИК Грузии списков кандидатов не предусматривал включение женщин в качестве каждого третьего кандидата.

В Ирландии учрежден двухпалатный парламент: Палата представителей (Доил) — нижняя палата (в настоящее время — 160 депутатов; до 2011 года — 166) и Сенат — верхняя палата (60 сенаторов).

Здесь в 2012 году законодательно были увеличены гендерные квоты: политическим партиям, политическим коалициям необходимо выдвигать не менее 30 процентов кандидатов-женщин или мужчин. С 2023 года указанные гендерные пропорции должны быть увеличены и доведены до 40 процентов. При несоблюдении политической партией указанной гендерной пропорции финансирование политической партии из государственного бюджета *сокращается наполовину*.

В Испании, согласно законодательству, в списках кандидатов политических партий, выдвигаемых в Палату депутатов, в каждой пятерке кандидатов должно быть не менее двух кандидатов другого пола, а в Сенате список кандидатов должен содержать максимально равное количество кандидатов-мужчин и кандидатов-женщин.

⁸ В соответствии с законодательством указанная 30-процентная надбавка должна была использоваться на развитие политической деятельности женского крыла политической партии.

В Италии при проведении парламентских выборов в соответствии с законодательством в списке кандидатов политической партии, политической коалиции кандидаты должны чередоваться по гендерному признаку, при этом представители одного пола не могут составлять более 50 процентов состава списка кандидатов в соответствующем избирательном округе. Кроме того, представители одного пола не могут занимать также более 60 процентов лидеров списков кандидатов политической партии, политической коалиции в соответствующем избирательном округе.

В Республике Северная Македония в соответствии с законодательством при проведении парламентских выборов в списке кандидатов политической партии, политической коалиции должно быть не менее 40 процентов одного из политически наименее представленных гендеров (полов); на этой основе после каждой пары моногендерных кандидатов списка кандидатов политической партии, политической коалиции должен располагаться кандидат другого пола, при этом в каждой десятке кандидатов должен быть, как минимум, кандидат другого пола.

Как отмечалось в итоговом отчете БДИПЧ ОБСЕ, в Молдавии «...Несколько существенных изменений в Кодекс о выборах, предложенных в 2014 году, после обширных консультаций и переговоров, не были приняты и остаются в парламенте, ожидая своего рассмотрения и утверждения. Эти изменения включают положения о политических партиях и финансировании предвыборных кампаний, *гендерные квоты для партийных списков...*».

Здесь законодательством не установлен порядок размещения (расположения) кандидатов по гендерному признаку в списках кандидатов политических партий, политических коалиций (избирательных блоков). Кроме того, в списках кандидатов политических партий, политических коалиций, выдвигаемых по одномандатным избирательным округам, также должны были быть включены не менее 40 процентов кандидатов-женщин.

Начиная с 2019 года, политические партии Молдавии имеют право на дополнительную государственную финансовую поддержку на основе численности избранных кандидатов-женщин и молодежи (в соответствии с законодательством молодежь определяется как граждане Молдавии в возрасте от 18 до 35 лет). Законодательством предусматривается ежегодное государственное финансирование политических партий в размере до 0,2 процента от общего объема государственного бюджета; при этом 40 процентов государственного финансирования предоставляется политическим партиям на основе результатов парламентских выборов, еще 40 процентов — на основе результатов местных выборов. 10 процентов бюджетных средств выделяется политическим партиям, соблюдающим гендерную квоту в размере как минимум 40 процентов кандидатов женского пола из общего числа кандидатов во всех одномандатных избирательных округах на парламентских

выборах; 5 процентов бюджетных средств выдается политическим партиям пропорционально численности женщин, фактически избранных в одномандатных избирательных округах; еще 5 процентов — политическим партиям пропорционально численности молодежи, избранной на парламентских и местных выборах.

В Монголии в мае 2016 года парламент внес соответствующие изменения в законодательство о выборах и осуществил переход к избранию депутатов Великого государственного хурала по 76 одномандатным избирательным округам по мажоритарной избирательной системе относительного большинства с 50-процентным участием избирателей в голосовании для признания кандидата избранным, то есть осуществил переход от смешанной (мажоритарно-пропорциональной) избирательной системы к мажоритарной избирательной системе относительного большинства.

При этом 30-процентная квота для обеспечения представительства в парламенте женщин, введенная в декабре 2015 года, в мае 2016 года была понижена до 20-процентной (такая же квота применялась при проведении парламентских выборов в 2012 г.).

При проведении 29 июня 2016 года парламентских выборов две ведущие политические партии (Демократическая партия и Монгольская народная партия) включили в списки кандидатов по одномандатным избирательным округам только 21 процент женщин, тогда как так называемые малые политические партии — значительно больше (до 44%). В целом в списки кандидатов политических партий были включены 129 женщин (26%); при этом в более чем одной трети избирательных округов не было выдвинуто ни одной женщины. Некоторые политические партии размещали женщин-кандидатов на заведомо неизбираемых местах списка кандидатов по одномандатным избирательным округам с тем, чтобы только соблюсти требование законодательства о 20-процентном представительстве женщин в парламенте при регистрации списков кандидатов.

В Португалии законодательство о выборах, иное законодательство (в частности, Закон о равенстве от 2006 года) предусматривают гендерные требования к списку кандидатов политической партии: в списке кандидатов должно быть не менее 1/3 представителей одного из полов (до 2019 года), при этом они должны чередоваться в пропорции два к одному, то есть два кандидата одного пола, один кандидат другого пола, два кандидата одного пола и так далее (невыполнение указанных требований приводит к наложению финансовых санкций на политическую партию).

Обновленное в 2019 году законодательство о выборах, смежное законодательство предусматривают *повышенные* гендерные требования к списку кандидатов политической партии: в списке кандидатов должно быть не менее 40 процентов представителей одного из полов, в то же время обновленным

законодательством закреплено, что соответствующий гендерный представитель должен последовательно чередоваться в каждой тройке кандидатов списка кандидатов, то есть в пропорции два к одному — два кандидата одного пола, один кандидат другого пола; при этом вместо выбывшего кандидата его вакантное место должно быть предоставлено кандидату того же самого пола.

При этом несоблюдение указанного законодательного положения ведет к отказу в регистрации списка кандидатов (ранее политические партии, политические коалиции могли принимать участие в парламентских выборах с «ущербными» в гендерном отношении списками кандидатов, с последующим наложением на них только финансовых санкций в виде понижения размера средств, выделяемых из государственного бюджета).

В Румынии закрепленное в законодательстве положение об обеспечении присутствия представителей обоих гендеров (полов) без какого-либо дальнейшего указания (уточнения) на порядок их расположения в списке кандидатов на практике приводило к тому, что избирательные органы и суды по разному интерпретировали данное законодательное положение; а это оборачивалось неравным отношением к участникам парламентских выборов при регистрации списков кандидатов.

Законодательство не предусматривает ясные санкции за несоблюдение участниками парламентских выборов указанного законодательного положения; нормы, регулирующие порядок расположения кандидатов в списках кандидатов политических партий, политических коалиций, а также агрегированные данные по указанным вопросам не являются публичными.

В Сан-Марино в состав Большого генерального совета — однопалатного парламента, избирается 60 депутатов. В соответствии с законодательством при проведении парламентских выборов в списке кандидатов должно было быть *не менее 1/3 (33%) представителей одного из гендеров*. Внутри списка кандидаты получают депутатские мандаты с учетом преференциальных голосов избирателей, отданных за каждого из них.

В случае равенства преференциальных голосов избирателей депутатский мандат передается кандидату-женщине, затем кандидату с наибольшим парламентским депутатским стажем и затем старейшему по возрасту кандидату. Наличие преференциального голосования избирателей и обязательное включение в список кандидатов политической партии, политической коалиции не менее 1/3 представителей одного гендера не приводит к автоматическому обеспечению пропорционального представительства женщин в депутатском корпусе (до уровня 33%).

В Сербии в мае 2021 года был принят Закон о гендерном равенстве, а 14 октября 2021 года правительство утвердило Национальную стратегию обеспечения гендерного равенства. В соответствии с обновленным законодательством в списках кандидатов политических партий должно быть

не менее 40 процентов представителей другого пола, при этом каждый *третий кандидат* в списке кандидатов должен быть представителем наименее представленного пола.

Отметим, что соблюдение гендерных квот в списках кандидатов распространяется только на представление в Республиканскую избирательную комиссию Сербии документов о выдвижении списков кандидатов для регистрации и не распространяется на последующие этапы избирательного процесса.

В Финляндии законодательство прямо не оговаривает электоральные гендерные квоты в списках участников парламентских выборов. Принятый в 2016 году Закон о равенстве между мужчинами и женщинами предусматривает *общеправовой критерий* обеспечения не менее чем 40-процентного представительства женщин в выборных институтах, в том числе в парламенте.

При проведении 14 апреля 2019 года очередных парламентских выборов ряд политических партий в рамках внутривыборных процедур в инициативном порядке включали женщин в списки кандидатов.

При проведении указанных выборов к распределению 200 депутатских мандатов были допущены представители 10 политических партий, преодолевших электоральные квоты в соответствующих многомандатных избирательных округах; депутатами была избрана 91 женщина (45,5%) (в 2015 году — 83 (40%)).

Во Франции учрежден двухпалатный парламент (915 парламентариев): Национальное собрание (577 депутатов) и Сенат (348 членов)⁹. Избирательный кодекс Франции не предусматривает гендерных квот при проведении выборов в Национальное собрание по одномандатным избирательным округам.

При проведении выборов членов Сената сенаторы избираются на *косвенных выборах* коллежиями выборщиков по мажоритарной либо пропорциональной части смешанной избирательной системы коллежиями выборщиков, образованными в каждом департаменте страны и иных территориальных образованиях. Кандидаты выдвигаются в порядке самовыдвижения или политическими партиями в составе списков кандидатов. В соответствии с законодательством в списках кандидатов представителей одного из полов может быть больше только на одного кандидата, при этом в каждой шестерке кандидатов списка должно быть поровну кандидатов обоих полов (гендеров).

В соответствии с законодательством при проведении парламентских выборов (косвенных выборов в Сенат) в случае, если политические партии

⁹ В соответствии с предложениями, разработанными в 2019 году в рамках подготовки к проведению во Франции конституционной реформы, предполагается сократить численность депутатского корпуса нижней палаты и сенаторского корпуса верхней палаты парламента.

не обеспечивают гендерный баланс в списках кандидатов, то государственное бюджетное финансирование соответствующей политической партии сокращается.

IV

В законодательстве 7 государств региона ОБСЕ предусмотрен пакет разнообразных квот для обеспечения парламентского представительства различных категорий населения — женщин, молодежи, лиц с ограниченными физическими возможностями, национальных меньшинств, общественных организаций (Армения, Босния и Герцеговина, Казахстан — с 2021 года, Киргизия, Польша, Словения, Черногория).

В целом, законодательное установление минимальных количественных «параметров» *гендерных квот* в списках кандидатов политических партий, политических коалиций при проведении парламентских выборов различается в государствах указанной группы:

- не менее 25 процентов (Армения);
- не менее 30 процентов (Киргизия, Черногория);
- не менее 30 процентов (Казахстан, с 2021 года в рамках *единой* квоты представительства женщин и молодежи в списках кандидатов политических партий, политических коалиций);
- не менее 35 процентов (Польша, Словения);
- не менее 40 процентов (Босния и Герцеговина);
- при замещении вакантного депутатского мандата наименее представленного в парламенте гендера замещение указанного депутатского мандата производится представителем данного гендера (Черногория).

При этом гендерные квоты в списках кандидатов политических партий, политических коалиций должны обеспечиваться на момент регистрации списков кандидатов, но не на этапе распределения депутатских мандатов по итогам голосования избирателей. Кроме того, законодательство не требует сохранения указанной квоты после регистрации списка кандидатов, что нивелирует эффективность мер, направленных на повышение уровня участия менее представленных гендерных групп в парламентском избирательном процессе.

В целом удельный вес женщин-парламентариев в государствах указанной группы варьируется, в том числе с учетом однопалатной или двухпалатной структур парламентов, и по результатам последних парламентских выборов составляет: 20,5 процента (Киргизия — однопалатный парламент), 26,2 процента — нижняя палата и 20 процентов — верхняя палата (Босния и Герцеговина), 27,2 процента (Черногория — однопалатный парламент), 27,4 процента — нижняя палата и 18,8 процента — верхняя палата (Казахстан), 28,3 процента — нижняя палата и 24 процента — верхняя палата (Польша),

28,9 процента — нижняя палата и 10 процентов — верхняя палата (Словения), 34,6 процента (Армения — однопалатный парламент).

В рамках модели электоральных пакетных квот, среди которых имеется и гендерная квота, в Армении законодательно предусмотрены два вида квот: гендерные — в списках кандидатов политических партий, политических коалиций, и квоты для обеспечения парламентского представительства четырех национальных меньшинств (езидов, русских, ассирийцев, курдов).

В соответствии с новыми положениями Конституции Армении 25 мая, затем 30 июня и 20 октября 2016 года в Избирательный кодекс Армении были внесены изменения (в формате новой редакции Кодекса), которые предусматривали, в частности введение *гендерных квот* в списках кандидатов политических партий, политических коалиций (не менее 25% представителей одного пола) и чередование каждого четвертого кандидата соответствующего пола в списке кандидатов.

При проведении 22 июня 2021 года досрочных выборов депутатов Национального собрания — однопалатного парламента замещению подлежало 107 депутатских мандатов, в том числе дополнительные четыре депутатских мандата — представителями национальных меньшинств.

Применялась новая избирательная система — пропорциональная избирательная система с использованием «жестких» списков кандидатов политических партий, политических коалиций, выдвигаемых по единому (национальному) избирательному округу и возможному проведению второго тура голосования избирателей между двумя политическими партиями, политическими коалициями с тем, чтобы обеспечить парламентское формирование стабильного правительства (на основе предоставления победившей политической партии, политической коалиции не менее 54% депутатских мандатов). При этом не менее 25 процентов кандидатов, включенных в список кандидатов политической партии, политической коалиции, должны были быть женщинами.

Депутатами была избрана 31 женщина (29,9%) от общего состава депутатского корпуса нижней палаты парламента (107 депутатов); с учетом последующего замещения вакантных депутатских мандатов — 37 женщин (34,6%) от общего состава депутатского корпуса парламента (107 депутатов).

В Боснии и Герцеговине законодательно также предусмотрены два вида квот: гендерные квоты в списках кандидатов политических партий, политических коалиций и квоты для обеспечения парламентского представительства трех государствообразующих народов (босняков, хорватов, сербов).

Законодательство предусматривает гендерные квоты в списках кандидатов на национальном уровне, а также на уровне избирательных округов. В соответствии с законодательными поправками 2014 года в списках кандидатов на выборах депутатов Палаты представителей — нижней па-

латы федерального парламента, должно быть не менее 40 процентов лиц малопредставленного пола. Местоположение таких кандидатов в списках кандидатов законодательно не определяется, что позволяет политическим партиям, политическим коалициям располагать представителей соответствующего пола на так называемых непроходных (неизбираемых) местах в своих списках кандидатов.

При проведении 7 октября 2018 года выборов из 42 депутатов Палаты представителей, депутатами были избраны 9 женщин (21,43%) от общего состава депутатского корпуса нижней палаты парламента (42 депутата); с учетом последующего замещения вакантных депутатских мандатов — 11 женщин (26,2%). Членами Палаты народов — верхней палаты, в феврале 2019 года избрали трех женщин (20%) от избранного общего состава верхней палаты парламента (15 членов). Совокупно в состав парламента вошли 12 женщин (21,05%) от общего состава парламентариев (57); с учетом последующего замещения вакантных мандатов — 14 женщин (24,5%).

В Казахстане при подготовке к проведению 10 января 2021 года очередных парламентских выборов в 2020 году были внесены законодательные поправки, предусматривающие, в частности, проведение выборов 98 депутатов (из 107) Мажилиса — нижней палаты парламента, по пропорциональной избирательной системе и общенациональному избирательному округу «закрытым» списком кандидатов, с введением *единой* 30-процентной квоты обеспечения представительства женщин и молодежи в списках кандидатов политических партий.

В этих условиях единая 30-процентная квота обеспечения представительства женщин и молодежи в списках кандидатов политических партий является обязательной для регистрации списка кандидатов политической партии и ее допуска к участию в парламентских выборах, но не является обязательной при распределении депутатских мандатов среди кандидатов в списке кандидатов политической партии.

При проведении 10 января 2021 года очередных парламентских выборов пять политических партий выдвинули списки кандидатов, в которые были включены 312 кандидатов, в том числе 90 женщин (28,8%, что на 20,1% больше, чем при проведении в 2015 году последних парламентских выборов)¹⁰. При этом политические партии использовали различные внутрипартийные процедуры выдвижения кандидатов для включения в списки кандидатов.

Так, политическая партия «Нур Отан» впервые провела внутрипартийные праймериз, в ходе которых были выдвинуты 77 кандидатов (из 126); другие политические партии использовали сочетание выдвижения кандидатов ре-

¹⁰ По результатам проведения прошлых парламентских выборов 25% избранных депутатов были женщины, кроме того, из 17 должностей акимов только одну должность акима занимала женщина, а на 22 должности министров назначены были только две женщины.

гиональными (областными и городскими) филиалами и центральных (республиканских) квот для своих списков кандидатов. В целом политическая партия «Нур Отан» выдвинула список кандидатов в составе 126 кандидатов, в том числе 37 женщин, Народная партия Казахстана — 113 кандидатов, в том числе 33 женщины, Демократическая партия Казахстана «Ак Жол» («Светлый путь») — 38 кандидатов, в том числе 12 женщин, Народно-демократическая патриотическая партия «Ауыл» («Село») — 19 кандидатов, в том числе четыре женщины, политическая партия «Адал» («Честность») — 16 кандидатов, в том числе четыре женщины (все политические партии соблюли законодательную гендерную квоту).

В целом, депутатами Мажилиса были избраны (с учетом последующего замещения вакантных депутатских мандатов) 29 женщин (21%) от общего состава депутатского корпуса (106). Членами Сената — верхней палаты, назначено и на косвенных выборах избраны (с учетом последующего замещения вакантных мандатов) 9 женщин (18,8%) от общего состава палаты (48 сенаторов).

В Киргизии при проведении выборов депутатов однопалатного парламента — Жогорку Кенеша, замещению подлежит 120 (ранее — 90) депутатских мандатов. Здесь законодательно предусмотрены четыре вида квот: по половой (гендерной) принадлежности в списках кандидатов, для представителей национальных меньшинств (узбеков, русских, дунган, уйгуров, таджиков и некоторых других — всего 13 национальных меньшинств), молодежи, женщин, лиц с ограниченными физическими возможностями.

В соответствии с законодательством политические партии должны гарантировать присутствие в списках кандидатов *представителям четырех категорий кандидатов*: не менее 30 процентов представителей одного из гендеров, не менее 15 процентов кандидатов, принадлежащих к национальным меньшинствам, не менее 15 процентов кандидатов в возрасте моложе 35 лет, а также включение в список кандидатов хотя бы двух лиц с ограниченными физическими возможностями (является новой квотой обеспечения представительства лиц с ограниченными возможностями в составе списка кандидатов). Законодательство закрепляет также порядок размещения кандидатов указанных четырех категорий в списке кандидатов политической партии, политической коалиции. Так, каждый четвертый кандидат в списке кандидатов должен быть представителем одного из гендеров.

При проведении в 2015 году парламентских выборов на момент регистрации в списках кандидатов были соблюдены указанные квоты¹¹. При

¹¹ При проведении указанных выборов, как отмечалось в Итоговом отчете БДИПЧ ОБСЕ, «на момент регистрации в списках кандидатов были соблюдены квоты по половой принадлежности, по наличию представителей национальных меньшинств, молодежи и людей с ограниченными возможностями, но не существует положения о соблюдении квот после регистрации, что подрывает их эффективность».

проведении 28 ноября 2021 года повторных парламентских выборов (в связи с тем, что результаты парламентских выборов, проведенных в октябре 2020 г., были признаны недействительными) ЦИК Киргизии зарегистрировала все политические партии (21), представившие списки кандидатов, а также 321 (из 381) кандидата, выдвинутого в одномандатных избирательных округах.

Все политические партии также соблюли квоты выдвижения. Общее количество зарегистрированных кандидатов в списках кандидатов политических партий составило 1036 человек, из них 372 женщины (36%), только 20 (6,5%) из которых были зарегистрированы в соответствующих одномандатных избирательных округах.

В Итоговом отчете БДИПЧ ОБСЕ отмечалось, что «отсутствие положений о сохранении квот после номинации снижает их эффективность». По итогам голосования избирателей депутатами были избраны (с учетом последующего замещения вакантных депутатских мандатов) 18 женщин (20,5%) от общего состава депутатского корпуса парламента (88 депутатов).

В Польше парламент является двухпалатным (560 парламентариев): Сейм — нижняя палата (460 депутатов) и Сенат — верхняя палата (100 сенаторов), которые избираются на *четыре года*.

В этой стране законодательно предусмотрены два вида квот: гендерные квоты в списках кандидатов политических партий, политических коалиций и квоты для обеспечения парламентского представительства девяти национальных меньшинств (армян, белорусов, евреев, литовцев, немцев, русских, словаков, украинцев, чехов).

В соответствии с законодательством предусмотрены *гендерные квоты* в списках кандидатов участников парламентских выборов: не менее 35 процентов кандидатов должны быть женщинами.

Законодательство (Избирательный кодекс Польши как консолидированный нормативно-правовой акт, принятый 5 января 2011 года) не регулирует вопрос о порядке расположения кандидатов-женщин в списке кандидатов политических партий, политических коалиций, оставляя его решение на усмотрение непосредственных участников парламентских выборов. Списки кандидатов политических партий, политических коалиций являются «открытыми» и в рамках преференциального голосования избирателей порядок расположения кандидатов-женщин в указанных списках не всегда является гарантией для их избрания в соответствующую палату парламента.

При проведении 13 октября (воскресенье) 2019 года очередных выборов депутатами Сейма было избрано 130 женщин (28,3%) от общего состава депутатского корпуса нижней палаты парламента, — 460 депутатов

Хотя во всех списках кандидатов была соблюдена 30-процентная квота на половую принадлежность, после выбытия кандидатов после дня голосования среди членов нового парламента оказалось лишь 20 процентов женщин».

(в 2007 году — 92, в 2011 году — 112). Членами Сената было избрано 24 женщины (24%) от общего состава верхней палаты парламента — 100 сенаторов. Совокупно в состав парламента избрано 154 женщины (26%) от общего состава парламентариев (560).

В Словении при проведении выборов 90 депутатов фактически однопалатного парламента — Государственного собрания, сроком на четыре года применяется смешанная избирательная система, в рамках которой 88 депутатов избираются по пропорциональной избирательной системе с открытыми списками кандидатов и 4-процентным заградительным барьером в восьми многомандатных избирательных округах (по 11 депутатов) и с избранием еще двух депутатов непосредственно представителями итальянского и венгерского национальных меньшинств по мажоритарной избирательной системе с использованием преференциального голосования.

При проведении выборов в нижнюю палату парламента законодательно предусмотрены два вида электоральных квот: гендерные квоты в списках кандидатов политических партий, политических коалиций и квоты для обеспечения парламентарского представительства двух национальных меньшинств (венгров и итальянцев); при проведении косвенных выборов в Государственный совет, являющийся совещательным органом, представляющим социальные, экономические, деловые, профессиональные и местные интересы, и фактически второй палатой парламента, состоящего из 40 членов (советников). Общественными организациями для представительства профессиональных интересов работодателей, наемных рабочих, крестьян, ремесленников и лиц свободных профессий, работников непроизводственной сферы избирается соответствующее число советников (членов).

В соответствии с законодательством при проведении выборов депутатов Государственного собрания в списки кандидатов политических партий, политических коалиций должны были быть включены не менее 35 процентов кандидатов одного пола¹². Данная гендерная квота не применяется к спискам кандидатов, состоящим из трех человек: в этом случае один из кандидатов

¹² Гендерные квоты впервые были введены при проведении в 2004 году выборов депутатов Европейского парламента от Словении. В 2005 году гендерные квоты были введены при проведении муниципальных выборов. С 2006 года при выдвижении кандидатов политических партий, политических коалиций должны были включать в свои списки кандидатов не менее 25% женщин. При проведении 21 сентября 2008 года парламентарских выборов законодательные положения о гендерной квоте впервые подлежали применению; при этом первоначально установленная применительно к данным выборам 25-процентная гендерная квота, затем, при проведении парламентарских выборов в 2012 году (а также последующих парламентарских выборов), была увеличена до 35%.

Тем не менее наблюдается всплеск роста представительства женщин в депутатском корпусе Государственного собрания (после введения в 2006 году квоты представительства женщин в списках кандидатов политических партий, политических коалиций): в 2000 году — 12 женщин (13,33%), в 2004 году — 11 женщин (12,22%), в 2008 году — 12 женщин (13,33%), в 2012 году — 29 женщин (32,22%), в 2017 году — 25 женщин (27,78%), т.е. рост составил 14,45%; общий состав депутатского корпуса Государственного собрания — 90 депутатов.

должен быть другого пола. На списки кандидатов, выдвинутые группой избирателей, квотные гендерные требования также не распространяются.

При проведении 3 июня 2018 года очередных парламентских выборов в Конституционный суд Словении были поданы две жалобы на якобы допущенные нарушения права быть избранным в связи с отказом соответствующей избирательной комиссии зарегистрировать список кандидатов политической партии, который не отвечал требованиям о включении в него не менее 35 процентов кандидатов одного пола, и не предоставлением политической партии возможности произвести в списке кандидатов устранение допущенного отступления (Суд отклонил жалобу).

При проведении указанных выборов депутатами были избраны 25 женщин (27,78%) от общего состава депутатского корпуса Государственного собрания (90 депутатов); с учетом последующего замещения вакантных депутатских мандатов – 26 женщин (28,9%). Совокупно в состав парламента вошли 30 женщин (23%) от общего состава парламентариев (130).

В Черногории при проведении выборов 81 депутата однопалатного парламента – Скупщины, на четырехлетний срок применяется пропорциональная избирательная система в рамках единого (национального) избирательного округа с использованием закрытых («жестких») списков кандидатов и обязательного квотного парламентского представительства интересов национальных меньшинств.

Здесь законодательно предусмотрены два вида депутатских квот: гендерные квоты при замещении вакантных депутатских мандатов в списках кандидатов политических партий, политических коалиций и квоты для обеспечения парламентского представительства национальных меньшинств.

В список кандидатов политической партии, политической коалиции должны войти не менее 30 процентов кандидатов наименее представленного гендера, при этом законодательство устанавливает порядок чередования гендерных кандидатов: в каждой четверке кандидатов должно быть не менее одного кандидата другого пола.

Внутри списка кандидатов депутатские мандаты распределяются в соответствии с порядком расположения кандидатов в списке кандидатов, в том числе при замещении вакантных депутатских мандатов, с соблюдением требований об обеспечении гендерного представительства.

При проведении в августе 2020 года очередных парламентских выборов депутатами было избрано (с учетом последующего замещения вакантных депутатских мандатов) 22 женщины (27,2%) от общего состава депутатского корпуса парламента (81 депутата).

А.И. ПЕТРЕНКО

ТЕХНОЛОГИИ ОТРАЖЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ АТАК

***Аннотация.** Статья посвящена анализу современного состояния информационно-психологических операций в отношении России. Дается анализ объектов и каналов воздействия. Предлагаются технологии наступательных и защитных операций, направленных на нейтрализацию замыслов организаторов информационной войны против России. Даются предложения по противодействию влиянию информационных атак на сознание различных страт российского общества.*

***Ключевые слова:** информационно-психологические операции, наступательные операции, защитные операции, фейки, методы психологического воздействия.*

TECHNOLOGIES TO REPEL INFORMATION ATTACKS

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the current state of information and psychological operations in relation to Russia. The analysis of objects and channels of influence is given, technologies of offensive and defensive operations aimed at neutralizing the plans of the organizers of the information war against Russia are proposed. Proposals are given to counteract the influence of information attacks on the consciousness of various strata of Russian society.*

***Keywords:** information and psychological operations, offensive operations, protective operations, fakes, methods of psychological influence.*

Анализ современного международного информационного поля вызывает весьма сильную тревогу, вызванную тем количеством откровенной и завуалированной лжи, которая подобно тропическому ливню льется на головы людей практически по всему миру.

Манипулирование как общественным, так и индивидуальным сознанием стало носить системный, широкомасштабный и технологичный характер. Все это происходило и раньше, но в то время возможности для столь широкого, быстрого и неконтролируемого воздействия были ограничены. Интернет открыл гораздо более широкие горизонты для продвижения любой информации в любых масштабах и в рекордно короткое время. Информационно-психологические войны перешли на качественно и технологически новый уровень.

ПЕТРЕНКО Анатолий Иванович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры методики воспитания и дополнительного образования АСОУ, г. Москва

Мало кто сегодня не знает определения такого явления как «фейк». Фейк (англ. fake — подделка, фальшивка, обман, мошенничество) — что-либо ложное, недостоверное, сфальсифицированное, выдаваемое за действительное, реальное и достоверное с целью ввести в заблуждение. Именно такое определение фейку дают многие источники.

Фейки направлены на манипулирование сознанием людей, посредством формирования определенных мемов, их закрепления и рефлексивного управления поведением людей. Структуру информационно-психологических операций с использованием фейков условно можно представить следующим образом:

воздействие прежде всего на эмоции, что позволяет в значительной степени блокировать рациональность сознания;

блокировка рационального сознания делает возможным игнорирование отсутствия фактуры и доказательности в содержании фейков;

выстраивание фейков в цепочку, когда каждое новое сообщение базируется на предыдущем (принцип сериала);

выстраивание фейков в шеренгу — демонстрация того, что людей, которые думают аналогичным образом весьма много.

Многократное повторение одного и того же — один из пропагандистских постулатов Й. Геббельса, который утверждал, что многократно повторенная ложь в умах людей становится иллюзией правды.

Обилие интригующих деталей призвано вызвать повышенный интерес к информации, содержащейся в фейке и побудить «проглотить» его, не подвергая скрупулезному анализу.

Ссылки на авторитеты — старый прием, когда идут указания на якобы высказывания авторитетных людей без упоминания реальных источников или фразы вырываются из целостного контекста.

Распространение через наиболее популярные соцсети дает возможность оперативного и масштабного охвата аудитории.

На сегодняшний день ситуация в информационном поле обострена до предела. Нападки на Россию идут широким фронтом и практически по всем направлениям. Ведется массированная обработка общественного мнения в России, на Украине и во многих иных странах. В России основной вектор воздействия — вызвать резкое несогласие с действиями власти у граждан, сформировать волну возмущения и на этом фоне создать новую пятую колонну. На Украине — разжигание ненависти к России и русским, влекущее за собой возможную организацию мощного протестного антироссийского движения. В других странах — продолжение нагнетания русофобии, через которую проще оправдать удар по своему населению введенными против России санкциями.

Несмотря на значительное упущение инициативы в информационной войне, Россия еще в состоянии переломить ситуацию. Для этого нужна разработка и осуществление программы информационного противодействия

нападкам на Россию. Эта информационно-психологическая операция должна резко расширить ареал контрдифамационных атак в информационном поле, бить по наиболее значимым, информационно и психологически выгодным направлениям. Воздействие должно быть сегментировано по возрастным, социальным, национальным и религиозным стратам.

Основная ориентация такого воздействия — все граждане России. Передачи на эти темы должны строиться так, чтобы люди не выключали их из-за непонятного содержания, многословия, пустословия и тому подобного, а с интересом смотрели и слушали от начала до конца.

Необходимо на несколько порядков увеличить общение с молодежью через социальные сети, поскольку телевидение она практически не смотрит. Причем в соцсетях не только нужно разоблачать вредоносные фейки, но и атаковать фейкометчиков, компрометируя их информацию.

Отдельное направление этой операции — жители Украины. Здесь важно также сегментировать информационное воздействие. Во-первых, необходимо сохранить и увеличить число жителей Украины, положительно относящихся к действиям России, во-вторых, усилить воздействие на тех, кто утратил доверие к нам, в-третьих, на тех, кто крайне враждебно настроен в отношении России. Необходимо резко активизировать информационные атаки, направленные на дискредитацию и компрометацию украинского руководства, на освещение действий нацбатальонов против мирного населения Украины, чаще давать интервью с военнопленными и наемниками, доводить до населения добытые документы командования ВСУ и других силовых структур, в которых раскрываются реальные планы руководства Украины в отношении мирных жителей Донецкой и Луганской республик.

Для этого необходимо наладить теле- и радиовещание в населенных пунктах Украины, через которые донести до сведения людей перечисленную выше информацию.

Наладить оперативную подготовку материалов на указанную выше тематику и немедленный их запуск в соответствующие социальные страты. Комментарии, сопровождающие эти материалы, должны готовиться специалистами по информационно-психологическим операциям, поскольку журналистские комментарии не всегда решают поставленную задачу должным образом.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в связи с ситуацией на Украине четко сегментировались основные направления и цели информационно-психологических операций.

* * *

На данном этапе развития событий классификация фейков по направленности воздействия может иметь следующую структуру:

- фейки, ориентированные на жителей Украины;
- фейки, ориентированные на жителей других стран;
- фейки, ориентированные на жителей России.

Несколько иначе выглядит классификация фейков по целям:

- доведение населения Украины до истероидной русофобии, перерастающей в русоненависть;
- разжигание ненависти к России у населения европейских и других стран;
- формирование у жителей России негативного отношения к спецоперации.

Выделим наиболее значимые факторы, определяющие успешность нейтрализации целей психологических операций [1; 2; 3].

Прежде всего — это отлаженная система мониторинга информационного пространства для своевременного выявления признаков информационной интервенции и ее направленности на конкретные мишени на начальной стадии реализации психологических операций.

Выявление наиболее уязвимых мест в информационном воздействии дает возможность оперативно разработать контрдифамационную программу для нейтрализации негативных последствий психологических операций.

Оперативность принимаемых решений по реализации такой программы, а иногда и коррекции некоторых ее положений в зависимости от того, как будет развиваться ситуация, во многом предопределяет успешность противодействия информационным атакам.

Быстрота реакции и согласованность в действиях всех участников планируемой операции, отсутствие многоуровневой координации и согласования принимаемых решений также играют важную роль. К сожалению, сложившаяся практика, когда каждый участник такой операции обязан получать одобрения действий у своего начальника, который, как правило, не посвящен во все ее детали и далеко не всегда может принять адекватные решения. Специалисты, включенные в рабочую группу по разработке и реализации комплекса мероприятий по дискредитации замыслов психологических операций, должны иметь на время этой работы только одного руководителя, с которым и согласовываются любые предложения.

Важным фактором, обеспечивающим успех по нейтрализации замыслов организаторов психологических операций, является и неординарность принимаемых решений, и отход от стереотипов мышления. Чем креативнее будут идеи каждого члена такой группы, тем больше шансов на успех. Практика показала, что нередко нелепое на первый взгляд предложение при тщательном анализе может стать основой неординарного решения. Именно такие решения способны вызвать дезорганизацию у разработчиков и исполнителей информационно-психологических атак.

И, наконец, еще один фактор, без которого успех в обсуждаемом нами направлении невозможен: это своевременное разоблачение ложных сведений и подача правдивой информации. Важно также учитывать то, какие информационные каналы задействуют авторы психологических операций,

которые должны занимать доминирующий удельный вес в проводимых контрдифамационных программах.

События последнего времени показывают, что доведение такой информации только через СМИ и ресурсы Интернета может быть не всегда эффективно. Нередко возникает необходимость вступления в непосредственный контакт с оппонентами для передачи им необходимой информации, для ответа на их вопросы и так далее.

Функционеры, с одной стороны, не готовы к разговору с оппонировающей аудиторией, а с другой — просто боятся выходить к народу. Совершенно очевидно, что агитировать надо не сторонников, а сомневающихся и заблуждающихся, что требует специальной подготовки. Если ее не начинать сегодня, то завтра может оказаться поздно.

* * *

Необходимо более подробно остановиться на технологии активного противодействия информационно-психологическим операциям, оказываемым извне.

Можно выделить три основных типа операций противодействия: наступательные (или проактивные), которые выражаются в форме информационных операций, атак и вбросов в отношении противника; защитные (или реактивные) операции, суть которых заключается в реагировании на информационные операции, атаки и вбросы противника; и смешанные¹.

В *наступательных операциях* в отношении противника осуществляется воздействие с целью дестабилизировать или ослабить его. Можно выделить основные объекты воздействия:

- информационное поле противника;
- высшее политическое руководство противника;
- органы управления различного уровня;
- внешнеполитическая деятельность противника;
- внутривполитическая деятельность противника;
- конкретные социумы в стране противника;
- союзники противника.

Для оказания эффективного воздействия целесообразно задействовать следующие каналы:

- электронные и печатные СМИ;
- ресурсы социальных сетей;
- лидеры общественного мнения внутри страны;
- зарубежные лидеры общественного мнения;
- оппоненты правящей элиты.

Технология наступательной операции может выглядеть следующим образом: осуществляется единичный информационный вброс, который

¹ В данном разделе использованы совместные наработки с А.В. Манойло и К.С. Стригунова.

выступает катализатором широкого распространения контента, содержащегося в первичном вбросе; такой вброс целесообразнее осуществлять легендированно (под чужим флагом), что позволит избежать негативной и агрессивной реакции на него; можно также использовать серию подобных вбросов, осуществляемых в разное время и через разные информационные каналы. Такая технология может дать следующие результаты:

- компрометация/дискредитация противника (пример: снижение шансов выиграть выборы, создание внутривнутриполитического кризиса);
- влияние на общественное мнение противника сообразно целям и задачам организаторов наступательных операций;
- внесение расколов и раскола в деятельность противника и его союзников;
- запуск социальной дестабилизации внутри противника (провоцирование протестных групп);
- перенаправление части ресурсов противника на решение вышеуказанных проблем и уменьшение ресурса, направленного против России;
- демонстрация противнику наших возможностей, (а)симметричных действий в ответ на его действия, что призвано оказать на него сдерживающий эффект.

В *защитных операциях* осуществляется отражение информационных атак и вбросов противника, которые он проводит в отношении России.

Объектами воздействия этих атак могут быть:

- высшее политическое руководство России;
- органы государственного управления различного уровня;
- внешнеполитическая деятельность российского руководства;
- внутривнутриполитическая деятельность российского руководства;
- социальные страты России: молодежь, интеллигенция, этнические группы и прочие;
- союзники России;
- бизнес-партнеры России.

Цели воздействия информационных атак противника можно классифицировать следующим образом:

- СМИ (иностранские и СМИ-иноагенты в России);
- сетевые ресурсы, включая социальные сети, блогеров и прочее;
- наднациональные структуры;
- правительственные структуры иностранных государств;
- спецслужбы иностранных государств;
- неправительственные и некоммерческие организации;
- зарубежная российская олигархическая диаспора.

Технология защитной операции может выглядеть как борьба с информационными атаками с использованием фейков через их отражение. При этом необходимо соблюдение условий, позволяющих обеспечить эффективность защитной операции:

- максимальная скорость отражения через использование антифейков и ввода их в информационное пространство;
- антифейк должен обладать сопоставимым по мощности с фейком информационным резонансом;
- антифейк должен быть направлен на те же социальные страты, против которых направлен фейк;
- тщательно подобранное содержание антифейка, чтобы он не был бесполезным и тем более не усиливал деструктивное воздействие фейка.

Такая технология может дать следующие результаты:

- отражение создаваемых противником фейков с любым содержанием;
- оперативный перехват информационной повестки;
- снижение уровня эскалации в обществе и протестного потенциала;
- экономия ресурсов — деэскалация в информационно-психологической сфере гораздо менее затратна, чем подавление вспыхнувших протестов с помощью полиции и Росгвардии;
- косвенные эффекты по типу усиления среди населения настроений с поддержкой действий властей, направленных против вмешательства извне в дела России;
- репутационные плюсы — власть демонстрирует способность справляться с внешним вмешательством.

Особое место в системном отражении информационных атак занимает организация работы по нейтрализации их деструктивного воздействия на молодежь. Смысл состоит в необходимости создания антидиффамационного контента для последующего его распространения с максимально широким охватом молодежной среды. Реализация данной технологии может быть успешной, если:

комбинация аналитических докладов, статей и интервью вместе с системой сетевого распространения, развенчивающей информационные атаки противника, будет подана в максимально доступном и привлекательном для молодежи виде, — создание мини-роликов в TikTok, видеоконтента на YouTube и Rutube каналах, в Telegram, других социальных сетях и мессенджерах;

реализация подхода, который даст возможность осуществлять работу по воздействию на молодежную социальную среду по двухуровневой схеме, в которой первый уровень (технологический) — это создание и распространение вирусно-сетевым способом антидиффамационной и демобилизационной информации в молодежной среде, особенно той, которая с наибольшей вероятностью может быть вовлечена в беспорядки с динамикой перерастания в антиправительственные насильственные действия; на втором уровне (идеологическом), функционирующем для представителей молодежи, которым недостаточно информации в контенте первого уровня, создается более развернутый контент в докладах, статьях, передачах и интервью с участием экспертов и тому подобное.

Основные отличия данного контента от тяжеловесных текстов, нудных и заумных разговоров состоят в том, что он:

– гораздо проще для восприятия именно в молодежной среде и вместе с этим более интересен;

– действует по принципу постоянно жалящего пчелиного роя, когда создается непрерывный поток коротких видеороликов, подкастов и сообщений с конкретным и грамотно выверенным антидиффамационным содержанием в доступном и интересном для молодежи виде;

– создает эффект перманентного воздействия на информационную среду, причем именно в молодежной среде, как наиболее пассионарной и мобильной, которая и является целью противника;

– создает потенциал для технологии адаптивного информационного воздействия, когда можно уменьшать или увеличивать количество контента, а также повышать или понижать его градус экспрессии в отношении противника в зависимости от конкретной ситуации и обстоятельств.

Такая технология может дать следующие результаты:

- создаются условия для переубеждения представителей молодежи (кого возможно) и отрыва их от радикализма;
- способствует переводу части молодежи в пассивный режим (т.е. чтобы они разочаровались в своих кумирах — лидерах оппозиции, и т.п.), а значит, их деактивации, что потенциально исключит их из числа лиц, участвующих в массовых беспорядках;
- дерадикализация некоторой части молодежи, представители которой изначально намеревались осуществлять те или иные насильственные действия;
- демобилизация части потенциальных протестных групп, что способствует уменьшению мобилизационного потенциала агрессивной молодежи и в целом снизит степень радикализма в молодежной среде.

Смешанные операции (их можно назвать и активными контроперациями) в основном направлены на обвинение противника в атаках (реальных или мнимых), в том числе в киберпространстве, и создание вокруг этого широкого общественного резонанса с целью обвинить противника во вмешательстве во внутренние дела России. Реализация этих операций открывает масштабные возможности для проведения контропераций в информационно-психологической сфере в отношении противника.

Данные (контр)операции можно проводить сколь угодно долго, по любому поводу, будь то выборы или иные важные для общественно-политической жизни России события. Они дают возможность сначала создать прецедент (фиксировавшиеся ранее кибератаки), а затем использовать его в проактивном (наступательном) режиме в отношении противника.

Эти операции могут быть направлены и на создание информационно-смысловых мемов по типу «США — киберагрессор», «атаки со стороны США», «нападение США», «США — кибертеррорист», «американская

киберагрессия» тому подобное. Закрепленные за противником мемы с негативной коннотацией можно использовать в будущем для защиты российской институциональной системы неограниченное число раз.

Кроме того проведение этих операций может способствовать постепенному формированию в сознании граждан России все большей невосприимчивости к разного рода антироссийским вбросам со стороны противника.

Список литературы

1. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. М.: Горячая линия-Телеком, 2021. 636 с.
2. Манойло А.В., Петренко А.И., Рожин Б.А., Стригунов К.С. Фейки: анатомия лжи / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Б.А. Рожин, К.С. Стригунов. М.: Горячая линия-Телеком, 2021. 384 с.
3. Манойло А.В., Стригунов К.С., Безвербный В.А. Фейки, вбросы, государственные перевороты и демографические войны / А.В. Манойло, К.С. Стригунов, В.А. Безвербный. М.: Горячая линия-Телеком, 2021. 408 с.
4. Фараго Л. Война умов. Анализ шпионажа и разведки / Л. Фараго. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 304 с.
5. Fraser, L. (1957). Propaganda. Oxford: Oxford University Press.

ЗАПАДНАЯ «ГИБРИДНАЯ ВОЙНА» И КИТАЙСКАЯ «НЕОГРАНИЧЕННАЯ ВОЙНА»: ПОЯВЛЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

***Аннотация.** Авторами, которые ввели термин «гибридная война» в научный оборот в 1990-х годах, были американские военные специалисты. Концепция гибридной войны является результатом длительной эволюции военной теории и практики. Одной из базовых теорий, на которой основывается данная концепция, является неограниченная война, отражающая видение китайскими военными современных войн и способов их ведения. Фрэнк Г. Хоффман, американский классик теории гибридных угроз, был знаком с китайским подходом и неоднократно упоминал работу «Неограниченная война», авторами которой являются офицеры Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Цяо Лян и Ван Сянсуй. В отечественной политической науке китайский подход не привлек такого интереса исследователей, как западный, однако его понимание не менее важно для осознания гибридных угроз и обеспечения национальной безопасности России.*

***Ключевые слова:** гибридная война, неограниченная война, национальная безопасность, современные конфликты, гибридные угрозы.*

WESTERN «HYBRID WARFARE» AND CHINESE «UNRESTRICTED WARFARE»: THE EMERGENCE, THE CONTENT AND THE CORRELATION OF THE CONCEPTS

***Annotation.** American military experts were the authors who introduced the term «hybrid warfare» into scientific circulation in the 1990s. The concept of hybrid warfare is the result of a long evolution of military theory and practice. One of the basic theories on which this concept is based is unrestricted warfare, which reflects the Chinese military's vision of modern wars and how to wage them. Frank G. Hoffman, an American classic of hybrid threat theory, was familiar with the Chinese approach and repeatedly referred to the work «Unrestricted warfare» by PLA officers Qiao Liang and Wang Xiangsui. In domestic political science, this approach has not attracted such interest from researchers as Western ones, but understanding the Chinese concept is no less important for understanding hybrid threats and ensuring Russian national security.*

***Keywords:** hybrid warfare, unrestricted warfare, national security, modern conflicts, hybrid threats.*

Термин «гибридная война» уже стал привычным: сегодня его употребляют не только ученые и военные специалисты, но и политики для описания окружающей действительности [3; 10; 11]. Такое название современной форме международных конфликтов было присвоено американцами в конце XX – начале XXI веков. Существует не одна версия о том, кто первым публично озвучил данный термин. Некоторые исследователи считают таковым Тома Мокайтиса [16; 39; 42], другие – Уильяма Дж. Немета [2; 19; 33], но большинство сходится во мнении, что именно Фрэнк Г. Хоффман стал «отцом-основателем» концепции «гибридной войны» и закрепил сам термин, дав ему определение и охарактеризовав ключевые черты нового типа угрозы [1; 9; 13; 14].

* * *

Американский военный историк Том Мокайтис использовал термин «гибридная война» в своей работе 1995 года для описания событий индонезийско-малайзийской конфронтации 1960-х годов. Мокайтис отмечал, что в ходе конфликта применялось сочетание традиционных военных и невоенных методов ведения боевых действий: подразделения Особой воздушной службы, пограничные разведчики (Border Scouts) и новые технологии (вертолеты). Исходя из данных обстоятельств он охарактеризовал тот вооруженный конфликт как «гибридную войну» [37, с. 16, 142].

В 2002 году Уильям Дж. Немец писал, что контртеррористические операции на территории Северо-Кавказского региона имели гибридный характер. Чеченские бандформирования применяли не только военные средства, но и проводили психологические и информационные операции [38, с. 57–59], использовали тактику партизанской войны, вовлекали гражданских лиц, обращались к религии для укрепления боевого духа и получения поддержки извне и от местного населения, убивали и похищали людей, привлекали зарубежных террористов в свои ряды, добывали и продавали полезные ископаемые [38, с. 61–62]. Немец в своей работе не уделяет должного внимания роли иностранных наемников, прибывших в республику, причинам появления международных террористических формирований, источникам финансирования их противоправной деятельности. Он пишет: «Однако, за исключением Хаттаба и небольшого отряда вокруг него, иностранные боевики представляются довольно незначительной частью повстанческого движения» [38, с. 62]. Штаб объединенной группировки сил на Северном Кавказе на протяжении всей кампании сообщал об уничтожении хорошо вооруженных и подготовленных наемников из 52 стран: Саудовской Аравии, Турции, Пакистана, Иордании, Йемена [4; 6; 15, с. 46] так далее. Факты получения боевиками денег от зарубежных спонсоров и общественных организаций подтверждаются многими отечественными и зарубежными

специалистами [5; 12, с. 95–196; 18, с. 55]. Также Немет использует слова «чеченцы»/«Чечня» и «русские» для описания акторов, что некорректно: не все боевики имели чеченское происхождение, не все уроженцы Чеченской Республики принимали участие в боевых действиях, федеральные войска не состояли целиком из этнических русских. С этим упрощенческим, но плотно засевшим в головах многих пониманием ситуации уже не одно десятилетие борется российская власть и чеченский народ [7; 8]. Таким образом, взгляд американского исследователя на события в Чечне является односторонним. Немет делает вывод о том, что сочетание разнообразных средств ведения боевых действий позволяет говорить о новой парадигме ведения войны, то есть о «гибридной войне».

Ф.Г. Хоффман — офицер американской армии в отставке, военный аналитик и консультант по вопросам национальной безопасности [20]. Он является автором ряда работ, посвященных изменениям в области военной теории и практики, вызванным появлением новых типов войн [24; 25; 28; 41]. Рассмотрим некоторые из них, ставшие основой для формирования концепции «гибридной войны».

В 2005 году появилась совместная работа Фрэнка Хоффмана и Джеймса Нормана Мэттиса, генерала морской пехоты ВС США. В ней авторы выступают за сохранение традиционных боевых возможностей для ведения классической войны, но также подчеркивают, что будущие конфликты включают в себя и терроризм, повстанческие движения, неограниченную войну, партизанские операции. «Мы сталкиваемся ... с комбинацией новых подходов — слиянием различных способов и средств ведения войны. Этот беспрецедентный синтез мы называем гибридной войной» [36, с. 18], — пишут они. Новые войны невозможно будет выиграть, опираясь лишь на технологии и материальную базу, так как теперь психологические и информационные операции становятся в один ряд с военными сражениями. В таких войнах могут успешно воевать хорошо обученные экспедиционные силы. Корпус морской пехоты США, по мнению специалистов, мог бы стать передовым и эффективным в современной обстановке подразделением, так как он может оперативно реагировать на угрозы разного характера. Морские пехотинцы — наиболее подходящие подразделения для таких войн, должны также обладать высоким уровнем культурной осведомленности, поэтому уделяется внимание изучению иностранных языков и культур. За кадровыми офицерами Корпуса морской пехоты США предлагается закреплять регион или район вдоль «дуги нестабильности», чтобы военные могли действовать эффективно, учитывая не только технологические и военные возможности соперника, но и географические, культурные и исторические особенности.

В статье, опубликованной в 2006 году, Хоффман оценивает готовность США к новым «нерегулярным» войнам. Он считает, что появление такой

формы конфликтного взаимодействия вызвано глобализацией и военным превосходством Америки: противники не могут соперничать на равных, поэтому будут прибегать к использованию нетрадиционных средств и методов ведения борьбы [22, с. 396]. Рассуждая о необходимости модернизации американской военной стратегии и вооруженных сил, автор в качестве примера удачного и своевременного решения приводит создание в 1995 году лаборатории морской пехоты (Marine Corps Warfighting Laboratory – MCWL) «для экспериментов в самых разных областях» [32, с. 25], — от разработки стратегии авиационной поддержки при наступлении морской пехоты США [21] до анализа первой чеченской кампании [30].

В работе 2007 года Хоффман фиксирует «возобновившийся интерес Пентагона к нерегулярным войнам» [26, с. 57]: «Штаты перейдут от своих обычных формирований к нерегулярным и будут использовать новую тактику» [26, с. 58]. Соперники теперь не руководствуются никакими правилами и нормами, действуют непредсказуемо и асимметрично. Автор отмечает, что американским военным необходимо не только профессиональное военное образование, но и развитые когнитивные способности, позволяющие быстро распознавать неизвестное и адаптироваться; расширения и развития также требует исследовательская база будущих угроз и стратегий противника.

В книге «Конфликт в XXI веке: рост гибридных войн» дается определение понятию: «Гибридные войны включают в себя ряд различных способов ведения войны, в том числе военные возможности, нерегулярные формирования, террористические акты, неизбирательное насилие и принуждение, беспорядки. Эти мультимодальные действия могут проводиться одним или несколькими подразделениями, но, как правило, оперативно и тактически направляются и координируются в рамках единого боевого пространства для достижения синергетического эффекта» [23, с. 14]. Нет четкой границы между солдатами и гражданскими лицами, размывается само понятие «война», перестает существовать четко обозначенная конкретная территория/фронт, где ведутся сражения. Гибридными становятся не только средства ведения, но и процессы организации и проведения операций в рамках современных войн. Концепция гибридной войны, по мнению Хоффмана, явилась продолжением следующих концепций: война четвертого поколения (4GW) [35], нерегулярная война [34], сетевая война [17], комбинированная война [29], подход австралийских военных [31]. Для автора наглядной иллюстрацией нового типа войны в том числе послужил анализ деятельности Хезболлы.

В четырехлетнем обзоре оборонной политики США за 2006 год, опубликованном в тот же период, что и рассмотренные статьи Ф.Г. Хоффмана, и отражающем мнение руководителей американского министерства обороны, было зафиксировано, что происходит трансформация военной стратегии: неопределенность, разнородность и многочисленность стоящих перед армией

задач, необходимость быстрых решений в ответ на асимметричные удары, растущая угроза, исходящая от негосударственных акторов и прочие тенденции вызвали ряд преобразований в военном ведомстве. Была проведена реорганизация сухопутных войск и аппарата министра обороны, укреплены силы специального назначения, проинвестированы проекты нового оборудования, технологий и платформ для вооруженных сил (например, механизированная бригада «Страйкер», прибрежные боевые корабли, перевооруженные на крылатые ракеты подводные лодки, беспилотные транспортные средства, истребители пятого поколения) [40, с. 6–10] и так далее. Примечательно, что в документе отмечается важность информационных и сетецентрических операций [40, с. 7–8, 50, 92].

В том обзоре Россия рассматривалась как маловероятная угроза для Штатов, а Китай, вкладывающий средства в свои вооруженные силы и наращивающий вооружение, начинает быть опасным для военного баланса в регионе. Специалисты также прогнозировали, что КНР продолжит инвестировать и развивать высокотехнологичные асимметричные военные возможности (особенно разработки в области кибернетики, космоса, баллистических и крылатых ракет, систем противовоздушной обороны, торпед нового поколения, подводных лодок, стратегических ядерных вооружений, систем наземного и морского базирования, беспилотных летательных аппаратов [40, с. 28–29].

Хоффман неоднократно упоминает термин «неограниченная война» и ссылается на одноименную работу китайских исследователей Цяо Ляна и Ван Сянсуя [22, с. 398; 23, с. 22–25; 26, с. 58; 27]. Однако отечественные ученые не уделили данному исследованию должного внимания. По мнению автора статьи, это было связано с тем, что в период публикации (1999) и его активного изучения на Западе в нашей стране у многих специалистов не было возможности заниматься исследовательской деятельностью. В тот год военные принимали участие в боевых действиях против боевиков на территории Чечни и Дагестана. Силовики предотвращали планировавшиеся теракты и расследовали случившиеся взрывы на центральном рынке Владикавказа и в жилых домах (Буйнакск, Москва, Волгодонск). Трудная политическая обстановка внутри страны (кадровые перестановки в Правительстве, попытка объявить импичмент президенту Б.Н. Ельцину, выборы в Государственную Думу III созыва, а в конце года — отставка главы государства и назначение В.В. Путина исполняющим обязанности Президента) и в мире (бомбардировки НАТО в Югославии), экономические проблемы (к тому времени страна еще не оправилась от кризиса 1998 года) не способствовали развитию науки. Поэтому военные и гражданские специалисты в области национальной обороны и безопасности не изучили китайскую концепцию так подробно, как американцы.

* * *

Еще в 1999 году была опубликована книга «Неограниченная война», авторами которой были офицеры НОАК Цяо Лян и Ван Сянсуй [34]. По сути, в ней проанализированы изменения, которые претерпели формы, методы и правила ведения войны. Лян и Сянсуй утверждали, что коренные преобразования в военном деле порождает прежде всего революция в формах и методах борьбы, а не в технологиях. Они прямо заявили: «Война будет вестись в невоенных сферах» [34, с. 169]. По мнению авторов данной концепции, можно выделить следующие отличительные особенности и характеристики современных войн:

- инициаторами военных конфликтов выступают нетрадиционные акторы (мафия, террористические группировки, наркокартели, финансисты, частные лица);
- акторы не подчиняются международному и национальному праву, не соблюдают моральные и этические нормы, не зависят от государственных границ;
- они могут скрываться и маскироваться, а атаковать открыто и жестоко;
- прямая военная угроза перестала быть главной для национальной безопасности стран;
- комбинация невоенных и военных мер является современным путем ведения войны;
- поле боя расширяется, включает в себя политику, экономику, СМИ, религию, культуру, Интернет, географические пространства, окружающую среду, космос и так далее;
- в ближайшем будущем доминировать будут следующие виды атак: хакерские, финансовые, террористические операции, компьютерные вирусы;
- в качестве ресурсов, которые можно мобилизовать и использовать наравне с оружием, теперь выступают географические факторы, исторические и культурные традиции, этническое самосознание, международные организации и другое.

Также были обозначены принципы новых (неограниченных) войн [34, с. 206]:

- всенаправленность: природные и социальные пространства теперь являются полноценными полями сражений; для ведения боевых действий привлекаются национальные и наднациональные военные силы; необходимо комбинировать не только различные виды оружия и средства борьбы, но и операции различных родов войск;
- синхронность: операции на разных пространствах («фронтах») проводятся в одном заранее обозначенном временном отрезке;
- ограниченные цели: ставятся конкретные и реально достижимые цели;

- неограниченные меры: средства и методы ограничиваются только достижением поставленной цели;
- асимметрия — удары могут наноситься с разной силой и интенсивностью, наиболее активно атакуются слабые места противника;
- минимальное потребление — боевые ресурсы должны соответствовать обозначенной цели и расходоваться рационально;
- многомерная координация — сочетание военного измерения с невоенными средствами и методами борьбы;
- корректирование и контроль всего процесса — оперативное отслеживание ситуации, получение обратной связи и своевременная доработка реализуемых операций.

* * *

Подводя итоги, автор данной статьи предлагает следующее определение: «гибридная война» — это современная форма конфликта, представляющая собой совокупность операций в различных пространствах: экономическом, информационном, психологическом, географическом, кибернетическом, геополитическом, в котором могут участвовать различные субъекты (легальные и нелегальные) с целью подчинения воли одного участника другому. Важно отметить, что все это — результат длительной эволюции более простых форм вооруженных конфликтов. Как правило, такая война имеет затяжной характер, а зафиксировать точки ее начала и конца во времени невозможно.

Таким образом, концепция «гибридной войны», разрабатывавшаяся в 1990-х годах американскими военными, имеет тесную связь с китайской концепцией «неограниченной войны», четко охарактеризовавшей основные тенденции и изменения в области ведения боевых действий. Отечественные специалисты, начавшие тщательное изучение «гибридной войны» после 2014 года, обращаются к работам американских экспертов, считая их основоположниками данной теории, однако те в свое время позаимствовали некоторые положения у китайских военных. Следовательно, китайская армия занимается исследованием данного вопроса так же долго, как и их американские коллеги, что должно быть учтено российскими специалистами и экспертами. В то время, когда американцы и китайцы изучали новые угрозы для государства и разрабатывали отвечающие современным вызовам стратегии обороны и рекомендации по укреплению национальной безопасности, в нашей стране происходили события, угрожавшие ее целостности и суверенитету, в связи с чем было упущено время и не уделено достаточного внимания теоретическим обоснованиям новых типов угроз.

Список литературы

1. Ананских И.А. и др. Западная Европа как фронт гибридной войны // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2.
2. Бурило Е.А. «Цветные революции», как разновидность политического конфликта / Е.А. Бурило // Будущее науки — 2019: сборник научных статей 7-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 25–26 апреля 2019 года. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019.
3. В Москве прошло совещание партактива КПРФ. Геннадий Зюганов: Мы должны устоять и победить // Красная линия: [сайт]. [2022] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rline.tv/news/2022-04-03-v-moskve-proshlo-soveshchanie-partaktiva-kprf-gennadiy-zyuganov-my-dolzny-ustoyat-i-pobedit/> (дата обращения: 04.03.2022).
4. Главная опора чеченских боевиков в этой военной компании — иностранные наемники // 1 канал: [сайт]. [2000] [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2000-01-17/289942-glavnaya-opora-chechenskih-boevikov_v_etoj-voennoy-kompanii-inostrannye-naemniki (дата обращения: 06.04.2022).
5. Деньги едут на войну // Коммерсантъ Власть: [сайт]. [1999] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/16149> (дата обращения: 06.04.2022).
6. Зайцев В. Наемники в Чечне // Огонек. № 11. 2011.
7. Заявление на встрече с Рамзаном Кадыровым // Президент России: [сайт]. [2004] [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22454> (дата обращения: 06.04.2022).
8. Кадыров пригрозил Эрдогану ответом за «переименование парков именами террористов» // Коммерсантъ: [сайт]. [2021] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5141683> (дата обращения: 06.04.2022).
9. Круглов В.В., Воскресенский В.Г., Мурсаметов В.Я. Анализ взглядов военных теоретиков ведущих зарубежных государств на содержание и ведение современных и будущих войн // Военная мысль. 2021. № 7.
10. Лавров: России объявили гибридную, тотальную войну // Ведомости: [сайт]. [2022] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/03/25/915211-rossii-obyavili-gibridnuyu-totalnuyu-voinu> (дата обращения: 04.04.2022).
11. Лукашенко: против Беларуси развернута гибридная война практически по всем направлениям // Белта: [сайт]. [2021] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-protiv-belarusi-razvernuta-gibridnaja-vojna-praktichieski-po-vsem-napravlenijam-472057-2021/> (дата обращения: 04.04.2022).
12. Пашенко И.В. Экспорт джихадизма на Северный Кавказ: к истории вопроса // Новое прошлое / The New Past. 2017. № 4.
13. Пушкина М.А., Чирков П.С. Теория современных гибридных войн // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 8.
14. Фридман О. «Гибридная война» понятий // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Т. 50. № 5.

15. Ханбабаев К.М. О некоторых результатах борьбы правоохранительных органов с религиозно-политическими экстремистами и террористами на Северном Кавказе // Исламоведение. 2011. № 3.
16. Buța V., Vasile V. Perspectives on the evolution and influence of the hybrid warfare concept // Romanian Military Thinking. 2015. № 3.
17. Cebrowski A.K., Garstka J.J. Network-Centric Warfare: Its Origin and Future // U.S. Naval Institute Proceedings. 1998. Т. 124. № 1.
18. Corbin J. The Base: In Search of Al-Qaeda, the Terror Network that Shook the World. — Simon & Schuster, 2002. 320 с.
19. Dominion S., Tafuro Ambrosetti E. Russia's Hybrid Strategy: Myth or Reality? // Italian Institute for International Political Studies (ISPI): [сайт]. [2020] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/russias-hybrid-strategy-myth-or-reality-26805> (дата обращения: 05.04.2022).
20. Frank Hoffman // U.S. Naval Institute: [сайт] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usni.org/people/frank-hoffman> (дата обращения: 10.04.2022).
21. Grossman E.M. Warfighting lab has yet to assess concept: Marine Corps Officials Divided Over 'Hunter' Tactical Aviation Concept // Inside the Pentagon. 1996. Т. 12. № 12.
22. Hoffman F.G. Complex irregular warfare: the next revolution in military affairs // Orbis. 2006. Т. 50. № 3.
23. Hoffman F.G. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. — Arlington: Potomac Institute for Policy Studies. 2007. 72 с.
24. Hoffman F.G. Hybrid Warfare and Challenges/FG Hoffman // Joint Force Quarterly (JFQ). 2009. № 52.
25. Hoffman F.G., Horne G. Maneuver Warfare Science // Marine Corps Combat Development Command. 1998.
26. Hoffman F. Marines and Hybrid War // Marine Corps Gazette. 2007.
27. Hoffman F. Review Essay: History and Hybrid Warfare // Small Wars Journal: [сайт]. [2012]. [Электронный ресурс]. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/review-essay-history-and-hybrid-warfare> (дата обращения: 10.04.2022).
28. Hoffman F., Van Riper P.K. Pursuing the Real Revolution in Military Affairs: Exploiting Knowledge-Based Warfare // National Security Studies Quarterly. 1998. Т. 4. № 3.
29. Huber T.M. Compound warfare: That fatal knot. — Fort Leavenworth, KS: Combat Studies Institute, US Army Command and General Staff College Press, 2002. 334 с.
30. Jackson T. David Slays Goliath: A Chechen Perspective on the War in Chechnya (1994–1996) // Marine Corps Warfighting Laboratory. 2000. 34 с.
31. Krause M. Square pegs for round holes: current approaches to future warfare and the need to adapt // Australian Land Warfare Studies Centre. 2007. 47 с.
32. Krulak C.C. The United States marine corps in the 21st century // The RUSI Journal. 1996. Т. 141. № 4.
33. Królikowski H. Hybrid Threats and Warfare, Are We Really Facing Something New? // Internal Security. 2017. Т. 9.
34. Liang Q., Xiangsui W. Unrestricted warfare. — Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House Arts, 1999. — FBIS Translated Text. 228 с.

35. Lind W.S., Schmitt J.F., Wilson G.I. Fourth generation warfare: Another look // Marine Corps Gazette. 2001. Т. 85. № 11.
36. Mattis J.N., Hoffman F. Future warfare: The rise of hybrid wars // Proceedings-United States Naval Institute. 2005. Т. 131. № 11.
37. Mockaitis T.R. British counterinsurgency in the post-imperial era. Manchester University Press, 1995. 165 с.
38. Nemeth W.J. Future war and Chechnya: a case for hybrid warfare: дис. // Naval Postgraduate School. 2002. 100 с.
39. Popescu N. Hybrid tactics: Russia and the West // European Union Institute for Security Studies, Alert. 2015. Т. 46. № 46.
40. Quadrennial Defense Review Report // U.S. Department of Defense. 2006. 113 с.
41. Schmidle R.E., Hoffman F.G. Commanding the contested zones// Proceedings-United States Naval Institute. 2004. Т. 130.
42. Solmaz T. 'Hybrid Warfare': One Term, Many Meanings // Small Wars Journal: [сайт]. [2022]. [Электронный ресурс]. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/hybrid-warfare-one-term-many-meanings> (дата обращения: 05.04.2022).

Д.А. АВАКЯН

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В АНГЛИИ XIX ВЕКА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

***Аннотация.** В статье представлен историко-политологический анализ развития английской избирательной системы, сформировавшейся в ходе проведения реформ законодательства XIX века, рассмотрены основные предпосылки и результаты новаций в английском избирательном процессе того времени.*

***Ключевые слова:** Великобритания, промышленная революция, политические партии, избирательная система, парламентаризм, избирательные реформы.*

ELECTORAL REFORMS IN ENGLAND OF 19th-CENTURY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF PARLIAMENTARISM

***Annotation.** The article presents a historical and political analysis of the development of the English electoral system, formed during the reforms of the legislation of the XIX century, the main prerequisites and results of innovations in the English electoral process of the XIX century are considered.*

***Keywords:** Great Britain, industrial revolution, political parties, electoral system, parliamentarism, electoral reforms.*

Обращение к опыту реформирования избирательных систем в прошлом представляется важным и актуальным для того, чтобы установить его основные причины, последствия, а также выработать успешные подходы к решению современных электоральных проблем.

Английская политическая система представляет собой один из немногих примеров эволюционного развития. Именно этой стране удалось создать эффективную государственную систему без серьезных революционных потрясений, используя преимущественно механизмы и инструменты конструктивных реформ. Великобритания смогла сохранить институт монархии, параллельно создавая и развивая другие государственные институты. Это стало возможным благодаря тому, что в английской поли-

АВАКЯН Дарья Айрапетовна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», г. Москва

тической истории на протяжении длительного периода не происходило серьезных потрясений, — традиционные установки либерализма о правах и свободах сочетались с консервативной идеологией опоры на имеющийся опыт, стабильность и преемственность в развитии политических институтов и общества.

Как отмечал отечественный юрист и публицист В.Ф. Дерюжинский, «нигде перемены в народных убеждениях и желаниях не получали такого быстрого выражения в изменениях законодательства, как в Великобритании в XIX веке и особенно во второй половине его. Францию называют страной революций, Англия славится консерватизмом» [5, с. 6]. Именно благодаря устойчивости политической системы в стране определились основные векторы социально-экономического, политического и культурного развития.

Однако на разных этапах исторического пути Великобритания все-таки сталкивалась с внутренними проблемами и кризисами. Одно из острых противоречий в развитии английской парламентской монархии после Славной революции XVII века состояло в социально-политическом конфликте между быстро растущим экономическим преимуществом промышленной буржуазии и парламентской олигархией, которая в первую очередь отражала интересы земельной аристократии. Достигнутый после Славной революции условный компромисс между правящим классом землевладельцев и торгово-финансовой буржуазией в части гарантий интересов последней в реальной жизни фактически не соблюдался. Со временем этот режим парламентской олигархии и вовсе перестал отвечать потребностям новых классов, которые появились на исторической арене в начале промышленной революции 60–80-х годов XVIII века.

В широком смысле под промышленной революцией исследователи понимают переход от аграрной экономики к индустриальному способу производства, от ручного труда к фабричному типу производства. По сути, промышленный переворот представляет собой более сложный и многогранный процесс, связанный не только с массовым применением технических достижений, но и, прежде всего, с изменением политической, социально-экономической структуры общества. Ведущую роль в английском обществе на рубеже XVIII–XIX веков стали играть промышленная буржуазия и пролетариат в городах, крупные фермеры-арендаторы — в сельской местности. Усиление роли этих классов привело их к необходимости вести борьбу за расширение политических прав.

Но в начале XIX века английский парламентаризм находился в кризисном состоянии по ряду причин, связанных не только с усложнением социальной структуры общества. Вопросы вызывал в том числе и способ формирования парламента, состав которого не отвечал социально-экономическим изменениям, которые произошли после буржуазной революции и начали происходить на фоне развивающейся промышленной революции.

Во многом интенсивное развитие английской промышленности на рубеже XVIII–XIX веков происходило за счет усиления миграционных процессов из деревни в города, что приводило к нарастанию в них социального напряжения. Высокие темпы роста фабричного производства привели к построению новых взаимоотношений внутри уже сложившихся социальных групп, формированию новых классов. Однако в самом парламенте долгое время существовало несоответствие между реальными процессами, происходящими в социально-экономической жизни, и составом парламента, который не отвечал этим реалиям. Это противоречие ярко иллюстрируют существовавшие тогда в Англии так называемые «гнилые местечки». Они действительно представляли собой практически опустевшие из-за активных миграционных процессов регионы страны, которые по-прежнему сохраняли свое представительство в парламенте. Быстро развивающиеся промышленные города центра в начале XIX века в это же время вообще могли не иметь мест в парламенте. В таких условиях усиливающая свои позиции финансово-промышленная и торговая буржуазия активно выступала за перераспределение позиций в парламенте в свою пользу.

Здесь также стоит вспомнить, что законодательный орган Великобритании (парламент) — один из старейших в мире. Он был сформирован в XIII веке, в 1265 году, а уже в 1295 году преобразован в двухпалатный. Парламент стал правопреемником королевского совета, который значительно ограничивал власть монархии. Но главное отличие парламента от совета заключалось в порядке его формирования, — он стал выборным.

С 1714 года нижняя палата парламента, Палата общин, избиралась английскими гражданами по избирательным округам и особым корпорациям на основе избирательного права. Но активным избирательным правом пользовался небольшой процент избирателей. К началу XIX века в такой системе уже можно было наблюдать некоторые элементы архаичности. У избирательных округов отсутствовали четко определенные границы, не было и регулярности в периодичности проведения выборов.

Основное число депутатов выдвигались все из тех же небольших городов или сельской местности, которые когда-то могли получить такие привилегии, но со временем утратить их. В избирательных округах в сельской местности крупные лендлорды, мнениям которых мало кто противоречил, решали вопрос об избирании того или иного кандидата от региона. Распространенной была и практика подкупа голосов избирателей. К тому же к началу XIX века города стали активно развиваться как промышленные центры, но могли не иметь представительства в парламенте.

На рубеже XVIII–XIX веков ведущую роль в политическом процессе Великобритании играло торийское правительство, представляющее консервативные силы. В этот период был предпринят ряд достаточно жестких мер по отношению к выступлениям рабочих, в которых видели опасность для стабильности государственной системы, что безусловно вызывало не-

довольство в обществе. Поэтому вопрос о необходимости проведения избирательных реформ назрел еще в конце XVIII века, но они смогли быть реализованы только в XIX веке под давлением экономических интересов некоторых групп населения. Совокупность таких факторов как общественные настроения, рост новых городов, усиление влияния на политику промышленного и торгово-финансового сословий, а также реформаторская активность прообразов либеральных партий, в начале XIX века приблизили проведение давно назревавшей избирательной реформы. В английском обществе она проводилась в три этапа (1832, 1867 и 1884–1885 гг.) и по нескольким направлениям: перераспределение избирательных округов через лишение представительства так называемых «гнилых местечек» и сокращение квоты для других избирательных округов; количественное расширение субъектов избирательного права, в том числе за счет изменения или отмены избирательных цензов.

Первым актом стал «Билль о парламентской реформе», принятый в 1832 году. До этой реформы Палата общин состояла из 658 мест, которые распределялись таким образом: 188 — от 114 графств, 465 — от 262 местечек, 5 — от университетов, с 1821 года два — от Йоркшира; остальные места занимали депутаты от Ирландии, Шотландии и Уэльса. Основное содержание билля сводилось к перераспределению мест в нижней палате парламента и увеличению численности электората:

1. В парламенте сохранялось прежнее количество депутатов, но из распределения исключались «гнилые местечки». Города с небольшим числом жителей (до 4 тысяч) стали избирать одного депутата вместо двух. Освободившиеся места перераспределили между другими, более крупными, графствами и городами. Таким образом, более 40 новых городов получили право на представительство в парламенте, среди этих населенных пунктов были и новые крупные торгово-промышленные центры.

2. Таким образом, избирательные права были расширены за счет некоторых категорий граждан: фермеров и арендаторов земли, владельцев домов и нежилых строений, приносящих определенный доход от аренды. Появилась и обязательная процедура по ежегодной регистрации избирателей, которая предусматривала внесение каждый раз незначительной суммы.

Однако реформирование не привело к исчезновению избирательных цензов. Избиратели по-прежнему должны были выплачивать налог на бедных, проживать в регионе не менее одного года. Хотя в целом реформа 1832 года в обществе принималась позитивно, так как она обеспечила доступ промышленной буржуазии в парламент.

Постепенно стал повышаться и статус новых промышленных центров и городов, параллельно начали проводиться муниципальные реформы в сфере городского управления. В частности в 1835 году был введен «Акт о муниципальных корпорациях», согласно которому 178 городам Англии и Уэльса был присвоен особый правовой статус, управление в них перешло

к выборным городским советам. В выборах могли участвовать все налогоплательщики, домохозяева и квартиросъемщики обоюго пола. Городской совет имел право избирать и переизбирать мэра города ежегодно.

В период подготовки, проведения и после избирательной реформы 1832 года парламентская история Великобритании преимущественно стала определяться соперничеством двух партий — либеральной и консервативной. Либеральную партию поддерживали представители промышленной и торговой буржуазии, а также квалифицированные рабочие, в то время как консервативная партия опиралась на земельную аристократию и крупных фермеров, стремившихся в динамично развивающейся реальности сохранить традиционные формы взаимоотношений и производства.

Стоит отметить, что институционализация английских политических партий в их современном понимании происходила практически одновременно с совершенствованием избирательной системы. До этого в парламенте происходила борьба за влияние тех или иных группировок, руководствовавшихся не столько идеологическими установками и политическими целями, сколько экономическими интересами. Оформление этих группировок в политические партии было обусловлено несколькими причинами: усиление значения парламента в политической жизни английского общества привело к необходимости формирования парламентских групп, объединяющих депутатов и их избирателей по сходству их политических взглядов; итогом расширения избирательных прав стало появление комитетов по поддержке кандидатов, что обеспечивало приток новых избирателей.

Параллельно с институализацией политических партий происходила и их идеологическая трансформация. Период 1830–1870-х годов в английской политической истории связывают с господством либеральных идей, «бентамизма», индивидуализма и утилитаризма. Важную роль в разработке положений данного направления политической мысли сыграл И. Бентам. Основной тезис его концепции заключался в противопоставлении государства и общества, состоящего из независимых субъектов. Независимость определяется главным образом обладанием собственностью. Людей объединяют только рыночные отношения, которые позволяют достичь взаимной выгоды. Наиболее гармоничным является то общество, где созданы возможности для реализации частных интересов, — государство в данном случае выступает только как инструмент для достижения личных целей и институт, защищающий частную собственность от любых угроз. Поэтому в 1850–1860-е годы уверенные позиции в английском парламенте стали занимать представители либеральной партии, идеологические установки которых под влиянием социальных процессов трансформировались от политики государственного невмешательства до оформления теоретических и практических основ «социального либерализма».

Такая идеологическая переориентация произошла во многом под влиянием активизации рабочего движения. Этот же фактор обусловил

и необходимость последующего реформирования избирательной системы в 1862 году. Развитие промышленного производства и рост городов способствовали формированию и развитию в Англии рабочего движения. Исследователи выделяют в последнем две линии: экономическую и политическую.

В начале XIX века рабочие одной отрасли производства стали объединяться для защиты своих экономических интересов. Затем в среде английских рабочих сформировалась и стала доминировать идея о том, что политическая реформа является средством достижения тех или иных социальных гарантий. Если в конце XVIII — первой половине XIX веков происходило становление рабочего класса, то во второй половине XIX — в начале XX веков рабочие постепенно адаптировались к условиям промышленного производства, начав формировать самостоятельные политические партии и выдвигать уже не только экономические, но и политические требования.

В ходе избирательной реформы 1862 года в Англии произошли следующие изменения:

- лишение представительства в парламенте еще 38 «гнилых местечек»;
- увеличение квот для крупных промышленных городов;
- появление новых избирательных округов в графствах;
- снижение имущественного ценза для собственников и арендаторов земли;
- предоставление избирательного права собственникам и арендаторам жилых домов, нанимателям квартир;
- сохранение ценза оседлости на 1 год и необходимости уплаты налогов для бедных.

Благодаря реформе количество избирателей было значительно увеличено, в том числе и в социальном отношении: отныне право представительства получили не только земельные собственники, но и предприниматели, зажиточные служащие, представители интеллигенции, рабочие и городские торговцы. В университетских округах избирательное право предоставлялось лицам, имевшим ученые звания.

* * *

Следующая парламентская реформа нашла воплощение в «Акте о народном представительстве», принятом 1867 году. Этот документ предусматривал следующие нововведения:

1. Введение нового перераспределения депутатских мест: 11 «местечек» были вовсе лишены права выбора депутатов в Палату общин, а 35 «местечек» сохранили право выбора лишь одного депутата. Освободившиеся мандаты были переданы крупнейшим промышленным городам и графствам.

2. Изменилось избирательное право для жителей городов: оно предоставлялось всем владельцам или съемщикам домов, платившим налог в пользу бедных, и квартиронанимателям, отдающим в год не меньше 10 фунтов стерлингов арендной платы (при этом сохранялся ценз оседлости

в один год). В графствах такое право получили землевладельцы, имеющие не менее 5 фунтов стерлингов годового дохода, а также наниматели или владельцы помещений с доходностью не ниже 12 фунтов стерлингов.

3. Наиболее существенная новация избирательного законодательства заключалась в оговорке о том, что непосредственным плательщиком налогов в пользу бедных считался и тот, кто этот налог, как все многочисленные наниматели небольших квартир, вносил не сам, а через своего домовладельца, который до сих пор рассматривался как единственный налогоплательщик. Благодаря этому в избирательные списки попадали не только домовладельцы, но и все их жильцы. Таким образом, избирательные списки расширились за счет включения в них представителей мелкой буржуазии, ремесленников и рабочих.

В результате реформы 1867 года общее число избирателей значительно увеличилось: больше, чем на миллион. Однако две трети мужского населения Англии — основная масса рабочих и женщины, — по-прежнему не обладали активным избирательным правом.

В последней четверти XIX века был принят ряд законов, предусматривавших дальнейшую демократизацию избирательного права. Среди них особое место заняли законодательные акты 1884 и 1885 годов, завершившие третий этап избирательных реформ в Англии. Среди существенных нововведений этого периода можно назвать: снижение и упорядочение имущественного избирательного ценза; введение избирательных округов с равным представительством от одинакового количества населения; сохранение имущественного и полового избирательных цензов. Сложный порядок регистрации избирателей стал серьезным недостатком новой избирательной системы.

В результате этой реформы число избирателей было увеличено вдвое. Закон 1885 года произвел новое перераспределение мест:

лишение самостоятельного представительства 105 «местечек», имевших менее 16 тысяч жителей;

получение городами с населением менее 57 тысяч жителей по одному месту в парламенте; для более многочисленных городов число мандатов было увеличено;

разделение городов и графств на избирательные округа (округ охватывал 50–54 тысячи жителей), выбиравшие по одному депутату.

* * *

Реформа 1884–1885 годов не устранила многих существенных недостатков избирательной системы. Главным образом продолжала сохраняться диспропорция между числом избирателей и числом мандатов. На выборах в английский парламент сохранялась мажоритарная избирательная система относительного большинства. Она способствовала победе кандидатов

крупных партий, способных завоевать большинство мест в Палате общин, и ставило кандидатов остальных партий в менее выгодное положение.

Однако, в заключение следует подчеркнуть, что реформы английского избирательного законодательства 1832, 1862, 1867, 1884–1885 годов имели важные последствия для дальнейшего развития английской политической системы. Они привели к поэтапному снижению, а затем и к полной отмене цензов (имущественного и образовательного) на парламентских выборах; введению системы тайного голосования; плавному переходу к централизованной нарезке единообразных избирательных округов; ужесточению мер ответственности за нарушение избирательного законодательства. Все эти реформы избирательного права способствовали демократизации английской государственно-политической системы, обеспечению политической стабильности в обществе. Английский опыт регулирования и совершенствования избирательной системы представляется уникальным еще и потому, что в ее основу был заложен принцип поиска компромисса между разными социально-экономическими и политическими группами и их интересами.

Список литературы

1. Авакян Д.А. Промышленная революция и урбанизация в английской и французской политической мысли XIX – начала XX века. М.: Наука, 2020.
2. Айзенштат М.П. Западноевропейский парламентаризм XVIII–XIX вв.: этапы становления и развития. Саратов, 2001.
3. Альмухаметова М.Ш., Кузнецов А.В. История государства и права зарубежных стран. Тюмень, 2014.
4. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998.
5. Дерюжинский В.Ф. Очерки политического развития современной Англии. СПб., 1911.
6. Кол Дж.Г. История рабочего движения. Т. 1. Л., 1927.
7. Минькова А.А., Явнова И.И. Парламентская реформа в Великобритании 1832 года. Инновационная наука. 2016. № 10–3.
8. Потапов И.В. Роль электоральных реформ в преобразовании Великобритании в парламентскую монархию в XIX в. Управленческое консультирование. 2008. № 4.

А.К. БОДРОВ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ БАЛАНСА ОТНОШЕНИЙ «ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

***Аннотация.** В статье выделяются и анализируются подходы к изучению понятия концепции баланса отношений «центр-периферия», ее место в политической регионалистике как части политической науки. Кроме того, с учетом современных мировых трендов выделены вариации новых подходов к исследованию данной теоретической концепции, а также оценено их влияние на дальнейший анализ феномена взаимодействия центра и периферии.*

***Ключевые слова:** концепция «центр-периферия», регион, политическая регионалистика, развитие регионов, баланс отношений.*

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF THE BALANCE OF «CENTER-PERIPHERY» RELATIONS IN POLITICAL SCIENCE

***Abstract.** The article highlights and analyzes approaches to the study and concepts of the concept of the balance of relations «center-periphery», its place in political regionalism as part of political science. In addition, taking into account modern world trends, variations of new approaches to the study of this theoretical concept are highlighted, and their impact on further study of the phenomenon of interaction between the center and the periphery is evaluated.*

***Keywords:** the concept of «center-periphery», region, political regionalism, regional development, balance of relations.*

Функционирование государства как целостной системы невозможно представить без взаимодействия центра и территорий, составляющих его «тело». В некоторых государствах выше и значительнее роль центра, в других большую роль играют регионы, — в таком случае развиваются механизмы медиации и согласования интересов. Здесь имеет смысл говорить о появлении

БОДРОВ Андрей Кириллович — консультант отдела регионального взаимодействия Управления регионального взаимодействия Федерального агентства по делам молодежи, аспирант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва

понятия «баланс отношений» центра и регионов и о наличии и отсутствии возможностей для изменения такого баланса. В теоретическом дискурсе отношения центра и регионов изучает множество наук: экономическая и политическая география, региональная экономика, социология; в межстрановом измерении — международные отношения, а также политология. Нас интересует рассмотрение отношений центра и регионов именно в политическом аспекте. В ракурсе политической науки взаимодействие центра и регионов изучает политическая регионалистика, а концепция баланса отношений центр и регионы является составной частью политической регионалистики [1].

В рамках данной статьи мы охарактеризуем и систематизируем существующие подходы к концепции баланса отношений «центр-регион». Необходимость в такой систематизации кроется в следующем: о концепции «центр-периферия» написано много исследований и статей, проведен анализ под разными ракурсами и призмами, но мир диктует новые правила. В настоящее время существует потребность внедрения новых подходов к изучению данной концепции, — необходимо отслеживать, анализировать и внедрять новые тренды во взаимодействии центра и периферии. Актуальность концепции «центр-периферия» объясняется, прежде всего, фактом неоднородности политического пространства, присущим большинству стран мира [1], а в случае с Россией — неоднородности территорий, составляющих нашу страну.

* * *

Перед тем, как продолжить, важно ввести понятие политической регионалистики, а также главные операциональные понятия анализируемой концепции — «центр» и «периферия». В отечественной политической науке сложился термин «политическая регионалистика», тогда как в представлении зарубежных авторов этот термин понимается как «региональная наука». Это подтверждают исследования Н. Баранова, утверждавшего, что политическая регионалистика близка к англоязычному понятию «региональная наука», которая изучает пространственное измерение социальных, экономических, политических и поведенческих явлений [1].

В научный обиход термин «региональная наука» ввел У. Изард. Беря свое начало в региональной экономике, «региональная наука» в то же время «является более широким понятием: она должна изучать пространство, регионы, районы локации и их системы» [2, с. 22–88].

У Н. Медведева можно встретить следующее определение: «Политическая регионалистика — одно из направлений как политологии, так и регионалистики, изучающее проблемы региональной структуры государства и общества, регионального развития и межрегионального взаимодействия, при этом уделяющее особое внимание пространственным формам полити-

ческих явлений, динамике политических процессов и институтов в регионах ... проблемам взаимодействия центра и периферии, а также обратному воздействию региональной политической среды на государство и общество в целом» [3, с. 7].

Таким образом, политическая регионалистика изучает многомерный спектр политических, экономических и социальных отношений на внутривнутригосударственном уровне в целях наиболее эффективной траектории развития региона и государства. В связи с этим концепция «центр-периферия» выступает в роли ответвления политической регионалистики, рассматривающей комплексное развитие региона с точки зрения взаимодействия с более развитым центром.

Говоря о балансе отношений в политике, чаще всего имеют в виду баланс интересов основных акторов, у каждого из которых есть свои ресурсы и влияние. В региональной политике такими акторами выступают федеральный центр и периферия. Дадим определение данных терминов: под понятием «центр» мы подразумеваем географическое место, узловую субстанцию, где принимаются ключевые решения и действуют основные институты влияния на близлежащие территории; термин «периферия» понимается как территориальное сообщество, зависящее от принятых центром решений.

В данном отношении интересное определение обнаруживается у Стейна Роккана: «Центр — это привилегированный пункт территории, в котором наиболее часто встречаются друг с другом обладатели ключевых военных/административных/экономических/культурных ресурсов, ... где присутствует самая большая доля экономически активного населения, занятого обработкой и передачей на большие расстояния сообщений и инструкций» [4].

Периферия, по тому же Роккану, «зависима, контролируя ... лишь свои собственные ресурсы..., не вносит значительного вклада в общий поток коммуникаций на данной территории, обладает культурой, которая не универсальна» [4, с. 121]. В рамках структуралистского подхода (подробнее о подходах к изучению рассматриваемой концепции будет сказано ниже) центр можно наделить такими характеристиками, как сила, агрессивность, унификация, стабильность и динамичность. Периферия характеризуется отсталостью, зависимостью от центра, хаотичностью процессов, дефицитом ресурсов и инертностью. Центр — организатор и символ системы. Периферия — зона, где решаются собственные, чуждые самой периферии задачи за счет изымания ее ресурсов. Периферия может быть также представлена следующими вариантами [5, с. 35–36]:

– провинция — лояльное, но культурно и исторически самобытное, самодостаточное пространство, наполненное собственными смыслами. Здесь сохраняются традиции, причем не только в истории и культуре,

но и в поведении, организации властных отношений и взаимодействии элит. Такой ситуацией часто пользуется центр для организации вертикали власти в конкретном регионе;

– приграничность, где проявляется зона «двойной принадлежности» и происходит соприкосновение разных культур и этносов. Такой регион становится уникальным с точки зрения анализа влияния двух культур на облик региона;

– альтернативная центральность, — в таком статусе в государстве выступают центры второго порядка, удаленные от столицы производственные, культурные или транспортные центры. Они занимают лидирующие позиции среди окружающих регионов, их можно также назвать полупериферией, — до них быстрее доходят инновационные и технологические обновления, либо они сами выступают новаторами в той или иной сфере;

– двойная периферия — территории на стыке двух систем-конкурентов. Как и в приграничности, здесь может разворачиваться борьба двух систем, для которых рассматриваемая территория является периферией.

* * *

Охарактеризовав ключевые составляющие пространства и территории, признаки и характеристики элементов баланса взаимодействия центра и регионов, необходимо обратиться к авторам, которые исследовали особенности данных отношений и предложили свои теории для описания таких процессов.

В научной сфере о рассматриваемой концепции впервые стали рассуждать в рамках международных отношений в середине XX века, когда в мире появился и обрел популярность тренд антиколониализма, сформировалось понятие стран «третьего мира», а теоретики начали говорить о страновом разрыве и о его преодолении развивающимися странами.

Первопроходцем в данной теме стал американский экономист, политолог и экономический географ Джордж Фридман. Согласно его подходу, неравномерность экономического роста и процесс пространственной поляризации неизбежно порождают диспропорции между ядром и периферией (или центром и периферией) [5, с. 37]. Последняя — неоднородное поле: можно выделить внутреннюю периферию (находящуюся ближе к ядру) и внешнюю (дальше от ядра). Центр и периферия связаны потоками (импульсами) информации, капитала, товаров. Согласно Фридману, именно направления этих потоков определяют характер взаимодействия между центральными и периферийными структурами. Движущая сила взаимодействия центра и периферии есть «постоянная качественная трансформация ядра за счет генерации, внедрения и диффузии новшеств» [6, с. 279].

Распространение инноваций идет в иерархии по трем направлениям: от ведущих экономических районов к периферии, из центров высшего уровня

в центры второго порядка и из крупных городов в прилегающие районы. Фридман определяет ряд факторов, которые указывают на стабильность доминирования ядра (или центра) над периферией: постоянная инновационная деятельность создает благоприятные условия для ее дальнейшего развития именно в пределах ядра, обеспечивая доступ к информации и связям; «ядро» постоянно выкачивает ресурсы из периферийных районов и центров, что также ослабляет периферию.

Механизм работы территориальных систем типа «центр-периферия» связан с постоянным качественным изменением социально-экономических отношений в пределах ядра, где посредством научно-технического прогресса появляются новые наукоемкие производства. Отрасли, не соответствующие статусу «ядра», выдавливаются на периферию.

Как мы заключили ранее, центр и периферия являются сторонами поляризации пространства. В структуре государства поляризация проходит четыре стадии.

В рамках первого этапа территория страны выглядит как система с локальными центрами с определенной зоной влияния. О национальном центре влияния речи пока не идет.

На втором этапе из большого числа локальных центров выделяется наиболее динамично развивающийся и активный центр; он формирует вокруг себя значительный по размерам район, который становится главным центром национальной территории, окруженной протяженной по размерам периферией.

На третьей стадии начинается активный рост региональных ядер поляризации в периферийных районах, а моноцентричная структура переходит в полицентричную.

Последняя стадия процесса выделяет межметрополитенскую периферию как самый динамичный элемент структуры территориально-политической системы.

Фридман выделяет в качестве центров территорий развитие с точки зрения экономики регионы. Это ведет к неравномерности в развитии и дополнительной поляризации территорий.

На уровень межстранового измерения концепцию «центр-периферия» вынес А. Франк [7], который утверждал, что недостаточное развитие стран «третьего мира» (как периферии) напрямую коррелирует с их эксплуатацией со стороны более развитого Запада (как экономического и политического мирового центра). Это и привело к формированию понятия «центр и периферия». Взгляды Франка поддержал и систематизировал Эммануил Валлерстайн [8], в 1974 году опубликовавший книгу «Современная мировая система». В своем труде Валлерстайн расширил и углубил данную концепцию. Он ввел в нее тезис о том, что вследствие экономического развития

на длительном отрезке времени разные страны могут приобретать и терять статус центра или периферии.

Также исследователь предложил понятие «полупериферия», которое рассматривается как промежуточное звено в системе «ядра» и «периферии», сочетая черты как одного, так и другого. «Центр» эксплуатирует периферию и является стабилизирующим звеном в мировом разделении труда. Именно за счет нее происходит реорганизация пространства в периоды экономических кризисов. Далее, по замыслу Валлерстайна, вследствие экономического развития полупериферия может стать новым центром роста, но в зависимости от складывающейся политической обстановки далеко не все полупериферии готовы перейти к новой стадии развития. В ракурсе внутрисударственных отношений и региональной политики полупериферией могут стать регионы, выделяющиеся среди других производственным потенциалом и являющиеся культурным или историческим центром. У таких регионов хватает ресурсов и влияния, чтобы в отдельных случаях навязывать свое мнение центру, но в целом они остаются зависимыми по ряду других аспектов. И несмотря на то, что Валлерстайн строил свои рассуждения на основе анализа международных отношений, наличие полупериферий или центров «второго порядка» возможно и на субнациональном уровне. Это могут быть бывшие столицы, крупные экономические, промышленные и культурные центры. Их статус формировался исторически, — развивая такое наследие, внутрисударственные полупериферии могут выступать альтернативным центром силы во многих вопросах, касающихся развития государства.

* * *

Как можно заметить, в системе отношений «центр-периферия» именно центр оказывает ключевое воздействие на развитие или деградацию периферии на международном или национальном уровне. И здесь интересным для рассмотрения становится теория американского исследователя Ш. Эйзенштадта. Введя типологию систем центра и периферий [9, с. 64], Эйзенштадт ставил в основу различия не экономико-политические факторы, а социальные и культурные. Два вида таких систем представляют собой, во-первых, центры, которые разительно отличаются от периферии, во-вторых, системы, где таких различий не существует.

К первому виду относятся «имперско-феодалные и имперские» системы. Несмотря на название, подобные типы организации работы центра с регионами встречаются и по сей день. Здесь наблюдается серьезное отличие центра от периферии в области культурных особенностей, контроля над состоянием и развитием социетальных отношений. Здесь же можно обнаружить стремление центра преобразовать периферию, унифицировать политическое и культурное пространство. В таких системах, помимо «выка-

чивания» ресурсов, предпринимаются попытки наладить коммуникационные каналы с периферией, позволяя последней перенять самые современные культурные образцы от центра. В имперско-феодальных системах стоит отметить симметричность отношений. В таких системах есть множество центров, — как политических, так и культурных, и можно встретить иерархию таких центров.

Ко второму виду можно отнести системы, складывающиеся в государствах, близких к традиционным обществам. Здесь «центр» ориентирован на то, чтобы забирать ресурсы из «периферии», не проявляя интереса к ее преобразованию в каких бы то ни было сферах. Отдельно стоит сказать, что тип отношений «центра» и «периферии» формируется в рамках исторического контекста. Часто бывало, что в разные исторические эпохи государство меняло формат своей работы с регионами или образовывало «смешанный» тип отношений, преобразовывая одни регионы и забывая о других. Тем не менее Эйзенштадт утверждает, что имперско-феодальный тип больше относится к странам Европы (в основном, Западной), а второй тип — к неевропейским патриархальным обществам.

* * *

Затронув культурно-исторический аспект взаимодействия центра и периферии, важно вспомнить концепцию С. Роккана, уделявшего в своих работах много внимания региональной идентичности [10, с. 121], от которой, в свою очередь, зависел характер отношений и возможных конфликтов той или иной территории с центром. В исторической ретроспективе можно выделить источники территориального напряжения, — культурная дистанция (этническая или религиозная) и экономические конфликты региональных центров в процессе борьбы за сферы влияния. На основе каналов напряжения возникают моноцефальные и полицефальные территориальные образования.

В первом случае среди остальных регионов по всем признакам и степеням дифференциации первенство имеет всего одна территория или город в зависимости от размера рассматриваемой территории. В случае полицефальности признаки центральности располагаются однородно, то есть на одной территории возможно существование нескольких центров влияния, примерно равных по ресурсам. И так как «центр» в основе своей стремится унифицировать территорию, которую он контролирует, выделяется несколько стратегий работы с регионами: централизующая, при которой «центр» и «периферия» стандартизируются по условиям, заданным властями, независимо от их экономического, культурного и любого другого статуса. В стратегии федерального соглашения ситуация иная: регионы хоть и подчинены единой системе принятия решений, но все же имеют

возможности для развития своих этнических и культурных особенностей, а также автономию при принятии решений.

В этих условиях складывается понятие «пространство принадлежности», носящее оборонительный характер, — «периферия» стремится, несмотря на превосходство «центра», сохранить свою самобытность или даже независимость. В рамках анализа строительства территориальных структур (с точки зрения проявления идентичности) норвежский автор выделяет следующие категории:

Преимущественно территориальное пространство, при котором выделен центральный пункт контроля при слабой выраженности региональных институтов (и здесь, и в остальных категориях производится анализ по трем измерениям — экономическому, политическому и культурному). Идет полное отождествление себя с государством. Если же возникает конфликт, то, чаще всего, он не несет никакой угрозы территориальной структуре государства.

Территориальное пространство с явными признаками пространства принадлежности. В данном случае большинство территорий ассоциирует себя с государством, однако ряд территорий обладают инфраструктурой и ресурсами для идентификации себя через свою территорию.

Пространство принадлежности с признаками территориального пространства. В такой территориальной структуре преобладает идея соглашения и терпимости к разным идентичностям. Большая опасность возникает при конфликтах, когда несколько региональных центров начинают бороться за власть или не могут найти точки соприкосновения.

Преимущественно пространство принадлежности. Идеальная форма взаимодействия территорий, у каждой из которых есть свой центр, и тем не менее, они составляют единое целое, не допуская больших конфликтов. Напряжение возможно лишь при давлении внешних факторов.

* * *

Описав ключевые теории, заложившие начало концепции центра и периферии, стоит рассмотреть подходы к изучению данной концепции. Данные подходы применимы, в первую очередь, к изучению политической регионалистики, — а по нашим предыдущим выводам, концепция «центр-периферия» является частью политической регионалистики, соответственно, данные подходы можно использовать и здесь. Таким образом, основными подходами к изучению политической регионалистики, а соответственно, и баланса отношений «центр-регион» являются:

Хорологический подход. Первым данный подход стал использовать немецкий географ А. Геттнер. Хорологический подход [11] предполагает, что география выделяется среди остальных не предметом, а методом. Предметом же могут стать другие аспекты, в том числе социальные или политиче-

ские. В рамках данного подхода часто используются географические методы, которые можно условно разделить на сравнительно-географические, при которых для анализа берется распространение одной или многих характеристик (и их отличия друг от друга) для множества регионов, — выделяются регионы-эталоны, с которыми сравниваются другие регионы. Таким образом, вычленяются не только различия между территориями, но также глубина и характер этих различий, определяются характеристики, закономерные не только для нескольких регионов, но и территории страны. Индивидуально-географические методы подразумевают анализ отдельно взятой территории по всему комплексу возможных характеристик. Если в предыдущем методе чаще всего используется метод дифференциации, то в данном методе применяют принцип локализации. Регион стараются описать как уникальное, целостное явление.

Компаративистский подход. Благодаря данному инструменту исследования политическую регионалистику часто сравнивают со сравнительной политологией, а то и попросту сводят к сравнению политико-управленческих процессов в регионах. Однако, сравнительная политология проводит анализ более масштабных процессов в разных странах, таким образом, более тяготея к международным отношениям. Вдобавок, регионалистика исследует вертикальные отношения (между центром и регионами), чего в сравнительной политологии нет. Компаративистский подход может применяться для нескольких вариантов исследования — субнациональный (в данном случае сравниваются регионы внутри государства), и кросс-национальный (когда проводится сравнительный анализ отдельных регионов разных государств). Развитие такого подхода позволяет отойти от описательного формата и сфокусироваться на выделении и интерпретации характеристик разных регионов.

Системный и структурно-функциональный подходы. В исследованиях с использованием системного подхода регион или государства понимаются как система в форме, предложенной Дэвидом Истоном, действующая по формуле «вход-конверсия-выход-обратная связь». Системный подход часто используется в работах политических географов (первым таким исследователем в России стал В. Колосов [12]). Структурно-функциональный подход считается продолжением и дополнением системного. Базовые основания этого подхода были придуманы Т. Парсонсом, М. Леви, Р. Мертоном. Учитывая особенности организации системы, в данном подходе проводится анализ элементов, благодаря которым функционирует система, что способствует ее интеграции.

Функционалистский подход. Также в качестве названия используется теория центробежных и центростремительных сил, рассматривающая баланс отношений между федеральным центром и регионами в рамках государства.

Данный подход рассматривает территориальное единство государства, понимая его как взаимосвязанное объединение регионов. В данном случае ставка делается на поиск признаков консолидации и механизмов поддержания стабильности и целостности. Самыми видными представителями данной теории стали Ж. Готтман (основатель теории иконографии) и Р. Хартшорн [13, с. 95–130]. Оба рассматривали в рамках государства два противоположных фактора: движение и иконография у Готтмана, центростремительная и центробежная сила у Хартшорна.

Инновационный подход. Здесь в первую очередь мы обратимся к теории «диффузии инноваций» Т. Хегерstrandта [5]. При моделировании системы отношений «центр-периферия» возникает два варианта воздействия на периферию: «прямой» (прямая диффузия) и «косвенный» (косвенная диффузия). В рамках первого варианта инновации внедряются на периферию механистическим способом и без гарантий того, что та или иная инновация приживется и будет позитивно воспринято периферией. При использовании косвенного способа перед внедрением инновации готовятся условия, а сама диффузия приводит к изменению местной среды. Периферия перестает быть пассивным объектом при «косвенной» диффузии. Однако при внедрении и распространении инноваций могут возникать сложности. В перспективе распространение инноваций разными способами, которые перечислены ниже, могут привести к дестабилизации обстановки на определенной территории или в государстве как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе:

- проблема конденсации — перенасыщенность территории инновациями настолько, что их воспринимают как обыденность. Спрос на них падает, развитие замедляется, а наконец, движение инноваций прекращается;
- проблема диффузии устаревших нововведений, когда инновация перестает быть таковой для центра и передается периферии, в то время как центр разрабатывает очередную инновацию. В таком случае может усиливаться дифференциация территорий;
- проблема периферийной инновационности — периферия при стечении обстоятельств начинает генерировать свои инновации, чтобы найти вектор развития, либо отстаивать право на первоиспользование инновации (здесь четко проявляется угроза центробежных процессов. — *Примечание автора*);
- проблема реорганизации центров и периферий. Данный процесс возникает тогда, когда вследствие движения инноваций в государстве или на определенной территории происходит изменение системы центров и периферий, появляются новые центры силы, или «узловые районы» [14], по Б. Родману, что выводит динамику диффузии инноваций на новый уровень;
- проблема статуса инноваций. Инновации могут иметь уровень глобальный, национальный, региональный и локальный, и в определенных

случаях ядро инновации может быть как генератором, так и ретранслятором инновации, то есть быть центром второго порядка в распространении инноваций.

* * *

Помимо названных, в науке используется еще ряд подходов: конфликтологический, элитистский, политико-культурный и множество других. Все они охватывают различные аспекты изучения концепции «центр-периферия», тем не менее, суммируя, в них можно выделить следующие сходные особенности.

Ключевыми акторами в рамках баланса отношений является сильный центр и слабая зависимая периферия. В редких случаях центров несколько, и между ними происходит борьба за господство на определенной территории, что в итоге сводится к установлению власти одного из региональных центров.

Центр либо полностью эксплуатирует периферию, занимаясь развитием своей инфраструктуры и других сфер, либо посредством распространения инноваций и налаживания каналов коммуникации с регионами происходит достижение консенсуса с периферией и обеспечение совместного существования.

Периферия может влиять на центр в зависимости от объема имеющихся там ресурсов, — как экономических, так и культурных или политических. И периферия либо начинает бороться с центром за лидерство, либо, используя «мягкую» силу, влияет на решения центра в той или иной ситуации.

Промежуточно подытоживая все вышесказанное, можно сказать, что концепция баланса отношений «центр-регион» и обобщающая ее политическая регионалистика, несмотря на свою научную «молодость», является сформировавшимся научным ответвлением с авторами и уникальной спецификой. Тем не менее, новые мировые тренды в развитии территории и политических отношений, как уже упоминалось в начале статьи, задают новые правила работы, и их необходимо учитывать. Возьмем на себя смелость обозначить данные тренды и предложим на их основе несколько новых подходов для изучения концепции взаимодействия центра и периферии.

Тренд информационной открытости. В эпоху развития социальных сетей, СМИ и мессенджеров, когда новость или статья могут стать глобальным инфоповодом, любые политические решения, относящиеся к взаимодействию центра и регионов, становятся и даже должны становиться достоянием общности. Здесь можно выделить информационно-коммуникационный подход, когда взаимодействие центра и регионов изучают по таким инфоповодам, как обнародованные элитные конфликты, оперативность решения властями региона проблем, обнаруженных населением, а также реакция «центра» на данные события. Этот подход позволит определять готовность региональной власти к информационным атакам, неожиданным событиям

негативного характера, а также ее способность решать нестандартные ситуации без помощи федеральных властей;

Тренд цифровизации. Отчасти связанный с предыдущим трендом, но больше относящийся к «приземлению» на местах и развитию новых технологий в сфере государственного управления, направленных на повышение эффективности коммуникации между населением, региональной властью и федеральным центром. Здесь большую роль играют инновации, внедренные в структуру управления территорией, успешно примененные и улучшенные практики других регионов и стран. В данном случае можно выделить цифровизационный подход, в рамках которого можно оценивать формат и качество внедренных регионом технологий, их эффективность на определенном промежутке времени, а также участие в данном процессе федерального центра, его реакцию на подобные улучшения.

Тренд на формирование своего собственного имиджа. С учетом развития новых технологий в государственном управлении и векторе на открытость работы крайне важно формировать для других акторов свой образ привлекательного во всех отношениях региона. Жизненно важным ресурсом в функционировании территории стало умение привлекать дополнительные частные инвестиционные ресурсы, создавать продукты, которые вызовут интерес и позитивный отклик как у населения и федерального центра, так и у крупного бизнеса, который будет готов вложить свой капитал в развитие территории. Чтобы реализовать свой потенциал, региону важно формировать свой имидж. Выделяемый нами имиджевый подход основан на изучении комплекса мер, предпринимаемых регионом для привлечения инвестиций, рабочей силы и других ресурсов для своего развития за счет информационных поводов, продуманной стратегии развития региона и прорывных идей, которые обратят на себя внимание потенциальных инвесторов. Взаимодействие центра и региона в данном контексте можно изучать по степени вовлеченности федеральных властей в процесс продвижения региона, наличие поддержки или противодействия со стороны различных акторов в центре.

Взаимодействие центра и регионов — динамичная система, так как в ее основе лежат взаимовлияющие процессы в социальной и экономической сферах, ускоряемые технологическим прогрессом. Будущее такой системы — гибкость, открытость и оперативное принятие эффективных решений по развитию территорий, а также согласованию интересов между разными акторами. Теории и исследовательские подходы составляют каркас концепции, но они также должны быть гибкими и меняться, дополняться подобно среде, в которой они существуют. Это в свою очередь позволит более точно формировать представление о характере взаимодействия между центром и перифериями и прогнозировать дальнейшие траектории развития такого взаимодействия.

Список литературы

1. Баранов А.В., Вартумян А.А. Политическая регионалистика: Курс лекций. Вып. 1–5. М.: МГСУ, Союз, 2003–2005.
2. Isard W. Location and space economy. N.Y., 1954.
3. Медведев Н.П. Политическая регионалистика: Учебник. М., 2002.
4. Роккан С., Урвин Д. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. № 6 (40). 2003.
5. Цветкова О.В. Границы и межрегиональные отношения в политико-территориальной структуре России: технологии моделирования: монография / О.В. Цветкова. Ульяновск: УлГУ, 2016. 381 с.
6. Freidmann J. Regional development Policy: A Case study of Venezuela. MIT Press. 1966.
7. Frank A.G. Crisis in the World Economy. New York. 1980.
8. Валлерстайн Э. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире (пер. с англ. Кудюкина П.М.; под общ. ред. Кагарлицкой Б.Ю.). М.: Издательство «Университетская книга». 2001. 416 с.
9. Гончаров Д.В. Структура территориальной политики в России // ПОЛИС. Политические исследования, 2012. № 3.
10. Роккан С., Урвин Д. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. № 6 (40). 2003.
11. Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. Л.; М., 1930.
12. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
13. Hartshorne R. The Functional Approach in Political Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1950. № 40.
14. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена. 1999. 256 с.
15. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений: моногр. / Р.Ф. Туровский; Гос. уни-т – Высшая школа экономики. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 399 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ OUR AUTHORS

АВАКЯН Дарья Айрапетовна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»; AVAKYAN Daria Ayrapetovna, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Sociology of the Educational Institution of Higher Education Trade Unions «Academy of Labor and Social Relations»; avakyan88@mail.ru

АВАТКОВ Владимир Алексеевич, доктор политических наук, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; AVATKOV Vladimir Alekseevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Middle and Post-Soviet East of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; v.avatkov@gmail.com

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна, кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент, директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, ФГБОУ ВО «Пятигорского государственного университета»; ASTVATSATUROVA Maya Artashesovna, candidate of Historical Sciences, doctor of Political Sciences, Director of the Scientific and Educational Center for Political and Ethnopolitical Studies, Professor of the Department of Creative and Innovative Management and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» (PSU); maya.astv@gmail.com

БОДРОВ Андрей Кириллович, консультант отдела регионального взаимодействия Управления регионального взаимодействия Федерального агентства по делам молодежи, аспирант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; BODROV Andrey Kirillovich, Consultant of the Department of Regional Interaction of the Department of Regional Interaction of the Federal Agency for Youth Affairs, Graduate student of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; andreygospolmsu@gmail.com

БОРИСОВ Игорь Борисович, кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского Общественного института избирательного права (РОИИП), заслуженный юрист Российской Федерации; BORISOV Igor Borisovich, Candidate of Law, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public

Institute of Electoral Law (ROIP), Honored Lawyer of the Russian Federation; borisov@roiip.ru

ГО Фэнли, аспирантка факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; GUO Fengli, Postgraduate Student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; heyfengli0920@163.com

ГОНЧАРЕНКО Анна Романовна, старший аналитик Ассоциации специалистов по информационным операциям; GONCHARENKO Anna Romanovna, Senior Analyst of the Association of Information Operations Specialists; annagoncharenko3@yandex.ru

ДАНИЛИН Павел Викторович, политолог, руководитель Центра политического анализа; DANILIN Pavel Viktorovich, Political Scientist, Director of the Center for Political Analysis; danilinp@mail.ru

ДАНИЛОВ Вячеслав Николаевич, политолог, кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии Философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; DANILOV Vyacheslav Nikolaevich, Political Scientist, Candidate in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophical Anthropology of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; ivangog@mail.ru

КУДРЯВЦЕВ Максим Михайлович, директор направления ОП АО «Русский алюминий менеджмент»; KUDRYAVTSEV Maxim Mikhailovich, Director of the Direction of the OP JSC «Russian Aluminum Management»; 5333378@gmail.com

ЛЫСЕНКО Владимир Иванович, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации; LYSENKO Vladimir Ivanovich, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation; vlysenko@cikrf.ru

МАНОЙЛО Андрей Викторович, доктор политических наук, кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ЦНИИ глобальных и региональных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН; MANOILO Andrei Viktorovich, Doctor of Political Science, PhD in Physics and Mathematics, Professor, Leading Researcher Department of Europe and America, Central Research Institute of Acute and Problems Consideration Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION); cyberhurricane@yandex.ru

НОВИКОВ Алексей Сергеевич, кандидат философских наук, магистр психологии; NOVIKOV Alexey Sergeevich, Candidate of Philosophical Sciences, Master of Psychology; asnovikov@gmail.com

ПЕТРЕНКО Анатолий Иванович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры методики воспитания и дополнительного образования АСОУ; PETRENKO Anatoly Ivanovich, Candidate of Psychological

Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Methods of Education and Additional Education of ASOU; aipetr@rambler.ru

РОМАНОВА Юлия Алексеевна, аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; ROMANOVA Yulia Alekseevna Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University; jularom@mail.ru

СБИТНЕВА Алина Игоревна, научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; SBITNEVA Alina Igorevna, Researcher at the Department of Middle and Post-Soviet East of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; a_sbitneva@mail.ru

СТРИГУНОВ Константин Сергеевич, соискатель факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; STRIGUNOV Konstantin Sergeevich, Postgraduate Student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; sks6891@gmail.com

ХАБАРОВ Илья Александрович, кандидат политических наук, руководитель Тамбовского областного государственного казенного учреждения «Аппарат Общественной палаты Тамбовской области»; KHABAROV Ilya Alexandrovich, Candidate of Political Science, Director of the «The Office of the Public Chamber of Tambov Region»; hia68@mail.ru

ХОРУНЖИЙ Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Воронежского государственного университета, доцент кафедры РАНХиГС (Воронежский филиал), секретарь Избирательной комиссии Воронежской области; KHORUNZHIY Sergey Nikolaevich, Candidate of Law, Associate Professor of Constitutional Law and Municipal Law of Voronezh State University, Associate Professor of the Department Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (branch) RANERA, Executive Secretary Election Commission of Voronezh Region; snhor@mail.ru

ЦВЕТКОВА Ольга Викторовна, кандидат политических наук, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; TSVETKOVA Olga Viktorovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University; tsvetkovaov@mail.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков), рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдается предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объема не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках, и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д.... Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Литература» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д.... В раздел «Литература» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Литература» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в черно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить ее таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приеме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объем, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

ГРАЖДАНИН ВЫБОРЫ ВЛАСТЬ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 2(24)
2022

АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

*Подписаться на журнал можно на официальном сайте
каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru
и на сайте интернет-магазина «Пресса по подписке» www.akc.ru.
Подписной индекс журнала – 85482*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 10.06.2022.

Формат 70x100 1/16.

Печать офсетная.

Печ. л. 13.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Пресса ИПФ»
394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143